

С. Торайғыров атындағы Павлодар мемлекеттік университетінің
ҒЫЛЫМИ ЖУРНАЛЫ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
Павлодарского государственного университета имени С. Торайгырова

ПМУ ХАБАРШЫСЫ

Гуманитарлық сериясы
1997 жылдан бастап шығады

ВЕСТНИК ПГУ

Гуманитарная серия
Издается с 1997 года

№ 4 (2018)

Павлодар

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Павлодарского государственного университета имени С. Торайгырова

Гуманитарная серия

выходит 4 раза в год

СВИДЕТЕЛЬСТВОо постановке на учет, переучет периодического печатного издания,
информационного агентства и сетевого издания

№ 17027-Ж

выдано

Министерством информации и коммуникаций
Республики Казахстан**Тематическая направленность**
публикация материалов в области истории,
правоведения и общественных наук**Бас редакторы – главный редактор**

Орсариев А. А.

доктор PhD

Заместитель главного редактора

Бегимтаев А. И. *к.полит.н., доцент*

Ответственный секретарь

Калиев И. А., *к.полит.н., доцент***Редакция алқасы – Редакционная коллегия**

Акишев А. А.,	<i>д.полит.н., профессор;</i>
Арын Р. С.,	<i>д.пол.н., профессор;</i>
Абсаттаров Р. Б.,	<i>д.филос.н., профессор;</i>
Ахмеджанова Г. Б.,	<i>д.ю.н., профессор;</i>
Борбасов С. М.,	<i>д.пол.н., профессор;</i>
Батырбаева Ш. Д.,	<i>д.и.н., профессор (Кыргызстан);</i>
Ветренко И. А.,	<i>д.пол.н., профессор (Россия);</i>
Джунусов А. М.,	<i>д.пол.н., профессор;</i>
Жиренчин К. А.,	<i>д.ю.н., профессор;</i>
Ивагова Л. М.,	<i>д.пол.н., профессор;</i>
Косанов Ж. К.,	<i>д.ю.н., профессор;</i>
Кошенова Р. Н.,	<i>д.филос.н., доцент;</i>
Нурымбетова Г. Р.,	<i>д.пол.н., профессор;</i>
Романова Н. В.,	<i>д.и.н., профессор;</i>
Сабит М. С.,	<i>д.филос.н., профессор;</i>
Билялова Г. К.,	<i>д.филос.н., профессор;</i>
Кузембаев Н. Е.,	<i>к.и.н., доцент;</i>
Шокубаева З. Ж.	<i>(тех. редактор).</i>

За достоверность материалов и рекламы ответственность несут авторы и рекламодатели

Редакция оставляет за собой право на отклонение материалов

При использовании материалов журнала ссылка на «Вестник ПГУ» обязательна

МАЗМҰНЫ**«САЯСАТТАНУ» СЕКЦИЯСЫ****Зозуля Т. Н., Жакубалдина А. К.**Елдің саяси имиджінің қалыптасуына
кросс-мәдени коммуникациялардың әсері9**Зозуля Т. Н., Сембаева Г. У.**«Рухани жаңғыру» бағдарламасы қоғамдық
сана-сезімді жаңарту – уақыт талабы.....25**Зозуля Т. Н.**

Ұлы дала ғасырындағы үздіксіз байланыс36

Исаков А. Б.Әлеуметтік ынтымақтастықты зерттеудегі
теориялық көзқарастар42**Калиев И. А., Зада Б. С.**Қоғамдық ұйымдастыру және бизнестегі жергілікті
өзін өзі басқару әлеуметтік серіктестігінің шетел тәжірибесі64**Мақсат Р. М.**Тәуелсіз Қазақстанның парламентаризмнің
қалыптасуындағы президент институтының рөлі84**Мақсат Р. М.**XIII–XV ғғ. аралығындағы Англиядағы парламентаризм
институты дамуының ерекшеліктері90**Тайкебаева Ж. Т., Исаков А. Б.**Әлеуметтік ынтымақтастықтың үрдістерін реттеудегі
нормативтік-заңнамалық база101**Теренченко И. С., Айтмухамет А. А.**

Сайлау үрдісіндегі саяси кеңес беру112

Теренченко И. С., Тайкебаева Ж. Т.

Политконсалтингтегі стратегиялық жоспарлау122

Турлыбекова А. М.Қоғамдық сананы жаңғырту төңірегінде
Қазақстан жастары арасында этникалық

тұлғаны қалыптастыру сұрақтарын қарастыру133

«ӘЛЕУМЕТТАНУ» СЕКЦИЯСЫ**Анарбек Н.**

Тілдік саясат қазақ қоғамының рухани құндылықтарын
ұдайы өндіру құралы ретінде 142

Жумасултанова Г. А., Инджиголян А. А.

Қазақстандықтардың қоғамдық сананың жаңғырту
аясында ұлттық бірегейлік құрылымындағы бірлік
құндылықтардың орны 153

Медеубаева Ж. М., Таштемханова Р. М.

Ш. Мирзияев кезіндегі Өзбекстанның сыртқы саясаты: Орталық
Азиядағы аймақтандырылуға ықпалы мен мүмкіндіктері 164

Притворова Т. П., Легостаева А. А.,**Тян О. А., Орынбасарова Е. Д.**

Ауыспалы экономика жағдайында жұмысбастылықтың
ішінара және уақытша ерекшеліктері: Қазақстандағы куәлік 175

Таштемханова Р. М., Абжаппарова Б. Ж.

Германияның академиялық қоғамдастығының
Қазақстанның сыртқы саясаты жайлы талдауы 189

Урузбаева Н. А., Насанбекова С. Т., Родригез-Запатеро М.

Туризм саласындағы цифрландырудың әлеуметтік аспектілері 202

Урузбаева Н. А., Сапаров Қ. Т.

Қазақстанда кәсіпкерліктің әлеуметтік қызметін жүзеге асыру 211

Авторларға арналған ережелер..... 221

СОДЕРЖАНИЕ**СЕКЦИЯ «ПОЛИТОЛОГИЯ»****Зозуля Т. Н., Жакубалдина А. К.**

Влияние кросс-культурных коммуникаций
на формирование политического имиджа страны 9

Зозуля Т. Н., Сембаева Г. У.

Программа «Рухани жаңғыру» модернизация
общественного сознания – требование времени 25

Зозуля Т. Н.

Неразрывная связь поколений великой степи 36

Исаков А. Б.

Теоретические подходы в исследовании
социального партнерства 42

Калиев И. А., Зада Б. С.

Зарубежный опыт социального партнерства местного
самоуправления, общественных организаций и бизнеса 64

Мақсат Р. М.

Роль института президентства в становлении
парламентаризма независимого Казахстана 84

Мақсат Р. М.

Особенности развития института парламентаризма
в Англии на рубеже XIII–XV вв. 90

Тайкебаева Ж. Т., Исаков А. Б.

Нормативно-законодательная база
по регулированию процессов социального партнерства 101

Теренченко И. С., Айтмухамет А. А.

Политическое консультирование в избирательном процессе 112

Теренченко И. С., Тайкебаева Ж. Т.

Стратегическое планирование в политконсалтинге 122

Турлыбекова А. М.

Вопросы складывания этнической идентичности
среди молодежи Казахстана в рамках модернизации
общественного сознания 133

СЕКЦИЯ «СОЦИОЛОГИЯ»**Анарбек Н.**

Языковая политика Казахстана
в условиях духовной модернизации общества 142

Жумасултанова Г. А., Инджиголян А. А.

Место ценностей единства в структуре
национальной идентичности казахстанцев
в условиях модернизации общественного сознания 153

Медеубаева Ж. М., Таштемханова Р. М.

Внешнеполитический курс Узбекистана
при Ш. Мирзиёеве: влияние и возможности
для регионализации в Центральной Азии 164

Притеорова Т. П., Легостаева А. А.,**Тян О. А., Орынбасарова Е. Д.**

Особенности частичной и временной занятости
в переходных экономиках: свидетельство из Казахстана 175

Таштемханова Р. М., Абжаппарова Б. Ж.

Анализ внешней политики Казахстана
академическим сообществом Германии 189

Урузбаева Н. А., Насанбекова С. Т., Родригез-Запато М.

Социальные аспекты цифровизации сферы туризма 202

Урузбаева Н. А., Сапаров Қ. Т.

Реализация социальной функции
предпринимательства в Казахстане 211

Правила для авторов 221

CONTENT**SECTION «POLITOLOGY»****Zozulya T. N., Zhakubaldina A. K.**

Influence of cross-cultural communications
on the formation of the country's political image 9

Zozulya T. N., Sembayeva G. U.

Program «Rukhani zhangyru» modernization
of public consciousness is the time requirement 25

Zozulya T. N.

Non-explosive connection of the generations of the great steppe 36

Isakov A. B.

Theoretical approaches in research of social partnership 42

Kaliyev I. A., Zada B. S.

Foreign experience of social partnership
of local government, public organizations and business 64

Maksat R. M.

Role of the institute of presidency in formation
of parliamentarism of independent Kazakhstan 84

Maksat R. M.

Features of development of the institute of parliamentarism
in England at the boundary of the XIII–XV centuries 90

Taikebayeva Zh. T., Isakov A. B.

Regulatory and legislative base for regulating
the processes of social partnership 101

Terenchenko I. S., Aytmuhamet A. A.

Political consulting in the election process 112

Terenchenko I. S., Taikebayeva Zh. T.

Strategic planning in political consulting 122

Turlybekova A. M.

Questions of forming ethnic identity among youth
of Kazakhstan within the framework of modernization
of public consciousness 133

SECTION «SOCIOLOGY»**Anarbek N.**

Language policy in the context of spiritual
modernization of society 142

Zhumasultanova G. A., Injigolyan A. A.

The place of values of unity in the structure
of national identity of Kazakhstan in the conditions
of modernization of public consciousness 153

Medeubayeva Zh. M., Tashtemkhanova R. M.

Uzbekistan's foreign policy under Sh. Mirziyoyev:
influence and opportunities for regionalization in Central Asia 164

Pritvorova T. P., Legostayeva A. A.,**Tyan O. A., Orynbassarova Y. D.**

Features of partial and temporary employment
in transitional economies: the evidence from Kazakhstan 175

Tashtemkhanova R. M., Abzhapparova B. Zh.

Analysis of the foreign policy of Kazakhstan
by the German academic community 189

Uruzbayeva N. A., Nassanbekova S. T., Rodríguez Zapatero M.

Social aspects of tourism sphere digitalization 202

Uruzbayeva N. A., Saparov K. T.

Realization of social function of entrepreneurship in Kazakhstan 211

Rules for authors 221

«САЯСАТТАНУ» СЕКЦИЯСЫ

ГРНТИ 323(674)

Т. Н. Зозуля¹, А. К. Жакубалдина²

¹профессор, Павлодарский государственный университет имени
С. Торайгырова, г. Павлодар, 1400008, Республика Казахстан;

²магистрант, Павлодарский государственный университет имени
С. Торайгырова, г. Павлодар, 140008, Республика Казахстан

**ВЛИЯНИЕ КРОСС-КУЛЬТУРНЫХ КОММУНИКАЦИЙ
НА ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ИМИДЖА
СТРАНЫ**

*В статье авторы анализируют формирование политического
имиджа государства, в котором участвуют разнонаправленные и
разноуровневые акторы, обладающие специфическими задачами и
возможностями воздействия на социокультурное, информационное,
политическое пространство, что является важным составляющим
в вопросах модернизации общественного сознания.*

*Ключевые слова: политический имидж, коммуникации, кросс-
культура, межкультурная коммуникация, национальная диаспора,
Ассамблея народов Казахстана, общественное сознание.*

ВВЕДЕНИЕ

Термин «коммуникация» появился в научной литературе в начале
XX века. Коммуникация (от лат. «communication – сообщение, передача и от
«communicare» – делать общим, беседовать, связывать, сообщать, передавать)
как необходимый элемент взаимодействия людей, групп, народов, государств,
в ходе которого осуществляется передача и взаимопередача информации,
чувств, оценок, значений, смыслов, ценностей занимает ведущее место в
сфере социальных процессов [1, С. 187].

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Без коммуникации невозможно конституирование социальных
общностей, социальных систем, институтов, организаций и т.д.,
существование социальности, социума как такового. Коммуникация
пронизывает все стороны жизни общества, социальных групп и отдельных

индивидов. Всякое исследование социальной жизни затрагивает те или иные ее формы. На данный момент существует множество определений коммуникации. Так, в «Современном словаре иностранных слов» дается следующее толкование данного понятия:

- путь сообщения (воздушная, водная и т.д. коммуникация);
- форма связи (телеграф, радио, телефон);
- акт общения, связь между двумя и более индивидами, основания для взаимопонимания;
- процесс сообщения информации с помощью технических средств – СМК (печать, радио, кино, телевидение) [2, 57, С. 201–204].

Согласно энциклопедическому социологическому словарю, понятие коммуникации определяется как передача информации от одной системы к другой, посредством специальных материальных носителей, сигналов [3, С. 197].

Согласно И. П. Яковлеву и ряду других многочисленных исследователей, под коммуникацией как наукой следует понимать совокупность исследований роли коммуникации в обществе, имея в виду её развитие, содержание и структуру коммуникационных процессов, использование их средств, накопление их и так далее [4, С. 8]. С. В. Бориснев определяет коммуникацию как социально обусловленный процесс передачи и восприятия информации в условиях межличностного и массового общения по различным каналам с помощью разных средств коммуникации [60].

По Никласу Луману, под коммуникацией следует понимать «некое исторически-конкретное протекающее, зависимое от контекста событие» как совокупность действий, характерных только для социальных систем, при осуществлении которых происходит перераспределение знания и незнания, а не связь или передача информации, или перенос «семантических» содержаний от одной обладающей ими психической системы к другой [5, С. 113–114].

Согласно Бакстеру, коммуникация – это средство, с помощью которого люди конструируют и поддерживают свои отношения [6].

Таким образом, обобщив вышеуказанные определения российских и зарубежных ученых, можно утверждать, что коммуникация представляет собой процесс передачи и обмена информации в обществе, в ходе взаимоотношений людей, групп, народов и государств, посредством живого общения или использования специальных материальных носителей, сигналов, с целью оказания какого-либо влияния.

Рассмотрев понятие коммуникации, целесообразно осуществить переход к её более узкой и конкретной отрасли под названием кросс-

культурная коммуникация. Понятие «кросс-культурная» коммуникация (англ. cross-culture communication) означает «пересекающаяся культурная коммуникация». Обобщенно этому понятию можно дать следующее определение: «Процесс взаимодействия двух и более субъектов общения (индивидов, групп, организаций), принадлежащих к различным культурам, для передачи или обмена информацией и ценностями посредством принятых в культуре знаковых систем, а также норм, правил и техник». Научное изучение кросс-культурных коммуникаций началось на Западе, связано с появлением в 1954 г. Работы Э. Холла и В. Трагера «Культура как коммуникация», в которой впервые был выдвинут этот термин [7, С. 108–117].

Согласно Э. Холлу, понятие кросс-культурной коммуникации определяется как «идеальная цель, к которой должен стремиться человек в своём желании как можно лучше и эффективнее адаптироваться к окружающему миру» [8].

С конца XX века волна интереса к проблемам кросс-культурной коммуникации захватила исследователей многих гуманитарных наук. Сейчас эта проблематика занимает важное место в исследованиях отечественных специалистов, о чём свидетельствуют публикации последних лет. Среди авторов Л. И. Гришаева, Т. Г. Грушевицкая, Д. Б. Гудков, О. А. Леонтович, А. П. Садохин, С. Г. Тер-Минасова и другие. А. П. Садохин определяет кросс-культурную коммуникацию как особую форму коммуникации двух или более представителей различных культур, в ходе которой происходит обмен информацией и культурными ценностями взаимодействующих культур [9].

По мнению Л. И. Гришаевой кросс-культурная коммуникация представляет собой межличностное взаимодействие носителей разных культур при совместном решении ими в определенных условиях общих коммуникативных задач [10].

Следует обратить внимание на то, что во многих контекстах термин кросс-культурная коммуникация используется как синоним термина межкультурная коммуникация. В контексте коммуникации разницы между этими терминами нет, однако имеется важное различие между кросс-культурным и межкультурным исследованием. Кросс-культурное исследование относится к сравнению двух или более культур по некоторой интересующей переменной (например, выясняются различия между культурами А и В в выражении эмоций). Межкультурное исследование имеет отношение к изучению интеракции между представителями двух конкретных культур (например, выясняются различия в том, как представители культур А и В выражают эмоции, когда общаются соответственно с людьми из культур В и Л) [11].

Межкультурная коммуникация, общение, осуществляемое в условиях значительного культурно обусловленных различий в коммуникативной компетенции его участников, настолько сложно, что эти различия существенно влияют на удачу или неудачу коммуникативного события. Под коммуникативной компетенцией при этом понимается знание используемых при коммуникации символических систем и правил их функционирования, а также принципов коммуникативного взаимодействия. Межкультурная коммуникация характеризуется тем, что ее участники при прямом контакте используют специальные языковые варианты и дискурсивные стратегии, отличные от тех, которыми они пользуются при общении внутри одной и той же культуры. Часто используемый термин «кросс-культурная коммуникация», обычно относится к изучению некоторого конкретного феномена в двух или более культурах и имеет дополнительное значение сравнения коммуникативной компетенции общающихся представителей различных культур, в том числе в политической сфере [12]. Не подлежит сомнению тезис о том, что современная культура есть достояние всего человечества, поскольку является результатом длительного исторического взаимодействия различных народов. Поэтому значение процесса кросс-культурной коммуникации в жизни общества невозможно переоценить, ещё важнее – создать все условия для максимальной гармонизации и созидательности этого процесса, способствовать тем самым сохранению культурного многообразия и взаимообогащения в условиях динамично развивающегося мира [13].

Для рассмотрения кросс-культурной коммуникации можно воспользоваться этическим подходом. Этический подход к рассмотрению кросс-культурной коммуникации является одним из определяющих, поскольку ориентирован на выявление и изучение глубинных морально-нравственных оснований межсубъектных отношений. Масштабность и в то же время глубина названного подхода определяются тем, что перед этикой ставится чрезвычайно сложная задача определения ценностных идеалов «доброты», «должного», «справедливого» и т.д. как нравственных принципов, лежащих в основе этического базиса кросс-культурной коммуникации. Способность добровольно принимать на себя и разделять нравственную ответственность не только содействует устранению межкультурных разногласий, но формирует созидательную обстановку взаимного уважения, необходимости сохранять полифоническое многообразие мировых культур. Более того, соблюдение этических принципов является почвой для создания прочных отношений в целях сохранения мира, справедливости и равенства между людьми. Этический подход позволяет

дифференцировать уровни кросс-культурных коммуникаций по характеру, как взаимодействия коммуникантов, так и коммуникативных барьеров, связанных с нравственными конфликтами, провоцирующими нарушение моральных норм [14].

Современный мир сложен, многообразен, динамичен, пронизан противоборствующими тенденциями. Он противоречив, но взаимозависим, во многом целостен. Развитие общественных отношений сопровождается углублением отношений общения и разветвлением связей человека с человеком, народа с народом, общества с обществом, то есть развитием процессов социальной коммуникации.

Межкультурная коммуникация – одно из важных явлений современного общества, которое заметно сказывается на развитии общественных отношений внутри каждой страны и между странами и народами. Актуальность проблем межкультурной коммуникации связана не только с познавательным интересом к иным культурам и стремлением обогатить свою культуру, но и с объективными социальными, политическими и экономическими процессами, с возросшим числом контактов между представителями разных народов в самых разных областях современной общественной жизни. Сегодня становится всё более очевидным, что технологическое развитие и тесное сотрудничество в самых различных сферах заставляют общаться людей, принадлежащих к различным культурам.

Контакты с носителями культур, совершенно не похожих на родную, превратился из фактов биографии отдельных людей в нечто само собой разумеющееся, повседневное. Это поставило проблематику межкультурной коммуникации в ряд самых актуальных [15]. В последние годы социальные, политические и экономические потрясения мирового масштаба привели к небывалой миграции народов, их переселению, расселению, столкновению, смешению, что, разумеется, приводит к конфликту культур [16].

Становясь участниками любого вида межкультурных контактов, люди взаимодействуют с представителями других культур, зачастую существенно отличающихся друг от друга. Отличия в языках, национальной кухне, одежде, нормах общественного поведения, отношении к выполняемой работе зачастую делают эти контакты трудными и даже невозможными. Но это лишь частные проблемы межкультурных контактов. Основные причины их неудач лежат за пределами очевидных различий. Они – в различиях в мироощущении, то есть ином отношении к миру и к другим людям.

В то же время научно-технический прогресс и усилия разумной и миролюбивой части человечества открывают все новые возможности, виды и формы общения, главным условием эффективности которых является

взаимопонимание, диалог культур, терпимость и уважение к культуре партнеров по коммуникации.

Все это вместе взятое – и тревожное, и обнадеживающее – и привело к особенно пристальному вниманию к вопросам межкультурного общения.

Успешный опыт Казахстана по созданию и развитию модели межнационального и межрелигиозного сосуществования продолжает вызывать неподдельный интерес в мире, где проблемы взаимоотношений между людьми разных этносов и вероисповеданий в последние годы имеют, к сожалению, некоторую тенденцию к обострению.

Совершенно очевидно, что при огромном количестве этнических групп, проживающих на территории Казахстана издавна, необходимо особое внимание обращать на вопросы интеграции и взаимодействия между ними. Президент Казахстана Н. Назарбаев в своей книге «В потоке истории» считает, что национальные диаспоры могут выступать «в выстраиваемой общеказахстанской культурной реальности не как осколки своих этноматериковых культур, а стать полномочными представителями Казахстана, одним из каналов взаимосвязи нашей страны с национально-культурными системами других государств» [17].

Национальным диаспорам, проживающим в новом независимом государстве – Республике Казахстан, отводится важная миссия выступать в качестве проводников культурного диалога между Казахстаном и другими государствами. При этом этноязыковые диаспоры в Казахстане проявляют свою политическую, языковую, этническую субъективность через своё культурное развитие и культурную деятельность, в том числе, с выходом на уровень международных отношений.

В Социолингвистическом справочнике «Языки народов Казахстана» отмечается, что «все диаспоры вместе составляют 16,6 % населения страны, и ни одна из диаспор в отдельности не может сравниться по демографической и коммуникативной мощности с казахским (в 1999 г. 53,4 %; в 2004 г. – 57,2 %; в 2006 г. – 58,9 %) и русским (30 %) населением» [18].

Соотношение этносов и языков в Казахстане меняется, прежде всего, на фоне возрастных изменений разных этносов: молодежь в составе населения страны составляет 53,8 %, наиболее молодыми являются узбеки – 64,3 %, казахи – 61,5 %, турки – 60,7 %, азербайджанцы – 59 %, уйгуры – 58,4 %. Данное обстоятельство позволяет демографам прогнозировать увеличение в короткое время тюркоязычной части населения страны. Казахстан становится все более моноэтничным.

Как видно по данным переписи и научным исследованиям, демографически и коммуникативно неравнозначные языки диаспор,

являющиеся уникальным отражением «многообразия в единстве», вместе с тем, свидетельствуют об истории разных народов, которые по разным причинам оказались на территории бывшей Казахской ССР, а ныне – независимого государства, в котором наблюдается «со-функционирование» в едином коммуникативном пространстве двух коммуникативно мощных языков-партнеров – казахского и русского.

Проводимое в Казахстане языковое регулирование в контексте полиэтничного и поликультурного общества направлено на оптимизацию межнациональных отношений и формирование этноязыковой толерантности, развитие межэтнической интеграции, а также укрепление единства и целостности социума. В этой связи была разработана «Доктрина национального единства», в которой отмечается: «Языковая политика призвана создать в стране гармоничное социолингвистическое пространство, стать фактором единения народа. Она должна быть направлена на расширение и укрепление социальных и коммуникативных функций государственного языка; сохранение диалоговой функции русского языка; развитие языков других этнических групп» [19].

Таким образом, Казахстану есть что предложить, а также научить мультикультурализму и мирному сосуществованию различных вероисповеданий. Казахстан заслужил доверие и авторитет не только своими культурными и историческими традициями, но и чувством ответственности и той роли, которую он играет в ОБСЕ, ЕврАзЭС, ООН, а также своим желанием поделиться с другими странами своим опытом. Это послужит предотвращению социальных конфликтов, что приведет, не только к спокойной жизни, но, прежде всего, к улучшению взаимоотношений между людьми через непрерывное обогащение интеллектуальным наследием человечества – искусством, религией, философией, которые показывают, что смысл жизни заключается в умении жить.

В реализации внешнеполитической стратегии Казахстана, направленной на укрепление ее международной позиции в области обеспечения благоприятных внешних условий для развития страны, безусловно, особая роль принадлежит таким ключевым сферам человеческой деятельности как образование, наука и культура – областям прямой компетенции ЮНЕСКО. ЮНЕСКО – специализированное учреждение ООН, универсальная, международная организация в сфере образования, науки и культуры.

Необходимо отметить значительные успехи Казахстана в развитии мировой и национальной культуры. Во Всеобщей декларации ЮНЕСКО о культурном разнообразии, разработанной в 2001 г., решительно утверждается, что «культурное разнообразие так же необходимо для

человечества, как биоразнообразие для живой природы. В этом смысле оно является общим достоянием человечества и должно быть признано и закреплено в интересах нынешнего и будущих поколений». ЮНЕСКО также приняла в 2005 г. Конвенцию об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения, отличительной особенностью, которой является признание двойственного – одновременно экономического и культурного – характера культурных мероприятий и товаров культурного назначения, содействие их свободному распространению и создание, тем самым, подлинной международной основы для сотрудничества и развития. Этот День проводится под знаком Международного года сближения культур, цель которого заключается в активизации диалога между культурами для укрепления связей между народами в масштабах всей планеты и содействия прогрессу человеческой цивилизации.

Казахстан выступает за культурное разнообразие и действует в его поддержку, использует все средства, которые способствуют его популяризации и укреплению. Культура является показательной сферой состояния духовного мира населения страны, а значит наследия, в общем. Она не должна стоять на месте, а продуктивно продолжать процесс своего обогащения путем взаимного интереса как внутри страны, так и за ее пределами. Для того, чтобы культурное разнообразие было продуктивным, оно должно опираться на толерантность, активность, желание каждого приобщиться к развитию внутреннего мира себя и окружающих, принятие чужой культуры, на диалог и духовное взаимообогащение. Знание многих культур и постоянное поддержание интереса к своей – это дает эффективный результат культуре, как отрасли в целом, так и отдельно взятому представителю нации и страны в частности.

В 2017 году отмечается 25-летие вступления Республики Казахстан в ЮНЕСКО. За это время проведено немало совместных мероприятий в сотрудничестве с организациями страны. ЮНЕСКО тесно взаимодействует с Ассамблеей Народа Казахстана для проведения различных культурных проектов, в том числе приуроченных к юбилейным и памятным датам. Немаловажным является тот факт, что в настоящее время, когда в процессе глобализации информационного пространства возникает реальная угроза ассимиляции и подавления культур малых народов, бережное отношение к древним традициям способствует сохранению культурного многообразия мира. Одним из важных факторов взаимного знакомства и открытия новых имён в мировой культуре стала разработка в Казахстане Календаря памятных дат человечества, который призван привлечь внимание мировой

общественности к тем или иным деятелям различных национальных литератур и культур Казахстана.

Только в 1990–2000-е годы на мировом уровне прошли чествования юбилеев классиков казахской литературы: 150-летие Абая Кунанбаева (1995), 100-летие Мухтара Ауэзова (1997), 100-летие Сабита Муканова (2000), 100-летие Габита Мусрепова (2002) и 200-летие Махамбета Утемисова (2003), 100-летие Алькея Маргулана (2004), 100-летие Абылхана Кастеева (2004), 100-летие. Все эти юбилейные даты вошли в Календарь памятных дат ЮНЕСКО.

Следует отметить, что празднование юбилейных дат имеет большое значение для популяризации казахской литературы за рубежом. В результате торжественных мероприятий, проводимых как в Казахстане, так и во всём мире, современные зарубежные литераторы познакомились с творчеством лучших представителей казахской литературы, а также установили личные контакты с современными казахскими писателями и учёными-литературоведами, что серьёзно повлияло на международный имидж страны, значительно подняло престиж государства.

Казахстан, вступив в ЮНЕСКО, оказался в числе почти 200 стран мира, которые стали её членами на рубеже XX–XXI столетий. За такой сравнительно короткий период членства в ООН самые различные страны мира получили возможность познакомиться с творчеством известных казахских поэтов и писателей, а через их творчество - и с историей, культурой и современным развитием казахского народа. Кроме того, за это время на самом высоком международном уровне были проведены празднования, посвященные 100-летию учёного Каныша Сатпаева, 1500-летию Туркестана и 2000-летию Тараза. В список всемирного наследия ЮНЕСКО внесён историко-мемориальный комплекс Ходжи Ахмеда Яссави. Несколько лет назад для включения в III-ю Прокламацию ЮНЕСКО шедевров устного и нематериального наследия Институт литературы и искусства имени М. Ауэзова представил эпос «Кыз Жибек». Благодаря этому проекту Казахстан впервые принимал участие в отборе кандидатур для включения в III-ю Прокламацию ЮНЕСКО шедевров устного и нематериального наследия. Поэма «Кыз-Жибек» включена в мировое культурное наследие, 2008 год был объявлен ЮНЕСКО годом 500-летнего юбилея эпоса. Юбилей включен в календарь знаменательных дат ЮНЕСКО

Казахстан – одна из наиболее богатых стран мира в плане устного и нематериального наследия. Основной причиной является историческое прошлое казахского народа, на протяжении многих веков связанного с кочевым образом жизни. В силу специфических условий жизни кочевники

уделяли приоритетное внимание нематериальной культуре. До настоящего времени дошло огромное множество образцов устного народного творчества, среди которых особое место занимают эпические произведения.

Презентация Государственной программы «Культурное наследие» вызвала огромный интерес в Париже со стороны французов, знакомых с нашей страной, и со стороны дипломатических представительств разных стран мира, действующих в Париже. Высоко оценил усилия Республики Казахстан по сохранению культурного, природного, материального и нематериального наследия бывший Генеральный директор ЮНЕСКО К. Мацуура.

Таким образом, можно отметить, что сотрудничество Казахстана с ЮНЕСКО способствует международному признанию казахской литературы. Вышеуказанные мероприятия, которые регулярно проходят под эгидой ЮНЕСКО, имеют исключительное значение в процессе международной популяризации казахской литературы и создания художественно-культурного, духовно-интеллектуального имиджа Казахстана. Кроме того, следует отметить, что литературные юбилеи под эгидой ЮНЕСКО явились новой формой укрепления литературно-культурного имиджа Казахстана за рубежом и одним из основных факторов периода независимости РК, содействовавших активизации международной литературной рецепции Казахстана.

Применение Казахстаном международно-правовых норм, разработанных ЮНЕСКО, стимулирует нормотворчество и совершенствование законодательства республики в образовательной сфере, вырабатываемого в соответствии с собственными конституционными и юридическими процедурами, содействует расширению международных связей Казахстана в области образования.

Вступление Казахстана в ЮНЕСКО в условиях обретения государством независимости буквально стало «дверью» в мир широких международных связей и контактов в важнейших сферах интеллектуальной жизни, каковыми являются образование и воспитание, общественные и естественные науки, культура, информация и коммуникации. Многие деятели науки и культуры Казахстана получили реальную возможность на регулярной основе принимать участие во всех основных международных конференциях и встречах, проводившихся в разных точках мира по вопросам образования, науки, культуры и коммуникации, использовать мировые базы данных, делиться опытом с представителями других стран в области компетенции ЮНЕСКО. Это способствовало регулярному проведению в Казахстане международных конференций по линии ЮНЕСКО. В республике создана

законодательная и нормативно-правовая база с учетом рекомендаций ЮНЕСКО, обеспечивающая функционирование и развитие национальной модели образования. Обеспечен доступ населения к качественному образованию на всех уровнях и ступенях образовательной системы. Введена многоуровневая система подготовки специалистов в соответствии с международным стандартным классификатором специальностей. Сложился рынок образовательных услуг, основанный на механизме многоканального финансирования организаций образования. Произошли преобразования в области разработки и внедрения новых технологий обучения. Членство Казахстана в Исполнительном совете ЮНЕСКО позволяет быть в курсе развития образования и подготовки кадров в странах мира, оказывать влияние на принятие решений по вопросам взаимодействия между странами региона.

Международная сеть ассоциированных школ ЮНЕСКО способствует развитию связей казахстанских образовательных учреждений с их зарубежными коллегами, содействует их самостоятельному участию в международном сотрудничестве и школьных обменах.

Сотрудничество с ЮНЕСКО позволяет использовать ее каналы для укрепления позитивного международного имиджа Казахстана. Используя трибуну крупнейшей гуманитарной организации и активно влияя на принятие документов и рекомендаций данного форума, наша страна имеет ценную возможность прямого воздействия на международное сообщество и продвижения своих взглядов.

Одним из событий первых лет независимости явилось создание нового института межэтнических отношений – **Ассамблеи народов Казахстана (ныне – Ассамблея народа Казахстана)**. Созданная 1 марта 1995 года Указом Президента Казахстана, Ассамблея объединила все национально-культурные центры и всех представителей этнических общностей, населяющих страну. Она носит статус консультативно-совещательного органа при Президенте Республики Казахстан. Сама идея создания Ассамблеи была озвучена Президентом еще в 1992 году на первом Форуме народа Казахстана.

Деятельность Ассамблеи народа Казахстана направлена на реализацию государственной национальной политики, обеспечение общественно-политической стабильности в республике и повышение эффективности взаимодействия государственных и гражданских инструментов общества в сфере межэтнических отношений, на решение следующих задач:

- содействие сохранению в республике межнационального и межконфессионального согласия, стабильности в обществе;
- выработка предложений по проведению государственной политики, способствующей развитию дружественных отношений между

представителями национальностей, проживающими на территории Казахстана, содействие их духовно – культурному возрождению и развитию на основе соблюдения принципа равноправия;

– формирование политической культуры граждан, опирающейся на цивилизованные и демократические нормы;

– обеспечение учета многообразных национальных интересов в проводимой государством национальной политике;

– поиск компромиссов для разрешения возникающих в обществе социальных противоречий.

24 марта 1995 года Президент Н. Назарбаев принял участие в открытии первой учредительная сессия Ассамблеи народа Казахстана – «За мир и согласие в нашем общем доме». С началом деятельности Ассамблеи представители всех проживающих в Казахстане народов, впервые получили реальную возможность возрождения своего языка и своих традиций. Ассамблея в настоящее время является конституционным органом, возглавляемым ее Председателем – Президентом Республики Казахстан. Высшим органом Ассамблеи является сессия, которая проходит под председательством Президента страны. Все ее решения являются обязательными для рассмотрения, как государственными органами, так и институтами гражданского общества.

Ассамблея представляет интересы этнических групп в высшем законодательном органе – Парламенте страны, она избирает 9 депутатов Мажилиса Парламента. Эти депутаты представляют ее интересы, как совокупность интересов всех этносов страны. Ассамблея народа Казахстана – уникальная организация, опыт работы которой изучается сейчас за рубежом. Ее роль в жизни страны трудно переоценить: выступая проводником идей мира, дружбы и согласия, она делает все возможное для того, чтобы ни одна нация и народность не чувствовали себя в государстве ущемленными. Чтобы они могли развивать свой язык, культуру, традиции, обычаи. Чтобы в обществе царил атмосфера стабильности и спокойствия. Указом Президента 2015 год был объявлен годом Ассамблеи народа Казахстана. Доброй традицией стало ежегодное совместное празднование Ассамблеей народов Казахстана и Постоянным Представительством ООН в Республике Казахстан Международного дня ООН.

Ширятся и углубляются международные связи НКЦ с историческими родинами. Наиболее активно этот процесс идет в азербайджанской, армянской, греческой, дунганской, еврейской, карачаево-балкарской, корейской, немецкой, польской, татарской, турецкой, туркменской и украинской диаспорах. Осуществляются тесные контакты со всеми

субъектами Российской Федерации, граничащими с Казахстаном. Создаваемая в Казахстане при непосредственном участии Ассамблеи народов Казахстана образовательная, культурная и языковая среда для всех этнических меньшинств, наличие информационно-культурных объектов (Домов дружбы, национальных театров, музеев, школ, средств массовой информации), расширяющиеся международные связи вносят свой вклад в общее дело общественно-политического и культурного развития Казахстана и всего его народа. Созданный Главой государства консультативно-совещательный орган гармонизации межнациональных отношений в форме народной дипломатии убедительно доказал свою жизнеспособность и необходимость, органично вписавшись в систему демократических институтов государства.

Во многом благодаря работе Ассамблеи в стране сформировалась уникальная модель межэтнического и межконфессионального согласия, особая атмосфера доверия, солидарности и взаимопонимания, когда каждый гражданин, независимо от этнической или религиозной принадлежности, обладает и пользуется всей полнотой гражданских прав и свобод, гарантируемых Конституцией.

В республике созданы все необходимые условия для развития культуры, языка, традиций всех этносов Казахстана. Деятельность Ассамблеи способствует росту международного авторитета Республики Казахстан как страны, эффективно решающей вопросы межэтнических отношений. В стране действует 214 школ с национальными языками обучения: 76 полных школ с узбекским, уйгурским и таджикским языками обучения, 138 смешанных школ. Открыто 190 этнопросветительских комплексов и лингвистических школ. Работают национальные театры: 14 русских, уйгурский, корейский и немецкий (единственные в СНГ), узбекский. Создано 37 этнических СМИ (выходящих на 15-ти языках: русском, узбекском, уйгурском, украинском, немецком, корейском, турецком, азербайджанском, татарском, белорусском, иврите, армянском, дунганском, курдском, греческом), наиболее крупные из них финансируются из республиканского бюджета [20].

Учитывая особую значимость освещения межэтнических вопросов, при Ассамблее народа Казахстана создан Клуб журналистов-экспертов. В целях анализа и прогноза межэтнических отношений функционируют научно-экспертный совет и Центр по изучению межэтнических отношений.

Для финансовой поддержки деятельности этнокультурных объединений созданы общественные фонды Ассамблеи.

Деятельность Ассамблеи способствует росту международного авторитета Республики Казахстан как страны, эффективно решающей

проблемы межнациональных отношений. Вклад Ассамблеи по достоинству оценен на самом высоком уровне. Казахстан, на территории которого мирно сосуществуют представители более 130 национальностей, 3 тыс. религиозных объединений, представляющих свыше 40 конфессий, идеально подходит для проведения Съезда мировых религий. 1–2 июля 2009 г. в Астане состоялся третий съезд мировых и традиционных религий. Съезд лидеров мировых и традиционных религий, инициированный Казахстаном для развития вопросов межрелигиозного согласия, стал эффективным инструментом по развитию межрелигиозного согласия и площадкой для встречи представителей мировых конфессий.

Создание Ассамблеи стало логическим продолжением внутренней и внешней политики Казахстана и его лидера с момента обретения независимости. Казахстан изначально взял курс на построение современного, светского государства, приверженного идеалам мира, толерантности и конструктивного диалога. Создание Ассамблеи народа Казахстана стало институциональным оформлением сферы межэтнических отношений в республике, своего рода органом народной дипломатии.

ВЫВОДЫ

Являясь лидером стран Центральной Азии и накопив солидный международный опыт, Казахстан стал активным субъектом мировой политики, локомотивом многих интеграционных процессов, мирных начинаний и конструктивных инициатив. Но, самое главное, всем успехам Казахстана, росту его политического имиджа способствовало формирование и укрепление кросс-культурных коммуникаций граждан страны и мирового сообщества.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- 1 **Бориснёв, С. В.** Социология коммуникации : Учеб. пособие для вузов – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2003. – 270 с.
- 2 Современный словарь иностранных слов. – М., 1993. – С. 294.
- 3 Энциклопедический социологический словарь. – М., 1995. – С. 286.
- 4 **Яковлев, И. П.** Ключи к общению. Основы теории коммуникаций. – СПб. : «Авалон», «Азбука-классика», 2006.
- 5 **Бориснёв, С. В.** Социология коммуникации : Учеб. пособие для вузов. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2003. – 270 с.
- 6 **Назарчук, А. В.** Теория коммуникации в современной философии. – М. : Прогресс-Традиция, 2009.

- 7 **Baxter, L. A.** Relationships as dialogues. Personal Relationships.
- 8 **Петрова, И. С., Чанхиева, Ф. Ю.** Этические основания кросскультурных коммуникаций в условиях глобализации // Экономический журнал. – 2011. – № 22.
- 9 **Hall, E. T.** Hidden Differences : Studies in International Communication. – Grunder & Jahr, 1983. – P. 24.
- 10 **Садохин, А. П.** Теория и практика межкультурной коммуникации : учебное пособие. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2004. – 271 с.
- 11 **Гришаева, Л. И.** Специфика деятельности коммуникантов в межкультурной среде: монография. – Воронеж : Научная книга, 2009. – 262 с.
- 12 **Мацумото, Д.** «Психология и культура», 1-е издание. – СПб. : Питер, 2003. – 718 с.
- 13 **Бергельсон, М.** Межкультурная коммуникация. – М. : Наука, 2011.
- 14 **Петрова, И. С., Чанхиева, Ф. Ю.** Этические основания кросскультурных коммуникаций в условиях глобализации // Экономический журнал. – 2011. – № 22. – С. 108–117.
- 15 Там же. – С. 117.
- 16 **Исмагилова, Л.** Актуальность проблем межкультурной коммуникации в современных условиях. – Алматы, 2012.
- 17 **Тер-Минасова, С. Г.** Язык и межкультурная коммуникация. – М. : Слово, 2000.
- 18 **Назарбаев, Н. А.** В потоке истории. – Алматы, 2005.
- 19 **Сулейменова, Э. Д., Шаймерденова, Н. Ж., Аканова, Д. Х.** Языки народов Казахстана. / Социоллингвистический справочник. – Алматы, 2007.
- 20 Доктрина национального единства Казахстана. – Астана, 2009.

Материал поступил в редакцию 30.11.18.

Т. Н. Зозуля¹, А. К. Жакубалдина²

Елдің саяси имиджінің қалыптасуына кросс-мәдени коммуникациялардың әсері

^{1,2}С. Торайғыров атындағы Павлодар мемлекеттік университеті,
Павлодар қ., 140008, Қазақстан Республикасы.
Материал баспаға 30.11.18 түсті.

T. N. Zozulya¹, A. K. Zhakubaldina²

Influence of cross-cultural communications on the formation of the country's political image

^{1,2}S. Toraihyrov Pavlodar State University,
Pavlodar, 140008, Republic of Kazakhstan
Material received on 30.11.18.

Мақалада авторлар социомәдени, ақпараттық, саяси серіктестікке әсер ететін мемлекеттік түрлі саяси имиджінің қалыптасуын талдайды. Ол қоғамдық сананың модернизациялануының құрамды бөлігі болып табылады.

In the article, the authors analyze the formation of the political image of the state, in which multidirectional and multi-level actors participate with specific tasks and opportunities to influence the socio-cultural, informational, political space, which is an important component in the modernization of public consciousness.

ГРНТИ 323

Т. Н. Зозуля, Г. У. Сембаева

¹профессор, Павлодарский государственный университет имени С. Торайгырова, г. Павлодар, 1400008, Республика Казахстан;

²магистрант, Павлодарский государственный университет имени С. Торайгырова, г. Павлодар, 140008, Республика Казахстан

ПРОГРАММА «РУХАНИ ЖАҢҒЫРУ» МОДЕРНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ – ТРЕБОВАНИЕ ВРЕМЕНИ

В статье рассматриваются роль и значение в дальнейшей модернизации общественного сознания казахстанцев программы «Рухани жаңғыру». Авторы подчёркивают своевременность выхода этого документа для государственного и исторического развития Казахстана, особенно для воспитания подрастающего поколения. Проблемы формирования исторической памяти, нравственного и морального воспитания молодёжи, восстановления историко-культурных памятников, должны стать основой идеологической политики государства.

Ключевые слова: модернизация, общественное сознание, культурные национальные традиции, сакрализация, социальная инфраструктура.

ВВЕДЕНИЕ

Казахстан вступил в новый исторический период. Решение задачи – вхождения в тридцатку развитых государств мира – потребовала модернизации общественного сознания, сохранения и приумножения духовных и культурных ценностей народа с учётом всех современных рисков и вызовов глобализации. Модернизация общественного сознания, развитие конкурентоспособности, прагматизма, сохранения национальной идентичности, популяризация культа знания и открытости сознания граждан – требование времени. Предложенная Президентом страны программа модернизации общественного сознания позволит консолидировать общество, объединить интеллигенцию, молодёжь, представителей всех слоёв населения.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

За годы Независимости в стране был принят и реализован ряд государственных политико-культурных программ, таких как «Мәдени

мұра», направленной на восстановление историко-культурных памятников и объектов на территории Казахстана и «Халық тарих толқынында», которая помогла собрать и изучить документы посвященные истории Казахстана, сохранившиеся в ведущих мировых архивах..

В настоящее время темпы роста мировой экономики и общественного развития, потребовали дальнейшей модернизации всех сторон государственной культурной, образовательной реальности. В программной статье «Взгляд в будущее: модернизация общественного сознания» президент Казахстана Н. А. Назарбаев поделился своим видением того, как нашему народу сделать шаг навстречу будущему, изменить общественное сознание, чтобы стать единой Нацией сильных и ответственных людей. Он подчёркивает важнейшую мысль о том, что только внутреннее желание и готовность казахстанцев к изменениям поможет построить современное демократическое государство.

Предложенная президентом программа модернизации, предполагает глубокие изменения одновременно в трех направлениях: модернизация экономики, конституционная реформа и модернизация общественного сознания. Третье направление, модернизация общественного сознания, является самым сложным, так как перед страной еще никогда не стояло такой задачи. Программа «Рухани жаңғыру: модернизация общественного сознания» это – ядро и сердцевина всех возможных преобразований в стране, а она в свою очередь состоит из шести подпрограмм: «Туған жер», «Современная казахстанская культура», «100 новых учебников», «Переход языкового алфавита на латиницу», «100 новых лиц» и «Сакральная география». В рамках реализации программы в каждой области были созданы проектные офисы.

Программа «Рухани жаңғыру» была предложена своевременно. На данном этапе исторического развития Казахстана исключительно важно знать свою историю, национальные и культурные традиции, осознавать свою причастность к становлению и дальнейшему развитию независимого государства.

В рамках программы «Рухани жаңғыру» в статье «Взгляд в будущее: модернизация общественного сознания», Президент озвучил такое направление, как исследование сакральных географических и культурных объектов по всем регионам Казахстана. Это, несомненно, благое дело, которое позволит людям, особенно молодежи, лучше узнать свой край, его историю, в буквальном смысле прикоснуться к вечности.

Программа «Рухани жаңғыру», инициированная Главой государства – масштабный проект национального уровня. Она уникальна тем, что

затрагивает все сферы жизнедеятельности общества. По сути она своего рода идеологическая платформа развития казахстанского общества на современном этапе и в долгосрочной перспективе. Обновление общественного сознания напрямую связано с потребностью населения, проживающего в общем социальном пространстве, успешно адаптироваться к динамично меняющимся условиям современности. При этом содержание общественного сознания граждан Казахстана тесно переплетается с их интересами, идеями, ценностями и перспективами, опирается на духовные основания, включая культуру, поведенческие практики, обычаи и традиции, науку, нравственные императивы. Как известно, ключевыми направлениями модернизации национального самосознания в XXI веке, применяемыми как на индивидуальном, так и на общественном уровне, являются конкурентоспособность, прагматизм, сохранение национальной идентичности, культ знания, эволюционное развитие и открытость сознания [1, с. 4].

Одним из ключевых проектов программы стал специальный проект «Туған жер», реализуемый по всей стране. В рамках этого проекта предусмотрены мероприятия по поддержке социально уязвимых слоев населения, содействию в трудоустройстве, охране историко-культурного наследия, строительству и ремонту инфраструктурных объектов, современному оборудованию общеобразовательных школ. В рамках проекта в 2017 году при поддержке меценатов было построено и отремонтировано около 700 объектов на сумму 51 млрд. тенге. Более 1700 меценатов сделали вклад в реализацию данного проекта. В первом квартале 2018 года сумма привлеченных средств меценатов составила около 4 млрд тенге.

В целом, в 2018 году планируется построить и отремонтировать более 450 объектов на сумму 61 млрд тенге. Наиболее эффективной формой реализации мероприятий в рамках проекта стали региональные форумы «Туған жер», на которых были презентованы инфраструктурные объекты, проведены сложные изыскательские исследования, организованы мастер-классы для молодежи. Важным направлением проводимой работы стал специальный проект «Сакральная география Казахстана». Проект положил начало глубокому научному исследованию и систематизации сакральных объектов, имеющихся в Казахстане.

В ходе проведенной работы был составлен список объектов общенационального и регионального значения, выявлены 185 сакральных объектов общенационального значения и 463 сакральных объекта локального значения. Для широкого круга исследователей разработана и презентована виртуальная карта сакральных объектов с 3D турами по сакральным объектам общенационального значения.

Наиболее значимыми мероприятиями в рамках реализации проекта в 2018 году стали презентации археологического парка «Боралдайские сакские курганы в г. Алматы», вошедшего в общенациональный список сакральных объектов Казахстана, начато строительство 3-х республиканских музеев-заповедников – «Бозок», «Ботай», «Сарайшык». Специальный проект «Современная казахстанская культура в глобальном мире» нацелен на выстраивание системной работы по популяризации казахстанской культуры за рубежом.

Одним из знаковых мероприятий в рамках реализации данного проекта, стала презентация программы «Рухани жаңғыру» в штаб-квартире UNESCO в Париже. В рамках презентации был проведен ряд мероприятий, продемонстрировавших зарубежной аудитории различные направления казахстанской культуры. В целях популяризации достижений казахстанской культуры, создания оперативного доступа в цифровом формате к лучшим музыкальным произведениям был реализован проект Dalatunes. В течение 2017 года было загружено 13 тыс. музыкальных произведений, 1,2 тыс. нот и 1,7 тыс. аккордов. Также начата системная работа по оцифровке произведений искусства, а также музейных фондов. В сфере литературы ключевым мероприятием стало проведение первого международного литературного конкурса «Рух», нацеленного на выявление новых талантливых авторов и произведений. Также в рамках специального проекта «Современная казахстанская культура в глобальном мире» реализуется уникальный проект «Театральная лаборатория». Проект является площадкой для выявления и консолидации талантливых и одаренных актеров со всех областей в единый творческий коллектив. Объединенные в одну труппу лучшие региональные актеры получают возможность повысить уровень актерского мастерства под руководством известных мировых режиссеров и постановщиков.

Специальный проект «100 новых лиц Казахстана» стал ярким имиджевым мероприятием, направленным на выявление и чествование граждан Казахстана, внесших вклад в историю развития страны. Всего для участия в спецпроекте подали заявки 2 тыс. казахстанцев. После отбора экспертной группой на общественное онлайн голосование было представлено 302 кандидата по 6 категориям согласно их сферам деятельности. По итогам голосования более 340 тыс. казахстанцев отдали 1 млн 376 тыс. голосов за своих фаворитов. Всенародное онлайн голосование определило 102 победителей проекта «100 новых лиц Казахстана». 1 декабря 2017 года состоялась встреча Главы государства с участниками проекта [2, с. 42].

Важным глобальным исследовательским проектом, направленным на подготовку конкурентоспособных, квалифицированных кадров в социально-

гуманитарной сфере, изучение лучших мировых образцов гуманитарного знания, стал проект «Новое гуманитарное знание. 100 новых учебников на казахском языке». В рамках его реализации 12 апреля 2018 года, состоялась презентация 18 фундаментальных трудов в области философии, социологии, антропологии, лингвистики, психологии и культурологии. Для реализации проекта были заключены договоры с ведущими иностранными издательствами на приобретение прав на перевод и издание лучших учебников.

Продолжается огромная работа по переходу алфавита на латиницу. В новый алфавит несколько раз вносились поправки. 19 февраля 2018 года Президент РК Нурсултан Назарбаев утвердил последний вариант нового казахского алфавита на латинице.

Глава государства на презентации первых учебников, изданных и переведенных на казахский язык в рамках программы «Рухани жаңғыру», подчеркнул, что благодаря активной народной поддержке достигнуты хорошие результаты по каждому из направлений программы.

«Все регионы подключились к проекту «Туған жер», «Сакральная география», «100 новых лиц». За год были вовлечены десятки миллиардов тенге из средств меценатов на развитие социальной инфраструктуры всех регионов нашей страны. Восстановлены свыше 700 объектов культуры, организованы сотни научных экспедиций. Проект «100 новых лиц» познакомил страну с историями успеха людей, живущих на огромных просторах нашей Родины. Это стало историческим шагом для нашего народа, демонстрирующем созидательное единство для нашего общества. В рамках продвижения современной казахской культуры за рубежом, наши творческие коллективы выступают на лучших сценах мира. В общем мы делаем то, что делают все независимые государства. Каждое государство хотело пропагандировать свою историю, свою культуру, всё что у него есть. Никто не должен удивляться, казахский народ тоже желает всему миру явить свою культуру, свою историю и все, что у него есть. Потому что мы – часть мирового сообщества», – сказал Президент.

Президентская программа «Рухани жаңғыру» представляет собой программу духовной модернизации Казахстана на основе национальной культуры и истории. Программа предлагает шесть основных направлений модернизации общественного сознания: конкурентоспособность, прагматизм, сохранение национальной идентичности, культ знания, открытость, а также акцент на эволюционное, а не революционное развитие Казахстана. Эти шесть направлений можно воспринимать как шесть принципов духовной модернизации общества, по сути это и есть казахстанский путь модернизации.

Первое направление (принцип) духовной модернизации в программе «Рухани жаңғыру» – это конкурентоспособность. По убеждению Нурсултана Назарбаева, «сегодня не только отдельный человек, но и нация в целом имеет шанс на успех, только развивая свою конкурентоспособность». Общая связь между ростом конкурентоспособности страны и ее модернизацией состоит в том, что чем выше уровень ее конкурентоспособности, тем выше уровень модернизации. Более высокий уровень конкурентоспособности страны позволяет ей быть успешной на мировом рынке и обеспечивать на этой основе высокий уровень благосостояния своему населению, высокий уровень образования, здравоохранения и других благ. Сегодня в мире существуют многочисленные рейтинги, которые ранжируют государства по степени их достижений в той или иной области. Одним из ведущих среди этих рейтингов признан рейтинг, который определяет конкурентоспособность государств в экономике, ведении бизнеса и т.д. В этом рейтинге Казахстан на протяжении ряда лет занимает достойное место в мире. Казахстан пока не может конкурировать по этому показателю с ведущими индустриальными странами, но входит в лидирующую группу среди развивающихся стран. Это является подтверждением успешности модернизации Казахстана, ведь рейтинг конкурентоспособности по многим параметрам совпадает с рейтингом модернизации государства. Осознавая свои успехи в социально-экономической модернизации, Казахстан, однако, не собирается останавливаться на достигнутом.

В Стратегии «Казахстан-2050» Нурсултан Назарбаев поставил перед страной задачу войти в тридцатку самых развитых стран мира. Но для этого Казахстану предстоит решение еще более сложных задач, а именно, выход на новое качество развития. Важнейшей среди них, как указал Президент РК в своем Послании народу Казахстана от 10 января 2018 г., является «широкое внедрение элементов Четвертой промышленной революции» [3, с. 38].

Для Нурсултана Назарбаева, очевидно, что рост конкурентоспособности нации невозможен без роста конкурентоспособности составляющих ее индивидов. Особенно очевидной корреляция конкурентоспособности индивидов и нации становится в современном информационном обществе, которое предъявляет человеку высокие требования к уровню его знаний и общей образованности, профессиональных навыков, к способностям коммуникации в своей стране и на международном уровне. «Поэтому любому казахстанцу, как и нации в целом, необходимо обладать набором качеств, достойных XXI века. И среди безусловных предпосылок этого выступают такие факторы, как компьютерная грамотность, знание иностранных языков, культурная открытость. Поэтому и программа «Цифровой Казахстан», и

программа трехязычия, и программа культурного и конфессионального согласия – это часть подготовки нации (всех казахстанцев) к жизни в XXI веке. Это часть нашей конкурентоспособности».

К конкурентоспособности примыкает и другое направление духовной модернизации Казахстана, которое в президентской программе «Руханижаңғыру» определяется как культ знания. Стремление к знанию, его культ, если они овладевают значительными массами людей в обществе, становятся ключевым фактором конкурентоспособности нации, ее успеха. Имея это в виду, Нурсултан Назарбаев неустанно призывает казахстанцев к повышению своего уровня знаний, своей образованности. «Каждый казахстанец должен понимать, что образование – самый фундаментальный фактор успеха в будущем. В системе приоритетов молодежи образование должно стоять первым номером. Если в системе ценностей образованность станет главной ценностью, то нацию ждет успех» Практика модернизации убедительно демонстрирует, что страны с бедными минеральными ресурсами или даже их отсутствием, но развитым человеческим капиталом, находятся на передовом рубеже развития. Справедливо и обратное утверждение, когда страны с богатыми минеральными ресурсами, уповая только на них и не развивая у себя человеческий капитал, не могут выбраться из бедности и остаются на периферии модернизации. Как Лидер нации, Нурсултан Назарбаев прилагает усилия к тому, чтобы в Казахстане сформировался тип личности, готовой к глобальной конкуренции и способной к развитию в условиях модернизации. Такой тип личности характеризуется способностью ориентироваться в расширяющемся социальном пространстве; внутренней гибкостью, разнообразием интересов, глубоким пониманием ценности самосовершенствования и осознания настоящего как особо значимого темпорального измерения человеческого существования.

Увеличение численности таких индивидов, в том числе через образование, будет способствовать духовной модернизации Казахстана. Важная роль в духовной модернизации отводится в программе «Руханижаңғыру» такому ее направлению, как прагматизм. Это направление расширяет представление о типе личности, который должен соответствовать требованиям современной модернизации. Здесь снова встает вопрос о соотношении современности (модерна) и традиции в ценностных основаниях модернизации. Традиции не могут быть отброшены в угоду современности. В этом вопросе требуется прагматизм, то есть трезвое и рациональное отношение к целям развития и историческому опыту своего народа. Об этом напоминает Нурсултан Назарбаев: «На пути модернизации нам стоит вспомнить навыки предков. Прагматизм означает точное знание своих национальных и личных

ресурсов, их экономное расходование, умение планировать свое будущее». Если конкурентоспособность и культ знаний ориентируют людей на профессиональные достижения, повышение образовательного уровня и другие личностные качества, то прагматизм ориентирует на определенные нормы поведения в повседневной жизни. Так, автор «Рухани жанғыру» отмечает: «Прагматизм есть противоположность расточительности, кичливости, жизни напоказ. Культура современного общества – это культура умеренности, культура достатка, а не роскоши, это культура рациональности».

Нурсултан Назарбаев видит новый тип рациональной личности, соответствующей требованиям духовной модернизации. Это человек, стремящийся к знаниям, профессиональному и образовательному росту, обладающий высоким уровнем конкурентоспособности и при этом отличающийся умеренностью в личном потреблении, противящийся роскоши и расточительности. Мировой опыт успешной модернизации показывает, что в ее ходе вырабатывается культура рациональности и соответствующий ей тип личности. Характерными для этой личности свойствами являются: 1) независимость от традиционных авторитетов, антидогматизм мышления; 2) внимание к общественным проблемам; 3) способность приобретать новый опыт; 4) вера в науку и разум; 5) устремленность к будущему, умение воздерживаться от удовольствий; 6) высокий уровень образовательных, культурных и профессиональных притязаний. Все перечисленные качества современной личности, основанные на культуре рациональности, тесно связаны с прагматизмом. Отход от прагматизма, рациональности, реализма чреват для нации серьезными последствиями. К сожалению, история дает немало примеров, когда целые общества и нации отходили от реализма, ставя перед собой несбыточные, нереальные цели, которые уводили их от рационального, проверенного пути развития и приводили в конечном итоге к трагедии. Причиной отхода от прагматизма в современном мире становятся так называемые популистские идеологии. Об этом убедительно пишет в статье Нурсултан Назарбаев: «К сожалению, история дает немало примеров, когда целые нации, ведомые несбыточными идеологиями, терпели поражение. Мы видели крах трех главных идеологий прошлого века – коммунизма, фашизма и либерализма». Хотя главные идеологии прошлого века потерпели крах, однако в мире остается много их приверженцев, продолжающих верить в идеи и принципы этих идеологий. Практика показывает, что сохраняют свою силу и даже распространяются разновидности национализма, шовинизма, религиозного фундаментализма и других течений. Но твердое убеждение Нурсултана Назарбаева состоит в том, что «век радикальных идеологий

прошел. Нужны ясные, понятные и устремленные в будущее установки. Такой установкой может быть ориентация на конкретные цели с расчетом своих возможностей и пределов, как человеком, так и нацией в целом. Реализм и прагматизм – вот лозунг ближайших десятилетий» [4, с. 8].

Радикальные идеологии ведут к революциям с их катастрофическими последствиями для общества, тогда как прагматизм и реализм ориентируют на его эволюционное бескризисное развитие. С 1917 г. Казахстан против своей воли оказался вовлеченным в социалистический революционный эксперимент, закончившийся катастрофическими последствиями для казахского народа. Нурсултан Назарбаев указывает на четыре трагедии XX в. для нашего народа: «Во-первых, был сломан естественный путь национального развития и навязаны чуждые формы общественного развития. Во-вторых, нанесен страшный демографический удар по нации. Удар, который сказался на протяжении целого столетия. В-третьих, едва не были утрачены казахский язык и культура. В-четвертых, территория Казахстана превратилась во многих регионах в территорию экологического бедствия». В определенном смысле социалистический революционный эксперимент имел модернизационный эффект для Казахстана. Ведь в годы советской власти в Казахстане была создана тяжелая, главным образом, добывающая промышленность, были освоены целинные земли, ликвидирована массовая неграмотность населения. Не случайно эти действия советской власти иногда определяют как социалистическую модернизацию. Однако это была модернизация на коммунистической идеологической основе, осуществлявшаяся жесткими мобилизационными методами, сопровождавшимися огромным числом жертв. Главным бенефициаром этой модернизации был коммунистический режим, но не нации, которые проживали на землях своих предков. Как отметил Нурсултан Назарбаев, «это была модернизация территории, а не нации». С 1991 г. Казахстан осуществляет модернизацию, которая направлена, прежде всего, на нацию, а не территорию.

Модернизация нации означает в первую очередь сохранение ее идентичности. Сохранение национальной идентичности составляет одно из направлений модернизационной программы «Руханижанғыру». Важность этого направления духовной модернизации определяется тем, что «никакая модернизация не может иметь место без сохранения национальной культуры». Это значит, что «наши национальные традиции и обычаи, язык и музыка, литература и свадебные обряды, – одним словом национальный дух, должны вечно оставаться с нами. Мудрость Абая, перо Ауэзова, проникновенные строки Джамбула, волшебные звуки Курмангазы, вечный зов аруаха – это только часть нашей национальной культуры».

Закономерность модернизации, однако, состоит в том, что не все элементы национального наследия способствуют модернизации нации. Некоторые народные традиции могут препятствовать модернизации [5, с. 21].

В своей статье Нурсултан Назарбаев указывает на региональное разделение казахов, которое сложилось в давние времена. Эта особенность национального сознания и бытия казахов оказалась устойчивой в том смысле, что и сегодня некоторые казахи определяют себя по своим жузам и родам. Однако такое субэтническое деление в определенной мере препятствует формированию национальной идентичности. Для некоторых людей принадлежность к своему жузу и роду оказывается важнее принадлежности к единой казахской нации. Особенно плохо, когда некоторые начинают кичиться своим жузом или родом и пренебрежительно относиться к другим жузам и родам, забывая, что все казахи, независимо от жуза и рода, принадлежат к одной нации. Указывая на это, Лидер нации подчеркивает: «Забывать о принадлежности к единой и великой нации нельзя». Вот почему, чтобы «двигаться вперед, нужно отказаться от тех элементов прошлого, которые не дают развиваться нации». Наконец, еще одним направлением духовной модернизации программы «Руханижаңғыру» является открытость сознания.

ВЫВОДЫ

В целом, реализация всех направлений модернизации проходит с учетом потребностей общества, с активным вовлечением научно-экспертного сообщества, представителей гражданского общества, молодежи.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1 Статья Главы государства «Взгляд в будущее : модернизация общественного сознания».

2 **Нечипоренко, О. В., Нысанбаев, А. Н.** Россия и Казахстан в 21 веке : опыт модернизационных реформ / Под ред. д-ра филос. наук В. С. Шмакова. – Новосибирск : Апрель, 2005. – 42 с.

3 **Назарбаев, Н. А.** Эра независимости. – Астана, 2017. – 38 с.

4 **Нуржанов, Б. Г.** О национальной идее. К постановке проблемы // Журнал «Вестник». – № 31. – Алматы, 2008. – 8 с.

5 Общенациональная идея Казахстана : опыт философско-политологического анализа. – Алматы : ИФИП, 2006. – 21 с.

Материал поступил в редакцию 30.11.18.

Т. Н. Зозуля, Г. У. Сембаева

«Рухани жаңғыру» бағдарламасы қоғамдық сана-сезімді жаңарту – уақыт талабы

С. Торайғыров атындағы Павлодар мемлекеттік университеті,
Павлодар қ., 140008, Қазақстан Республикасы
Материал баспаға 30.11.18 түсті.

T. N. Zozulya, G. U. Sembayeva

Program «Rukhani zhangyru» modernization of public consciousness is the time requirement

S. Toraighyrov Pavlodar State University,
Pavlodar, 140008, Republic of Kazakhstan
Material received on 30.11.18.

Бұл мақалада қазақстандықтардың қоғамдық сана-сезімін одан әрі жаңғыртудағы «Рухани жаңғыру» бағдарламасының ролі мен маңызы талқыланды. Авторлар осы құжаттың Қазақстанның мемлекеттік және тарихи дамуына, әсіресе жас ұрпақты тәрбиелеуіне арналған уақытты үнемдеуге баса назар аударады. Тарихи еске алу, жастарды моральдық-адамгершілік тәрбиелеу, тарихи-мәдени ескерткіштерді қалпына келтіру мәселелері мемлекеттің идеологиялық саясатының негізі болуы керек.

The article discusses the role and importance of the program «Rukhani zhangyru» in the further modernization of the public consciousness of Kazakhstanis. The authors emphasize the timeliness of the release of this document for the state and historical development of Kazakhstan, especially for the education of the younger generation. Problems of formation of historical memory, education of young people, restoration of historical and cultural monuments should be the basis of the ideological policy of the state.

Т. Н. Зозуля

профессор, Павлодарский государственный университет имени С. Торайгырова, г. Павлодар, 1400008, Республика Казахстан

НЕРАЗРЫВНАЯ СВЯЗЬ ПОКОЛЕНИЙ ВЕЛИКОЙ СТЕПИ

В данной статье автор поделился своим мнением относительно научной значимости инициативы Назарбаева Н. А. по новому взглянуть на прошлую историю Казахстана, увязав отдельные периоды казахстанской истории с цивилизационным процессом. Отход историков от формационного принципа исторического развития, как единственно верного, всё объясняющего, заставляет более научно, объективно рассмотреть весь путь становления государства.

Ключевые слова: цивилизация, кочевое общество, национальное государство, пространство и время, европоцентризм, евразийство, патриотизм, общественное сознание, национальная культура.

ВВЕДЕНИЕ

Важнейшей и сложнейшей задачей модернизации общества является формирование нового сознания. Можно ускоренно изменить производственный процесс, форсировать научные достижения, найти выход из финансового кризиса, но изменить мировоззрение людей, сформировать соответствующее общественное сознание – наитруднейшая задача, требующая усилий интеллигенции, учёных историков, философов, творческих деятелей. Но особая роль в этом процессе отводится истории, безусловно, национальной истории. В зависимости от того, как интерпретируются исторические события, какие роли выполняли национальные лидеры в процессе исторического развития, так и будет формироваться национальное сознание подрастающего поколения. Гордость за свой народ и государство, нигилистическое отношение к своему прошлому – эти две возможные тенденции будут доминировать в общественном сознании. Подошло время, когда надо объективно, без идеологических трактовок вновь взглянуть на прошлое народов Казахстана и увидеть непрерывную связь поколений Великой степи.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Известный казахстанский историк Н. Масанов в своей монографии «Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности кочевнического общества» отметил, что всесторонний анализ пространственно-временных закономерностей развертывания всемирно-исторического процесса, реально определяющих динамику историко-культурного развития различных обществ, является актуальной задачей научных поисков, связанных с изучением стадийных и цивилизационных особенностей истории человечества. Британский профессор Арнольд Тойнби, разрабатывая цивилизационную концепцию, доказывал, что любая страна, политический союз и т.д., должны рассматриваться не сами по себе, а исходя из «исторического контекста». Он пришёл к выводу, что цивилизации представляют собой общества с более широкой протяженностью, как в пространстве, так и во времени, чем национальные государства, города-государства или любые другие политические союзы; что именно цивилизации должны рассматриваться историками.

Французский историк Марк Блок в «Апологии истории», в качестве вывода, подчеркнул, что причины истории, как и в любой другой области, нельзя постулировать. Их надо искать. Весь исторический опыт развития человечества подтверждает научный вывод о том, что возникновение и развитие цивилизации и конкретных цивилизаций осуществляется по собственным, внутренним, естественноисторическим законам и закономерностям в диалектике объективного и субъективного, необходимого и случайного, независимо от возникающих затем внешних религиозных или иных форм проявления данных закономерностей. Прежде всего, цивилизация и конкретные цивилизации возникают и складываются на вполне определенных объективных основах и во вполне определенных объективных условиях. Таковыми являются конкретные материально-культурные и социально-культурные основы и условия, складывающиеся в недрах развивающегося общества и в рамках развивающейся культуры. Ведь сама цивилизация, как продукт деятельности определенного народа или народов, формируется на определенной объективной ступени развития общества и культуры.

Поэтому закономерно то, что Президент Казахстана в своей статье «Семь граней Великой степи» прослеживает весь сложный путь становления самобытной цивилизации сложившейся на огромном пространстве современного Казахстана. Примечательно, что преамбулой статьи явились слова – «Пространство – мера всех вещей, время – мера всех событий. Когда смыкаются горизонты пространства и времени, начинается история». И

это действительно не просто красивый афоризм, а скорее призыв Лидера страны к учёным, общественным деятелям, молодёжи, понять свои истоки, свою национальную историю во всей её глубине и сложности с высоты современной науки, а не по отдельным фрагментам. Долгие годы в изучении исторических событий и явлений, в воссоздании истории отдельных народов и стран, господствовала теория и идеи европоцентризма. Эта специфичная философская тенденция и политическая идеология в явной или неявной форме провозглашала превосходство европейских народов и западноевропейской цивилизации над другими народами и цивилизациями в культурной сфере, превосходство образа жизни европейских народов, а также их особую роль в мировой истории. Исторический путь, пройденный западными странами, провозглашался единственно правильным или, по крайней мере, образцовым. Но постепенно в исторической науке в результате освоения обширного неевропейского материала выявилась альтернативность исторического развития человечества, заблуждение привычного представления об истории как едином всемирно-историческом процессе. Стало совершенно понятно и научно доказано, что в исторической ретроспективе формировались и развивались другие, отличные от европейской, цивилизации. Именно такая самобытная общественно-экономическая и политическая форма организации жизни населения сформировалась на огромных степных пространствах Средней Азии – кочевая цивилизация.

Кочевая цивилизация обширной степной полосы сыграла значительную роль в мировой истории, оказала мощное влияние на развитие западного и восточного общества. Кочевничество становится основным направлением хозяйственно-культурного развития евразийских племен, как минимум, с середины I тыс. до н.э. Формирование этой цивилизации вполне можно назвать степной революцией, которая имела не меньшее значение для человечества, чем городская или земледельческая. Кочевая цивилизация – это особый мир, отличающийся как от западной, так и от восточной цивилизации, а степной образ жизни такой же исторический феномен, как и городской, сельский, морской.

Значение кочевой цивилизации в истории человечества было огромным, но эта культура, как материальная, так и духовная, до сих пор полностью не изучена. Н. Назарбаев в своей статье прямо пишет о том, что сегодня гражданам страны необходим позитивный взгляд на собственную историю, важно осознать и принять свою историю во всей её многогранности и многомерности.

Достаточно объективно и глубоко изучил особенности исторического развития западно-сибирской цивилизации академик Л. Окладников, который

сделал вывод о том, что здесь существовали мощные по тем временам самобытные культурные очаги, без учета которых история Евразии не может быть полностью понятой.

Большой вклад в изучение кочевой цивилизации Центральной Азии, внес Лев Гумилев, написав свой труд «Древние тюрки», в котором взгляды евразийцев опровергают евроцентристов. Он убедительно показал, что степная культура – это особенная культура, которая складывалась веками, имела древние традиции и глубокие корни. Дошедшие до наших дней письменные источники свидетельствуют о существовании самобытной, интересной цивилизации кочевников, которые сформировали свое хозяйство, разработали особую организацию общества, создали свою культуру. Влияние Степи прослеживается в хозяйстве, культуре, социальных отношениях. Особенность кочевой культуры заключалась в том, что она органично вписывалась в географическую среду, в экологическую нишу. Достоинством и местом проживания кочевников была Степь, на которой ее жители могли кочевать, торговать и вести свое хозяйство. Оптимально приспособившись к природным условиям, кочевники создали оригинальное жилище, теплое, просторное, удобное для переноса. Наличие свободных человеческих ресурсов с хорошо развитыми навыками преодоления больших расстояний, привело к интенсивному развитию торговли, стимулировали расширение Великого Шелкового пути, который просуществовал более трех тысячелетий.

История Казахстана подтверждает развитие различных форм организации общества, что позволило удерживать централизованную власть на огромных пространствах. Более того, совершенно очевиден вывод: степное государство исторически явилось связующим звеном между Востоком и Западом. Кочевники активно участвовали в создании общих евразийских культурных ценностей, социальных институтов, активном освоении новых земель, влияли на темпы и направления развития многих народов и государств, участвовали в возникновении международных коммуникаций и ретрансляции созданной в культурных центрах информации. Именно они сыграли ключевую роль в создании новой геополитической конструкции Азии. Судя по историческим источникам, которые обнаруживаются в архивах, соседние народы воспринимали кочевников как тех людей, для которых чужды нажива, в обществе нет социального неравенства, несправедливости, частной собственности, они умеют уживаться с другими народами, являются приверженцами определённых традиций, в первую очередь, коллективистских.

Н. Назарбаев, как лидер страны, как крупный политик, как патриот своей родины, прекрасно понимает огромную роль и значение объективной

и всесторонней истории своего государства в консолидации общества, необходимости эффективного развития экономики, формирования у молодых казахстанцев чувства гордости за свою страну, убежденности в будущем Казахстана, в том, что нужно воспитывать не пафосный, а истинный, глубокий патриотизм граждан. Именно поэтому им предложены конкретные меры по решению этих очень сложных задач. В первую очередь необходимо модернизировать историческое сознание, для чего планируется провести серьезные фундаментальные исследования во всех отечественных и зарубежных архивах, создать историко-археологическое движение при школах и краеведческих музеях, открыть учебно-образовательный Парк-энциклопедию «Великие имена Великой степи», подготовить и распространить научно-популярную серию «выдающихся личностей Великой степи». Президент считает возможным создать Музей древнего искусства и технологий великой степи, «Антологию степного фольклора», организовать серию научно-поисковых экспедиций в различные регионы Казахстана и другие страны для поиска исторических основ фольклорной традиции.

ВЫВОДЫ

Считаю абсолютно своевременной и, пожалуй, наиболее важной задачей в рамках модернизации общественного сознания, которую озвучил Президент, знакомить граждан страны с историей нашего государства средствами кино и телевидения. В рамках решения этой задачи, Президент считает необходимым запустить в производство специальный цикл документально-постановочных фильмов, телевизионных сериалов и полнометражных художественных картин. Сейчас у нас идет своеобразная эпоха казахстанского ренессанса, прослеживается определенный импульс в развитии современного отечественного кино. Причем большинство нынешних фильмов именно исторической направленности. Думаю, научная статья Президента только увеличит этот эффект.

Решение задачи модернизации общественного и исторического сознания казахстанских граждан – проблема архиважная и своевременная. Без изменений в этой сфере общественной жизни, сложно строить эффективное государство, формировать достоинство граждан и гордость за свою страну, позитивный взгляд на будущее нашей родины.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1 **Масанов, Н.** «Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности кочевничества». – Алматы : «Социнвест». – М. : «Горизонт». – 1995. – 320 с.

Материал поступил в редакцию 30.11.18.

T. N. Zozulya

Ұлы дала ғасырындағы үздіксіз байланыс

С. Торайғыров атындағы Павлодар мемлекеттік университеті,
Павлодар қ., 140008, Қазақстан Республикасы
Материал баспаға 30.11.18 түсті.

T. N. Zozulya

Non-explosive connection of the generations of the great steppe

S. Toraighyrov Pavlodar State University,
Pavlodar, 140008, Republic of Kazakhstan
Material received on 30.11.18.

Бұл мақалада автор Н. Ә. Назарбаевтың бастамасының ғылыми маңыздылығы туралы өз пікірімен бөлісті. Қазақстан тарихының белгілі бір кезеңдерін өркениеттік үдеріспен байланыстыратын Қазақстан тарихын жаңадан қараңыз. Тарихшылардың тарихи дамудың қалыптасу қағидаттарынан кетуі, бәрін түсіндіретін жалғыз дұрыс нәрсе, мемлекеттің қалыптасуының бүкіл жолын қарастыруға ғылыми және объективті түрде мүмкіндік береді.

In this article, the author shared her opinion on the scientific significance of the initiative of N. Nazarbayev to take a fresh look at the past history of Kazakhstan, linking certain periods of Kazakh history with the civilization process. The departure of historians from the formational principle of historical development, as the only correct one, explaining everything, makes it more scientific and objective to consider the entire path of the formation of the state.

ГРНТИ 11.15.23

А. Б. Исаков

магистрант, Павлодарский государственный университет имени С. Торайгырова, г. Павлодар, 140008, Республика Казахстан

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ В ИССЛЕДОВАНИИ СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА

Социальное партнерство представляет собой социокультурный феномен, достаточно распространенный на Западе и пока только формирующийся в странах бывшего Советского Союза. Он проявляется, с одной стороны, как общественный институт, который структурирует взаимодействия власти и общества, направленные на улучшение состояния социально-экономической сферы, а с другой стороны – как разновидность сетевой коммуникации. Социальное партнерство представляет собой объединяющее начало для трех секторов общества – частного, некоммерческого и властного. Оно становится двигателем социальных перемен и экономического развития.

Тема социального партнерства как механизма согласования интересов различных социальных групп является довольно актуальной в современной науке. К данной проблеме обращаются не только ученые социологи, экономисты и политологи, но также управленцы и политики, ищущие практические пути более эффективного взаимодействия власти, бизнеса и общества.

В данной работе автор рассмотрел различные теоретические подходы в исследовании явления социального партнерства, рассмотрел его основные принципы и механизмы функционирования.

Ключевые слова: социальное партнерство, государственная власть, бизнес-структуры, общественные организации, некоммерческие организации, межсекторное сотрудничество, взаимодействие, социальные проблемы, местное сообщество, предпринимательская модель.

ВВЕДЕНИЕ

На постсоветском пространстве проблемы социального партнерства начали активно и официально обсуждаться с 1991 года. Переход к рыночной экономике стимулировал развитие практик социального партнерства.

Считалось, что именно социальное партнерство будет тем инструментом, который сможет смягчить последствия «шоковой терапии» в постсоветских странах и обеспечить стабильность общества в условиях проводимых реформ. При этом случаи социального партнерства, например, в Казахстане или России не являются результатом сложившегося многоступенчатого социального диалога, как это было во многих западных странах, а связаны с инициативой государства в русле общей стратегии реформирования общества. Государство взяло на себя основную роль в создании организационных и правовых механизмов формирования социального партнерства.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Социальное партнерство – это идеал конструктивного взаимодействия между общественными организациями, бизнесом и органами государственного управления. Оно помогает трансформировать новые требования в ресурсы, необходимые для развития. Главные ресурсы развития гражданского общества – его различные самостоятельные и саморазвивающиеся структуры. «Власть, отказывающаяся от партнерства с новыми общественными структурами, устанавливающая монополию на все решения и устраняющая все то оппозиционное, что обнажает общественные проблемы, становится бессильной. Ибо простейшие проблемы обывденной жизни становятся для нее неразрешимыми» [1].

Под партнерством в самом широком смысле понимается особый вид отношений, при котором люди или организации сочетают свои ресурсы для выполнения общей деятельности [2]. На практике организации обычно объединяются для преследования таких целей, достичь которые по отдельности они не могут. Поэтому партнерство следует рассматривать, прежде всего, как средство для достижения этих целей.

Существуют различные определения понятия «социальное партнерство». Некоторые исследователи понимают под ним технологию регулирования социально-трудовых отношений в организациях [3]. В этом подходе проблемы социальной сферы фактически выведены за рамки социального взаимодействия, и приоритет отдан анализу сферы социально-трудовых отношений. На общегосударственном и местном уровнях этот вид социального партнерства реализуется в форме трехсторонних комиссий, деятельность которых фактически не затрагивает такие важные сферы общественной жизни, как социальное обеспечение, социальное страхование, социальная защита населения.

Другие эксперты определяют социальное партнерство как специфический вид общественных отношений между профессиональными, социальными группами, общественными объединениями, органами власти и бизнесом [4].

К тому же стал проявляться научный интерес к социальному партнерству как условию и цели развития различных сфер общественной жизни, фактору социальной интеграции общества в целом [5].

Здесь особо следует выделить концепцию «межсекторного взаимодействия», которая рассматривает в качестве субъектов партнерства три основных сектора общества: власть, бизнес и некоммерческие организации, а в качестве предмета партнерства весь спектр социальных проблем общества. В этом смысле речь идет о межсекторном социальном партнерстве как о конструктивном взаимодействии организаций из двух или трех секторов (государство, бизнес, некоммерческий сектор) при решении социальных проблем, обеспечивающее синергетический эффект от «сложения» разных ресурсов и «выгоды» каждой из сторон [6].

Доктор социологических наук Осипов Е.М. дает следующее определение: «Социальное партнерство – это особый тип социальных отношений между субъектами власти, бизнеса, профессиональными, социальными группами, общественными организациями и населением, ориентированный на согласование разнообразных интересов и целей этих социальных субъектов в совместном действии, а также на создание условий воспроизводства человеческого капитала, решения социально-значимых вопросов в социумах различного уровня и консолидации общества» [7].

Межсекторное социальное партнерство – это конструктивное взаимодействие организаций из двух или трех секторов (государство, бизнес, некоммерческий сектор) при решении социальных проблем, обеспечивающее синергетический эффект от «сложения» разных ресурсов и «выгодное» каждой из сторон [8].

Рассматривая различные исследовательские работы, которые раскрывают сущность социального партнерства, можно выделить следующие теоретические подходы к анализу понятия социального партнерства:

Институциональный подход. С точки зрения институционального подхода социальное партнерство – это институционально закрепленные социальные взаимодействия, основанные на добровольном принятии социальными партнерами обязательств на основе взаимного согласования требований [9].

Конфликтологический подход. Целесообразно изучить социальное партнерство с точки зрения конфликтологии, т.к. в сегодняшнее время большое внимание уделяется развитию разработки традиций социального

партнерства связанных с исследованием конфликтов. Одна из основных причин конфликта – это противоположность потребностей и интересов людей. В рамках исследования данного подхода социальное партнерство рассматривается как «метод разрешения конфликтных ситуаций в различных сферах общественной жизни» и «как способ разрешения социальных проблем связанной с классовой дифференциацией» [10].

Технологический подход. С точки зрения данного подхода социальное партнерство рассматривается как «технология, направленная на защиту интересов человека, реализацию его основных потребностей и мотивирующая его в конкретной ситуации» как некое социальное поле для взаимодействия индивидуальных партнеров с государством.

Большинство экспертов предлагают две модели трактовки социального партнерства – тред-юнионистскую и межсекторную. Под тред-юнионистской моделью понимается система «трипартизма», сложившаяся в социально-трудовой сфере (отношения работодателей, работников, государства), а межсекторной называют модель взаимодействия трех секторов общества – власти, бизнеса и некоммерческих общественных организаций, предметом взаимодействия которых является весь спектр социальных проблем общества [11].

Зарубежные исследователи используют термины «кросс-секторное партнерство» (cross-sector partnership) и «мульти-секторное партнерство» (multi-stakeholder partnership). П. Драк разделил общество на три сектора: государственный, частный (бизнес-сектор) и некоммерческий (социальный сектор). В рамках предложенной трехсекторной модели «правительственный сектор обеспечивает согласие, издает указы и притворяет их в жизнь, распределяет богатство; коммерческий сектор создает богатство, обеспечивая продуктами и услугами общество; некоммерческий сектор стремится изменить человеческую жизнь». П. Драк утверждает, что в настоящее время на правительство нельзя смотреть как на единственный субъект в решении социально-экономических проблем современного общества. Решение социально-экономических проблем должно лежать на всех трех секторах общества, которые выполняя каждую свою роль, должны работать скоординированным образом друг с другом.

Относительно границ реализации социальной политики и социального партнерства в научной литературе встречается термин «местное сообщество». По мнению А. А. Кокшаровой, «местное сообщество – не только территориально-хозяйственное объединение, но и культурно-историческая общность, способная как субъект управления на основе совместных ценностей... преобразовать местное хозяйство, улучшить

социальные условия проживания в соответствии с интересами граждан...» [12]. Местное сообщество интегрирует первичные социальные объединения через институты, общественные объединения, корпоративные и властные структуры, которые обеспечивают целостность социальной организации, представляющей интересы населения территории.

Нельзя утверждать, что особенно широкое применение термин «социальное партнерство» получил в конце XX – начале XXI веков.

Идеи партнерства в социальной сфере выдвигались мыслителями на протяжении всего периода развития человеческой цивилизации. Синтез концепции социального партнерства можно обнаружить в произведениях античных философов Платона и Аристотеля о взаимосвязи государства и общества, в трудах просветителей Т. Гоббса и Ж. Ж. Руссо о договорности и соглашении между государством и обществом, в работах И. Канта и Г. Гегеля о развитии общества и гражданском обществе в частности. Теоретические основы социального партнерства можно найти также и в концепциях социального действия, социальной солидарности, социальной справедливости, социального обмена, корпоративизма и неокорпоративизма. Их появление было связано с обострением социально-экономических проблем во второй половине XIX века.

На важность социального партнерства к решению острых социальных проблем указывали многие ученые и политические мыслители еще во второй половине XIX века. Так, Чарльз Дарвин, Карл Кесслер, Петр Кропоткин связывали развитие общества не столько с борьбой, сколько со взаимопомощью. По их мнению, человек и человечество смогли выжить и развиваться благодаря взаимопониманию, согласию и взаимной поддержке, а не потому, что «зубами и когтями» вырывали последний кусок у своего ближнего. Закон взаимной помощи имеет гораздо большее значение, чем закон взаимной борьбы [13]. Другими словами, социальная солидарность и лежит в основе социального партнерства.

Одним из первых социологов, кто рассматривал идеи партнерства и консенсуса в социальном сообществе людей, был О. Конт [14]. Он считал эти идеи первостепенными. По его мнению, гармония в социуме может быть достигнута с помощью общественного договора. Гармонию в социуме он обозначал как консенсус, а бесчисленные воздействия людей друг на друга для его достижения как солидарность.

Г. Спенсер, рассматривавший проблему партнерства, в том числе во взаимоотношениях работников и работодателей, выделял в основе общественной жизни кооперацию, как способ сосуществования. Он проанализировал систему отношений между работниками и работодателями.

В результате, «кооперация» была разделена на две составляющие: добровольную и принудительную. «Общественная жизнь должна быть построена либо на добровольной, либо на принудительной кооперации; или же... людей должна соединять или система договора, или система status, т.е. система, при которой индивиду предоставлена полная возможность достигать наилучшего...» [15]. В отличие от принудительной, добровольная кооперация базируется на соглашении между людьми в достижении каких-либо целей. Более того, данный вид кооперации является цивилизованным, отвечающим гуманным и демократическим требованиям, и включает в себя явный элемент партнерства.

Идеи формирования социального партнерства можно найти и у французского социолога Э. Дюркгейма. Изучая основы социальной жизни, он выделил два вида общественной солидарности (механический и органический) и предположил, что в ее основе лежит разделение труда, и это если не единственный, то по крайней мере, главный источник равновесия в общественной жизни [16].

В западной науке ряд работ посвящен исследованиям социального взаимодействия на уровне местных сообществ. Уже в конце XIX века к теме изучения внутригородской коммуникации обращался социолог М. Вебер. Он подчеркивал особый корпоративный характер городов, под которым понималось взаимодействие различных социальных групп в рамках территории. С образованием Чикагской школы в начале 20 века аспекты городской жизни стали самостоятельным объектом исследования социологов. Представители данной школы в основном сосредоточили свое внимание на трех аспектах: социальных изменениях, социальном контроле и коллективном действии в городских общностях.

М. Вебер описывает социум через конфликт и консенсус, как основу общественного согласия. По его мнению, консенсус является индикатором социальной интеграции, большей, чем интеграция, сформированная в общественном договоре [17]. Социальное взаимодействие на основе консенсуса предполагает минимум предварительной договоренности и в результате – корреляция совместных ожиданий и шанс реализации их на практике. М. Вебер рассматривает консенсус и как принцип управленческого взаимодействия, основанный на коммуникации, признании необходимости и ценности всех социальных групп общества. Отказ от конфликтных моделей поведения и предпочтение мирных форм социального регулирования должно было реализовываться с помощью социального партнерства.

Так же М. Вебер провел анализ социального действия, позволяющие описывать функционирование социального партнерства на практике. Он дал

следующее определение социальному действию: «Социальным мы называем такое действие, которое по предполагаемому действующим лицом или действующими лицами смыслу соотносится с действием других людей и ориентируется на него» [18]. Проанализировав социальное действие внутри общества, М. Вебер выделил четыре его типа: целерациональное, ценностно-рациональное, эффективное, традиционное. Из них только целерациональное позволяет избегать конфронтации и противостояния между участниками социального действия. Это положение имеет значение при рассмотрении социального партнерства как совместной формы действия, так как рациональность в действии позволяет избегать конфликтных ситуаций.

Изучением социального действия занимался также американский социолог Т. Парсонс [19]. Он исследовал механизмы согласованности и взаимодействия субъектов социальной системы. С его точки зрения, социальная система находится в нормальном состоянии, когда существует равновесие и консенсус между ее субъектами. Следовательно, чтобы уберечь общество от нежелательных конфликтов, необходимо особое внимание уделять процессам регулирования, социального контроля за этим равновесным состоянием.

В «теории справедливости» американского социолога Дж. Ролза социальное партнерство представлено как одна из форм цивилизованного взаимоотношения государства и общества [20]. Социальная справедливость, по его мнению, является стабилизирующим фактором, обеспечивающим равноправие сторон в реализации каких-либо их жизненных целей. В формировании идеи социального партнерства теория справедливости имеет значение, поскольку позволяет обосновывать мирное сосуществование разных сторон через защиту интересов, согласование, демократичность, законность и компромисс.

В настоящее время социальное партнерство является популярной системой отношений, позволяющей за счет баланса интересов добиваться принятия тех решений, которые выгодны всем участникам партнерства. Об этом свидетельствует большое количество публикаций, анализ которых позволяет выделить два направления исследований партнерства: 1) исследования взаимодействия общества и государства; 2) исследования в области социально трудовой сферы. К первому направлению относят межсекторное взаимодействие и классическую модель социального партнерства; ко второму – тред-юнионизскую модель социального партнерства, корпоративизм и неокорпоративизм.

Можно сделать промежуточный вывод, что сущность понятия «социальное партнерство» в науке рассматривается в двух различных

направлениях. В первом случае речь идет об анализе взаимодействия в сфере трудовых отношений между руководством компании (предприятия) и работниками (представителями). Во втором, более актуализированном в современном политическом контексте, социальное партнерство рассматривается как конструктивное, целенаправленное, взаимовыгодное сотрудничество государства, бизнеса и общественных организаций с целью решения проблем социальной сферы в интересах всего населения или отдельных групп, проживающих на данной территории.

Социальное партнерство как особый тип общественных отношений, обеспечивающих баланс реализаций важнейших социально-экономических интересов основные группы общества, формируется:

– как закономерный результат развития общества с рыночной экономикой;

– как следствие коренных изменений, происшедших как в обществе в целом, так и в основных его социальных группах.

Уровень развития социального партнерства – это показатель экономической, социальной, политической и нравственной зрелости общества. В поступательном развитии такого общества и формируются необходимые условия для реализации партнерских отношений.

Социальное партнерство представляет собой социокультурный феномен, достаточно распространенный на Западе и пока только формирующийся на постсоветском пространстве. Он проявляется, с одной стороны, как общественный институт, который структурирует взаимодействия власти и общества, направленные на улучшение состояния социально-экономической сферы, а с другой стороны – как разновидность сетевой коммуникации. Государственная власть, общественные организации и бизнес связаны единой сетью формальных и неформальных отношений, обусловленных единой территорией и заинтересованностью в успешном социально-экономическом развитии муниципального образования.

Работая вместе, организации всех трех секторов экономики (власть, некоммерческий и коммерческий сектора) определяют общие цели и задачи, достигают взаимопонимания, преодолевая взаимные противоречия, и постепенно формируют отношения, основанные на доверии и сотрудничестве. Говоря об экономическом развитии региона или государства в целом, следует отметить важность осознания каждым из партнеров необходимости участия двух остальных секторов. Партнерство всегда дает дополнительные преимущества: обретение новых знаний и доступ к ним или возможность обнаружения дополнительных ресурсов. Широкий интерес к явлению социального партнерства вызван тем, что он показал в зарубежных странах

свою состоятельность как фактор интеграции и стабилизации общества. В современных постсоветских реалиях в наших государствах разные виды и типы партнёрства вышли далеко за пределы социально-трудовых отношений, охватив другие сферы общественной жизни. Межсекторное взаимодействие, создавая правила, нормы, процедуры и механизмы для сотрудничества представителей власти, бизнеса и общественных групп, делает социальный процесс предсказуемым, подконтрольным, управляемым, снабженным механизмами согласования интересов и целей.

Эксперты выделяют три сектора социального партнёрства: первый – государственный, или властный сектор, второй – частный бизнес-сектор, и негосударственный, некоммерческий сектор, часто называемый третьим. Каждый из секторов имеет свою миссию, область деятельности, технологии работы, организационные структуры, системы управления, ресурсные и нормативные базы. Представители каждого сектора по-разному понимают решение социальных проблем. Но, несмотря на все различия и противоречия, социальное партнёрство является двигателем социально-экономического развития территории, так как ни местное самоуправление, ни бизнес, ни общественность не могут решить социальные проблемы местного сообщества в одиночку.

Первый сектор – это государственные органы власти и местное самоуправление. Местное самоуправление имеет существенные отличия от центральной власти и собственные цели развития, зачастую более точно отражающие интересы местных сообществ. В последнее время его роль во всем мире значительно возросла, что стало следствием глобальной тенденции к децентрализации, регионализации и муниципализации социальной политики. Механизм социального партнёрства даёт гражданам возможность участия в принятии решений, а значит, они разделяют долю ответственности за социально-экономическое состояние муниципального образования.

Коммерческий сектор к социальной сфере имеет только опосредованное отношение. Целью бизнеса всегда остается максимизация прибыли. И даже минимальный пакет социальной ответственности (уплата налогов, социальный пакет для работников и т.д.) воспринимается более чем положительно. Местное сообщество выступает по отношению к бизнесу внешней средой, от стабильности которой точно так же зависят темпы развития предприятия, его устойчивость и лояльность персонала. Поэтому бизнес заинтересован в стабильном социально-экономическом развитии муниципального комплекса. Но так как для бизнеса социальная деятельность профильной не является, то становится необходимым привлечение организационного ресурса НКО для проведения социальных мероприятий.

Третий сектор, выступая посредником между властью и бизнесом, безусловно заинтересован в успешном реформировании социальной сферы. Представители общественных организаций оказывают адресную поддержку наиболее нуждающимся, разрабатывают инновационные виды социальных услуг и помощи и особенно там, где местное самоуправление не способно действовать в силу бюджетных ограничений или не успевает реагировать на вызовы времени.

Таким образом, у местного самоуправления, общественных организаций и бизнеса есть общая цель: социальное благополучие местного сообщества. Её достижение возможно только при условии объединения усилий всех участников.

Социальное партнёрство строится на следующих основных принципах:

- уважение и учет интересов участников переговоров;
- заинтересованность договаривающихся сторон в участии в договорных отношениях;
- содействие государства укреплению и развитию социального партнёрства на демократической основе;
- соблюдение социальными партнерами и их представителями международных норм, законодательства государства;
- полномочность социальных партнеров и их представителей;
- полнота представительства сторон;
- равноправие сторон и доверие в отношениях;
- невмешательство в дела друг друга;
- свобода выбора и обсуждения вопросов, входящих в сферу социального партнёрства;
- добровольность принятия обязательств социальными партнерами на основе взаимного согласования;
- регулярность проведения консультаций и переговоров по вопросам, входящим в сферу социального партнёрства;
- реальность обеспечения принятых социальными партнерами обязательств;
- обязательность исполнения достигнутых договоренностей;
- систематичность контроля за выполнением принятых в рамках социального партнёрства соглашений, договоров и решений;
- ответственность сторон, их представителей, должностных и иных лиц за невыполнение по их вине принятых обязательств, соглашений, договоров, решений;

– соблюдение предусмотренных действующим законодательством примирительных процедур при разрешении коллективных трудовых споров [21].

На основе данных принципов должны формироваться приоритетные направления развития социального партнерства на конкретной территории.

В современной науке существует несколько классификаций межсекторного взаимодействия. Здесь можно отметить «легистское направление», к которому отнесены работы Н. Ю. Беляевой, Е. А. Амбросимовой, А. С. Автономова. Исследования данных авторов, в большинстве своем юристов, привели к необходимости выхода за пределы чисто юридических норм, к анализу реальных практик и влияния как старых, так и новых институтов на процесс становления гражданского общества во всем его многообразии взаимодействия с органами власти.

Например, профессор и основатель кафедры Публичной политики НИУВШЭ Н. Ю. Беляева выделяет следующие формы партнерства на основании подборки закрепленных в законах правил и форм взаимодействия гражданских структур и органов власти, а именно:

- привлечение экспертов от общественности к работе в государственных органах;
- учет мнений и предложений и формула «Решение вопроса по согласованию»;
- взаимодействие органов власти и гражданских структур;
- поддержка деятельности общественных организаций на государственном уровне;
- привлечение экспертов от общественности к участию или право участвовать в подготовке (разработке) законов, иных нормативных актов, решений разного уровня и наделение общественных организаций контрольными полномочиями [22].

Доцент Ясницкая Я. С. описала обобщенную классификацию форм взаимодействия государственного и негосударственного секторов экономики [23]. Она предлагает разделить формы взаимодействия государственного и некоммерческого секторов на две группы: экономические и неэкономические. Таблица 1.1.1

Таблица 1 – Классификация форм взаимодействия государства и НКО

Экономические формы взаимодействия	Неэкономические формы взаимодействия
Целевое финансирование деятельности НКО из бюджетов различных уровней	Проведение совместных мероприятий

Государственный или местный грант	Общественные или общественно-экспертные советы
Фонды местных сообществ	Круглые столы с участием представителей различных секторов, проводимые для обсуждения различных проблем с вынесением рекомендательного решения
Конкурсы социальных проектов, проводимых коммерческими организациями	Общественные палаты
Предоставление налоговых иных льгот участниками благотворительной деятельности, создание благоприятного налогового режима для коммерческих организаций, принимающих участие и решение социальных вопросов	

Кандидат экономических наук Пазына О. Е. представляет типологию межсекторных форм взаимодействия на основе признаков, определяющих социально-экономический эффект в решении общегосударственных задач [24]. Таблица 1.1.2.

Таблица 2 – Классификация форм взаимодействия государства и НКО

Институциональные формы взаимодействия	Технологические формы взаимодействия	Экономические формы взаимодействия
Осуществляются на всех уровнях власти. Представлены Координационными и консультативными органами, экспертными и совещательными структурами/	Характеризуются совместными усилиями в решении определенных социально-экономических задач на конкретной территории/	Формы поддержки государством некоммерческих предприятий, которые осуществляются с помощью налогового, бюджетного и кредитного регулирования.

Кандидат экономических наук М. И. Либоракина выделила несколько моделей сотрудничества органов власти и некоммерческого сектора: информационный обмен, проведение совместных благотворительных и иных акций, систематическая поддержка социальных инициатив, в том числе помещением, оплатой расходов, развитие государственно-общественных форм управления и финансирование социальной сферы на конкурсной основе [25].

Экономическая практика свидетельствует, что в странах с развитым третьим сектором экономики снижается бремя нагрузки на государство, а также уменьшаются государственные расходы в тех сферах, где

успешно работают некоммерческие организации [26]. В настоящее время тенденции развития третьего сектора экономики позволяют привлекать негосударственные некоммерческие организации к оказанию услуг в социальной сфере. В этой связи, возникает необходимость повышения эффективности взаимодействия государственного и негосударственного секторов экономики для решения социальных задач государства. В этом контексте, специалисты предлагают следующую классификацию направлений реализации социального партнерства, в основу которой положено соотношение форм и видов партнерства с процессом реализации социальной политики. В этой модели учитывается три ключевых этапа осуществления любого направления политики, а именно: этап инициирования, этап реализации, этап оценки эффективности. Таблица 3.

Таблица 3 – Классификация направлений социального партнерства, реализуемых в процессе осуществления социальной политики

Направление	Субъекты взаимодействия / инициатор	Ожидаемые результаты	Необходимые ресурсы	Механизмы реализации
Этап инициирования политики	Инициаторы – НКО и бизнес-структуры	Привлечение общественности к законодательным инициативам	Добровольческий ресурс НКО и коммерческого сектора, лидеры организаций	Волонтерские и добровольческие акции, иницируемые НКО и бизнес-структурами, благотворительные проекты компаний
Этап реализации политики	Организации всех трех секторов экономики	1. Повышение эффективности социальной политики, ее адресности 2. Профессионализация НКО 3. Демонопользация социальной сферы в направлении частичной передачи НКО сферы оказания социальных услуг 4. Внедрение новых форм деятельности социально ответственного бизнеса (развитие социального предпринимательства, аутсорсинга социальных проектов бизнеса и т.д.)	Новые социальные технологии, разработанные НКО и бизнес-структурами, члены организаций	- Развитие сети инфраструктурных сервисов – Ресурсный центр, Центр поддержки НКО, Фонд развития местного сообщества и т.д. - Ярмарки социальных проектов НКО и бизнеса - Участие НКО в конкурсах на получение целевого финансирования - Оказание НКО социальных услуг населению - Предоставление государством налоговых льгот НКО и бизнес-структурам, занимающимся реализацией социальной политики - Социально-технологические механизмы – приемные семьи, Семейные клубы родителей детей с ограниченными возможностями здоровья и т.д.

Этап оценки эффективности политики	Все три сектора экономики	Внедрение методик общественной экспертизы реализации политики	Организационные структуры НКО и бизнеса	- Общественные палаты - Координационные советы - Форумы НКО - Общественно-экспертные советы - Взаимные консультации обмен информацией - Публичные слушания
------------------------------------	---------------------------	---	---	--

В сфере предоставления социальных услуг огромное значение имеют механизмы, с помощью которых органы власти оказывают воздействие на осуществление деятельности некоммерческими организациями. Под механизмом социального партнерства эксперты предлагают понимать разработанную сообща представителями двух или всех трех (власть, бизнес, общество) секторов правил, способов, технологий и документации по организации, обеспечению ресурсами и реализации совместных работ, которая встроена в схему функционирования социальной сферы на данной территории, направлена на решение социально-значимой проблемы с учетом действующих нормативных и правовых актов и воспроизводима в будущем без участия создателей [27].

Доктор социологических наук В. Н. Якимец выделил пять групп механизмов межсекторного социального партнерства: конкурсные, социально-технологические, организационно-структурные, процедурные, комплексные и комбинированные [28].

Конкурсные механизмы реализуются тогда, когда претендент выигрывает конкурс, организованный по заранее отработанной схеме (с участием НКО и других сторон). В эту группу входят механизмы социального заказа государственного уровня, местного социального заказа, местной субсидии на реализации социально-значимых проектов, местного заказа, конкурса социальных проектов и др.

Социально-технологические механизмы основываются на социальной технологии («ноу-хау»), созданной заново (или освоенной на основе позитивного зарубежного опыта) и выгодно отличающейся по эффективности использования средств и качеству результатов. К этой группе относятся хосписы, приемные семьи, специальные модели социализации детей инвалидов, программы реабилитации наркозависимых, программы общественного развития местных образований и др.

Организационно-структурные механизмы характеризуются тем, что власть совместно с некоммерческими организациями и бизнесом, действующим на той же территории, образует новую организационную структуру (как правило, юридическое лицо), которой делегируется часть

функций по решению социально значимых программ через вовлечение граждан и общественных объединений при финансовой поддержке со стороны власти и бизнеса.

Процедурные механизмы включают в себя правила сотрудничества при решении определенного класса задач. Они формируются в ходе совместного обсуждения и чаще всего оформляются в виде специального соглашения, действующего в течение определенного периода. Например, различного рода общественные комиссии, общественные советы, общественные слушания и др.

Комплексные, или комбинированные механизмы – это системы взаимодействия, которые несут в себе черты как минимум любой пары вышеназванных. Например, ярмарки НКО, ярмарки социальных проектов, фонды развития местного сообщества и др.

Органы государственной власти, бизнес структуры и институты гражданского общества, в том числе общественные организации, тесно связаны между собой, оказывают влияние друг на друга, а их взаимодействие позволяет более полно использовать как экономический, так и нравственный потенциал общества, развивая при этом корпоративную ответственность некоммерческих организаций за положение дел в том или ином спектре социальной сферы.

Исследователи выделяют три основные сферы социального партнерства:

- развитие власти (стратегическое планирование, бюджет, антикризисные программы, кадровая политика и т.д.);
- развитие предприятий (продукция, персонал, инвестиции, устойчивость и т.д.);
- развитие местных сообществ (инфраструктура, социальная сфера, экология и т.п.) [29].

В целях создания эффективной системы реализации социального партнерства требуется формирование следующей иерархичной структуры: институты – методы – механизмы. При этом особое внимание следует уделить вопросам их закрепления, в том числе правового и договорного, в стандартах, правилах, документах; определения критериев и способов мониторинга эффективности системы; проблемам информационной открытости и обратной связи. При этом механизмы социального партнерства могут носить как общий, для всех сфер, так и частный характер.

Взаимодействие акторов в рамках процесса социального партнерства осуществляется в различных формах. Во-первых, путем совместного участия сторон в законотворческой деятельности по проблемам социально-трудовых отношений, т.е. в работе над законопроектами и нормативными актами,

подготовке предложений, замечаний по их изменению, совершенствованию. Во-вторых, через консультации, переговоры субъектов социального партнерства, имеющих различные интересы при решении конкретных вопросов, с целью сближения их позиций или выработки компромиссных, взаимоприемлемых решений. Но социальное партнерство не ограничивается только сферой социально-трудовых отношений. В сферу трехстороннего сотрудничества входит (в разном объеме) более широкий круг экономических и социальных вопросов.

В современных условиях социальное партнерство выступает как способ согласования интересов различных социальных групп, применяемый в процессе разрешения возникающих противоречий и предотвращения конфликтов в разных сферах общественной практики. В случае возникновения конфликта действующий механизм социального партнерства позволяет достичь согласия и взаимопонимания между конфликтующими сторонами без насилия и подавления одной из них.

Социальное партнерство – это такая система отношений различных социальных субъектов, которая ориентирована на первоочередное достижение общенациональных интересов, не ущемляя при этом интересы групповые и корпоративные (т.е. учитывая их) [30].

Сегодня все чаще социальное партнерство рассматривается как система взаимоотношений, позволяющая наиболее полно учитывать интересы различных институтов общества (общественных организаций, бизнеса и государственных структур) и целенаправленно решать важнейшие социальные проблемы на основе взаимного доверия.

Социальное партнерство имеет несомненные плюсы для всех трех секторов, не говоря уже о том, что оно создает синергетический эффект в решении актуальных социальных проблем современного общества и способствует повышению качества жизни населения. Для общественных организаций взаимодействие с властью и бизнесом решает проблему мобилизации внешних ресурсов; создает дополнительные источники финансирования; повышает их имидж и авторитет в обществе, обеспечивает доверие со стороны представителей целевых групп; предоставляет дополнительную возможность социальной рекламы своей деятельности.

Внедрение механизмов социального партнерства в процессы разработки и осуществления региональной социальной политики, мониторинга и контроля не создает значительных финансовых затрат для органов власти и не является дополнительной нагрузкой для регионального бюджета.

Применение механизмов социального партнерства способствует привлечению дополнительных внебюджетных средств и повышению

эффективности расходования средств бюджета. Расходы, которые несут граждане и их объединения в связи с участием в различных проявлениях социального партнерства, можно считать дополнительным вкладом гражданского общества в осуществление управления делами государства на региональном и локальном уровнях. Кроме того, они служат хорошей защитой от злоупотребления правом и способствуют формированию взвешенной, ответственной линии поведения граждан и их объединений в отношениях с государством.

Эффективное социальное партнерство секторов требует практических действий со стороны, как государства, так и других субъектов, а именно:

- развитие институциональной среды;
- модернизации законодательства, стимулирующего активность бизнеса и общественных организаций;
- обеспечение прозрачности деятельности субъектов и развитие конкуренции;
- создание дополнительных источников ресурсного обеспечения;
- создание единой информационной базы, позволяющей выявить возможности развития межсекторного партнерства;
- создание системы государственного управления, обеспечивающей сочетание интересов всех групп населения с учетом долгосрочной стратегии социально-экономического развития страны.

В реализации социального партнерства бизнеса и государственных органов кроме положительных моментов существуют и негативные аспекты, проявляющиеся в следующем:

Добровольно-принудительная благотворительность. Это так называемое дофинансирование компанией территорий ее пребывания, проявляющееся в формально не регулируемых вложениях бизнеса в территории (на благоустройство, в инфраструктурные проекты, на социальные программы и т.п.), которые организуют и координируют органы власти [31]. При этом власть предъявляет бизнесу требования по определенному объему дополнительных отчислений, а бизнес, в свою очередь, просчитывая выгоды от установления благоприятных для него отношений с властью, идет на соответствующие расходы.

Торг («ты – мне, я – тебе»). Прагматичные предприниматели готовы к вложению средств, не ожидая отдачи от объекта инвестиций, а рассчитывая на поддержку государства в решении каких-то проблем, связанных с ведением бизнеса [32]. Сегодня среди крупных компаний стало модно заключать с региональными властями соглашения о социально-экономическом сотрудничестве. Соглашения по принципу «ты – мне, я – тебе» заключены

у большинства добывающих крупных компаний. По мнению специалистов М. Курбатовой и С. Левина, современная модель отношений между властью и бизнесом характеризуется тремя относительно обособленными зонами их взаимодействия: «белой», «черной» и «серой».

– «белая» зона включает формальную практику: регулирование налоговых отношений, административное и экономическое регулирование бизнеса (регистрация, лицензирование, контроль и принуждение к исполнению установленных норм и т.п.), конкурсы по распределению государственных заказов и т.п.;

– «черная» зона – это неформальные криминальные практики, прежде всего коррупция;

– «серая» зона охватывает неформальные поборы с бизнеса, непосредственно не связанные с коррупцией, а также его неформальный торг с властью по поводу условий своего функционирования [33].

Именно в пределах «серой» зоны и формируются негативные аспекты социально-экономического партнерства власти и бизнеса. Власть пытается действовать в обход существующего законодательства, поэтому строит партнерские отношения на основе реализации своих публичных функций. Бизнес с одной стороны, стремится выжить и поэтому участвует в дофинансировании, а, с другой стороны, пытается вынудить властные органы предоставить большие и лучшие условия своего функционирования. При этом обе стороны заинтересованы в выживании на одной территории.

ВЫВОДЫ

Все эти негативные тенденции, которые проявляются и прикрываются процессом социального партнерства необходимо преодолеть для дальнейшего процветания любого государства.

Общественное назначение системы социального партнерства находит свое практическое значение в выполнении следующих задач:

- выработка и реализация согласованной социально ориентированной политики и экономических рыночных преобразований;
- содействие разрешению социально-трудовых конфликтов;
- совершенствование в установленном порядке законодательной базы, регулирующей социально-трудовые отношения;
- преодоление кризиса экономики и на этой основе – повышение благосостояния народа;
- достижения социальной стабильности в обществе [34].

В развитии социального партнерства в большей степени заинтересовано государство, функцией которого является сохранение политической

экономической, социальной стабильности в обществе. Социальное партнерство развивается в условиях открытости, доступности политических институтов, целью которых является не только обеспечение порядка и контроля, но и защита интересов социальных групп. Для всего этого необходимо формирование гражданского общества. Гражданское общество способно регулировать отношения между политической системой и общественными отношениями и стать сдерживающим фактором в деле разрешения противоречий.

Социальное партнерство является специфической формой общественных отношений. Основная его цель заключается в вовлечении как можно большего числа различных организаций в процесс социально-экономического развития общества. За счет так называемого третьего сектора появляется потенциальная возможность справиться с множеством социальных проблем, опираясь не на бюрократический аппарат, а на общественность.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- 1 Семигин, Г. Ю. Социальное партнерство в современном мире. – М. : 1996. – С. 58.
- 2 Большой толковый социологический словарь. – Т. 1–2. – М. : 1999. – С. 358.
- 3 Шулу, А. А. Социальное партнерство – российская модель // Социальное партнерство, 2007. – № 2. – С. 37.
- 4 Иванов, С. А. Социальное партнерство как феномен цивилизации [Электронный ресурс]. – <http://www.jourssa.ru/2005/3/4aIvanov.pdf>.
- 5 Михеев, В. А. Основы социального партнерства: теория и политика : Уч-к для вузов. – М. : Экзамен, 2001. – С. 27.
- 6 Якимец, В. Н. Межсекторное социальное партнерство в России. // Социальное партнерство и развитие институтов гражданского общества в регионах и муниципалитетах. Практика межсекторного взаимодействия / под. ред. Шадрина А. Е. – М. : АСИ, 2010. – С. 225.
- 7 Осипов, Е. М. Институт социального партнерства как фактор развития малого бизнеса в России. – М. : Изд-во МГУ, 2012. – С. 60
- 8 Якимец, В. Н., Никовская, Л. И., Коновалова, Л. Н. Теория и практика межсекторного социального партнерства в России. – М. : ГУУ, 2004. – С. 27.
- 9 Ситникова, В. В. Социальное партнерство в Амурской области : Монография. Благовещенск : Амурский гос. ун-т, 2009. – С. 21.

10 Социальное партнерство : Словарь-справочник. / Акад. Труда и соц. отношений; [Бородин И.И.]. 2 изд., испр. и доп. – М. : Акад. Труда и соц. отношений (АТиСО), 2002. – С. 228–229.

11 Собчук, Н. В. Основные подходы к интерпретации понятия межсекторного социального партнерства в современном мире // Вопросы управления. [Электронный ресурс]. – <http://vestnik.uara.ru/ru-ru/issue/2008/04/08>.

12 Кокшарова, А. А. Межсекторное социальное партнерство как фактор устойчивого развития муниципального образования // Регионология, 2009. – № 2. [Электронный ресурс]. – <http://regionsar.ru/node>.

13 Кропоткин, П. А. Хлеб и воля. Современная наука и анархия. – М., 1990. – С. 11.

14 Давыдов, Ю. Н. Стабилизационное сознание в век кризиса. Его основополагающие категории // История теоретической социологии в 4 т. – М., 1998. – Т. 3. – С. 12.

15 Спенсер, Г. Опытные научные, политические и философские. – Минск, 1998. – С. 136.

16 Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда : пер. с фр. – М., 1996. – С. 70.

17 Вебер, М. Протестантская этика // Избранные произведения. – М., 1990. – С. 112.

18 Вебер, М. Избранные произведения : пер. с нем.; сост., ред. Ю. Н. Давыдова. – М., 1990. – С. 603.

19 Парсонс, Т. О структуре социального действия / под общ. ред. В. Ф. Чесноковой, С. А. Белановского. – М., 2000. – С. 94-95.

20 Ролз, Д. Теория справедливости. – Новосибирск, 1995. – С. 26.

21 Волынский, Г. С. Противоречие между трудом и капиталом: современный аспект // Социальная экономика. – 2003. – № 2–3. – С. 119.

22 Общественные объединения и органы власти: правовая основа и опыт взаимодействия / отв. ред. Н. Ю. Беляева. – М. : 1997. – С. 47–49.

23 Ясницкая, Я. С. Система управления общественным сектором экономики региона в сфере предоставления социально значимых благ : Диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук : 08.00.05. Казань, 2009. – С. 82.

24 Пазына, О. Е. Теоретико-методологические аспекты управления некоммерческими организациями в условиях рыночной экономики : Диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук : 08.00.05. Саратов, 2006. – С. 93.

25 **Либоракина, М. И., Никонова, Л. С.** Социальное партнерство: взаимодействие между государственными, коммерческими и общественными структурами. Опыт проведения учебной программы. – М. : Фонд «Институт экономики города», 2001. – С. 26.

26 **Перко, М. В.** Государственный и негосударственный секторы экономики: формы и механизмы взаимодействия в сфере предоставления социальных услуг. // Вестник АГТУ, серия «Экономика», 2012. – № 1. – С. 145.

27 **Бондарчук, Е. А., Якимец, В. Н.** Межсекторное социальное партнерство: объединение ресурсов бизнеса, власти и общества на территории МО (Местное самоуправление – новые технологии развития) // Электронный журнал «Местное устойчивое развитие», 2010. [Электронный ресурс]. – <http://fsdejournal/pdf-files/2010>

28 **Якимец, В. Н.** Социальное партнерство в России : исследования, механизмы, опыт // Социальное партнерство. Российский опыт. – 2000». – СПб. : Интерлэнт, 2001. – С. 43.

29 **Новиков, В.** Социальное партнерство : этапы становления и развития // Экономист. 2006. – № 4. – С. 85.

30 **Семигин, Г. Ю.** Социальное партнерство в современном мире. – М., 1996. – С. 49.

31 **Качанов, Ю. Л.** Социологический casus: «Социальная группа предпринимателей» / Ю. Л. Качанов // СОЦИС. – 1999. – № 9. – С. 38.

32 **Казаков, М. Ю.** Предпринимательство и местная власть : социальное измерение / М. Ю. Казаков, А. В. Гладилин. // Современное предпринимательство : социально-экономическое измерение : Монография / Н. Б. Андренов, А. В. Гладилин, И. М. Колесников и др.; под общ. ред. проф. О. И. Кирикова – Воронеж : ВГПУ, 2006. – Кн.14. – С. 196.

33 **Курбатова, М.** Деформализация правил взаимодействия власти и бизнеса / М. Курбатова, С. Левин // Вопросы экономики. – 2005. – № 10. – С. 86.

34 **Нетеребский, О. В.** Становление и развитие системы социального партнерства. Региональный аспект. – М., 2003. – С. 29.

Материал поступил в редакцию 30.11.18.

А. Б. Исаков

Әлеуметтік ынтымақтастықты зерттеудегі теориялық көзқарастар

С. Торайғыров атындағы Павлодар мемлекеттік университеті,
Павлодар қ., 140008, Қазақстан Республикасы.

Материал баспаға 30.11.18 түсті.

A. B. Isakov

Theoretical approaches in research of social partnership

S. Toraighyrov Pavlodar State University,
Pavlodar, 140008, Republic of Kazakhstan

Material received on 30.11.18.

Әлеуметтік ынтымақтастық Батысқа кеңінен қалыптасып таралған социомәдени феноме және бұрынға Кеңес Одағында тек қалыптасып келеді. Ол бір жағынан әлеуметтік-экономикалық саладағы жағдайды жақсартуға бағытталған қоғамдық институт ретінде қарастырылады, екінші жағынан – желілік коммуникацияның бір түрі ретінде қарастырылады. Әлеуметтік ынтымақтастық қоғамның үш секторының бірлігі – жеке, коммерциялық емес және билік. Ол әлеуметтік өзгерістер мен экономикалық дамудың қозғалтқышы.

Әлеуметтік ынтымақтастық тақырыбы түрлі мүдделердің келісім механизмі ретінде қазіргі ғылымда өзекті болып есептеледі. Аталмыш мәселені әлеуметтанушылар, экономистер мен саясаттанушылар ғана зерттеп қоймайды, сонымен қатар басқарушылар мен саясаткерлер қерестырады.

Аталмыш жұмыста автор әлеуметтік ынтымақтастықты зерттеудің түрлі теориялық көзқарастарын зерттеген, оның қызмет етуінің негізгі принциптері мен механизмдерін қарастырды.

Social partnership is a sociocultural phenomenon that is fairly common in the West and is still being formed in the countries of the former Soviet Union. It manifests itself, on the one hand, as a public institution that structures the interaction of government and society, aimed at improving the state of the socio-economic sphere, and, on the other hand, as a kind of network communication. Social partnership is a unifying start for three sectors of society – private, non-profit and powerful. It becomes the engine of social change and economic development.

The topic of social partnership as a mechanism for coordinating the interests of various social groups is quite relevant in modern science. This problem is addressed not only by learned sociologists, economists and political scientists, but also by managers and politicians who are looking for practical ways to more effectively interaction of power, interaction of business and society.

In this paper, the author reviewed various theoretical approaches in the study of the phenomenon of social partnership, considered its basic principles and mechanisms of functioning.

ГРНТИ 06.81.12

И. А. Калиев¹, Б. С. Зада²¹к.полит.н., профессор, Павлодарский государственный университет имени С. Торайгырова, г. Павлодар, 140008, Республика Казахстан;²магистрант, Павлодарский государственный университет имени С. Торайгырова, г. Павлодар, 140008, Республика Казахстан

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ, ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ И БИЗНЕСА

Модели социального партнерства в разных странах отличаются организационным механизмом, нормами и правилами регулирования социально-трудовых отношений, степенью централизации процедуры, участия государства в социальном диалоге. Анализ зарубежного опыта развития социального партнерства свидетельствует, что западная демократия определила такого рода отношения в социально-трудовой сфере как основную форму взаимодействия работников, работодателей и государства. Эффективность механизма социального партнерства в индустриально развитых странах основывается на целесообразном распределении ответственности и прав сторон партнерства за реализацию социально-экономической политики и ее последствий.

В работе автор рассмотрел основные модели социального партнерства, которые сложились в зарубежных странах, и дал их развернутую характеристику. Так же в статье были рассмотрены различные сферы, где протекают процессы социального партнерства, такие как, трудовая, социальная, образовательная и другие сферы жизнедеятельности общества.

Ключевые слова: социальное партнерство, социальное проектирование, сотрудничество, межсекторное взаимодействие, государственная власть, бизнес-структуры, общественные организации, некоммерческие организации, межсекторное сотрудничество, взаимодействие, социальные проблемы, partnership, местное сообщество.

ВВЕДЕНИЕ

В качестве приоритетного направления развития большинства стран Советского Союза после 1991 года было выбрано формирование

демократического и правового государства, гражданского общества и социально ориентированной рыночной экономики. В течение практически трех прошедших десятилетий трансформационные преобразования коснулись практически всех сфер общественной жизни страны, в том числе системы трудовых и социальных отношений, и повлекли за собой внедрение принципиально новых подходов и методов взаимодействия между представителями общества, капитала и власти.

Советская патерналистская система трудовых и социальных отношений характеризовалась доминированием государственных органов власти, зависимостью профсоюзных и общественных организаций от партийных структур и отсутствием объединений работодателей. На постсоветском пространстве в трипартистской системе стал актуальным вопрос о формировании равноправных представителей наемных работников (общественности), работодателей и государства. В основу инновационной системы легла концепция корпоративизма, представляющая собой сотрудничество корпораций труда и общества, капитала и власти с целью согласования специфических разнонаправленных интересов и поиска общих взаимоприемлемых компромиссов.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Мировой опыт развития бизнеса позволяет считать социальное партнерство высшей стадией эволюции предпринимательства, когда компании переходят к политике социального диалога с обществом. Социальное партнерство также считается высшей точкой развития прозрачности коммуникаций бизнеса и общества.

Система взаимодействия государства, общества и бизнеса в разных странах функционирует по-разному. Несмотря на то, что речь идет о странах с развитыми рынками, список различий выглядит достаточно большим. Эти различия порождаются такими факторами, как исторически сложившимся характером отношений между обществом и государством, традициями разрешения деловых конфликтов, преобладающими типами экономического поведения населения, уровнем политической культуры, распределением ресурсов между различными институтами и многое другое.

В современной капиталистической экономике действуют две принципиально отличные друг от друга модели взаимодействия бизнеса и власти: плюралистическая и неокорпоративистская. В реальности ни одна из них не действует в чистом виде.

Плюралистическая модель основывается на том, что части общественной системы находятся в координационной зависимости, а значит, исключается

преобладающая роль какой-то одной части целостной системы. Совокупное воспроизводство целостной жизни общества возможно лишь при участии в нем всех типов и видов общественного производства, что не исключает наличия субординационных связей между ними. Однако именно материальное производство создает жизнеобеспечивающие продукты, от которых зависит не только функционирование общества, но и физическое выживание каждого конкретного человека. Отсюда следует, что все прочие виды общественного производства должны служить средством его оптимизации и дальнейшего развития.

Таким образом, для плюралистической модели характерна деятельность государства в интересах всего капиталистического класса. Благодаря фактической равно удалённости от основных финансово-экономических групп, государство может действовать в интересах системы в целом, обеспечивая ее стабильность, возможность пребывать в относительном равновесии. Если система отклоняется от равновесия и попадает в кризисную полосу, государство корректирует возникающие перекосы.

Плюралистическая модель взаимодействия власти и бизнеса базируется на англо-американской традиции, сформировавшейся в контексте следующих культурно-исторических особенностей [1].

Индивидуализм как основной принцип социально-экономического поведения основной части населения. Большинству экономически активного населения Великобритании и в особенности США присуща ориентация на личный успех, прежде всего в бизнесе, и высокая степень готовности принять на себя серьезные риски, связанные с достижением успеха и высокого личного уровня материального благосостояния [2].

Конкуренция рассматривается как неперемнное условие и движущая сила развития. Основой деловой этики и системы регулирования считается создание условий для конкуренции всех экономических агентов, а сама конкуренция рассматривается, как основа экономического развития и попытки ее ограничить воспринимаются как покушение на «американскую мечту», принцип «равных возможностей для всех».

Несмотря на возросшее за последние время внимание к социальной ответственности бизнеса, прибыль рассматривается как основной показатель его успешности, перевешивая все остальные.

Государство традиционно рассматривается как внешняя сила, роль которого заключается в выработке (совместно с бизнесом) правил регулирования, разрешении конфликтов, с которыми не может справиться само деловое сообщество (сильна тенденция к саморегулированию бизнеса), и поддержке национального бизнеса на международных рынках.

Основными элементами плюралистической модели взаимодействия бизнеса и государства являются:

- множество существующих групп давления, конкурирующих между собой за влияние на политику;
- лидерство в группах давления, адекватно учитывающее реакцию своих членов;
- государство, которое остается независимым от групп давления, в то время как они могут продолжать выдвигать ему свои предложения и некоторые из этих предложений могут быть даже институционализированы.

Власть ассоциаций бизнеса в плюралистической системе является строго ограниченной тем условием, что если они разочаруют хотя бы меньшую часть своих членов, принимая позицию, с которой эти члены не согласны, то эти фирмы, скорее всего, покинут эту ассоциацию, тем самым, ослабив ее сокращением доходов и снижением доверия представлять интересы бизнеса в целом. В плюралистических системах корпорации остаются членами ассоциаций только до тех пор, пока они убеждены, что их членство в отношении доступа к коммерчески полезной информации или политического представительства стоит затраченных ими денег, и способствует увеличению их капитализации. Ассоциации бизнеса обладают небольшой или не обладают никакой властью совершать какие-либо действия, которые ограничивают их членов.

Корпоративная или неокорпоративная модель взаимодействия государственной власти, бизнеса и общества сформировалась в контексте следующих культурно-исторических особенностей.

Ориентация на партнерство и сотрудничество различных профессиональных и социальных групп. Несмотря на некоторое усиление за последнее время внимания к поощрению индивидуального вклада, основой деловой этики является сотрудничество, а не конкуренция. Большое внимание при формировании управленческих органов в бизнесе уделяется включению в них представителей персонала компании, ее деловых партнеров.

Для большинства экономически активного населения стран континентальной Европы характерны ориентация преимущественно на гарантии достигнутого уровня жизни, предотвращение возможных потрясений и потерь, стремление избежать неудач в бизнесе. Главным считается не успех отдельной личности или компании, а обеспечение стабильности и успешного развития национальной экономики в целом. И даже до самого недавнего времени большая часть личных накоплений населения направлялась в банковские депозиты, и лишь незначительная часть направлялась на фондовый рынок на приобретение акций. Главный

управляющий в компании рассматривается как «первый среди равных», его полномочия в отношении изменения состава управленческой команды ограничены.

Сложившаяся деловая этика рассматривает обеспечение прибыльности компании как условие, но не исчерпывающую конечную цель бизнеса. Социальные обязательства считаются чрезвычайно важными, заслуживающими, в случае необходимости, того, чтобы внести изменения в ведение бизнеса. Конкуренция рассматривается как важное условие развития, которое, однако, не исключает возможности и необходимости ее ограничения в определенных случаях для обеспечения интересов экономики в целом.

Государство в корпоративной традиции является важным экономическим агентом, обеспечивающим выработку и соблюдение общих «правил игры», а также рассматривается как сила, несущая большие социальные обязательства перед обществом в целом, и имеющая, поэтому, право выдвигать соответствующие требования к бизнесу.

Неокорпоратизм предполагает наличие институциональных форм правления, в которой организации, представляющие основные экономические интересы, обычно это профсоюзы и союзы работодателей, получают основные привилегии и возможности участвовать в разработке законопроектов и политических решений в обмен на принятие ответственности и обязательств по содействию государству в управлении обществом. Комбинация разделения функций в представительстве и управлении находится в центре корпоративизма. Корпоративные организации также вовлечены в установку стандартов и условий для производства. Организации, которые принимают участие в корпоративных соглашениях, получают гарантированный статус монополии от государства.

В сильных неокорпоративных обществах появились крепкие централизованные профсоюзы и организации работодателей, которые делают очень привлекательным партнерство с государством. Отдельные профсоюзы допустили значительное участие власти в своей деятельности, чтобы контролировать соглашения по зарплате и получать разрешения на забастовки. Работодатели верили своим ассоциациям полномочия по принятию решений не только в отношении зарплат, но также и в такой области как политика по защите окружающей среды.

В период экономических кризисов и Великобритании и даже Соединенные Штаты Америки прибегали к неокорпоратизму. В Соединенном Королевстве как консервативные, так и лейбористские правительства образовывали неокорпоративные институты, такие как Совет по развитию национальной экономики (NEDC), который свел вместе правительство,

профсоюзы и союзы работодателей для обсуждения экономической политики [3]. В США как в период «Великой депрессии» в 30-е годы 20 века, так и во время кризиса в 70-е годы были предприняты попытки использовать некоторые механизмы неокорпоративной практики. Однако тэтчеристы в Великобритании считали, что экономика будет процветать лишь при ограничении власти профсоюзов. Проявляя беспокойство по поводу обладания профсоюзами неумеренной властью, в формирование политики в Англии в 70-ые годы 20 века были включены организации работодателей. В США еще меньше одобряют тесное партнерство между группами интересов, такими как профсоюзы и правительство. Такие партнерства почти всегда рассматриваются, как противозаконные попытки завоевать неограниченное влияние, благодаря «особым интересам» [4].

Неокорпоратизм на национальном уровне нуждается в существовании развитых, централизованных и сплоченных экономическими интересами группами. Если трехсторонние соглашения заключаются между профсоюзами (или другими общественными организациями), государством и бизнесом, то должно быть четкое соглашение о том, кому дается право говорить об их интересах и должна быть определена организация, которая будет обладать полномочиями, выступать от лица ее членов.

Социальное партнерство как механизм конструктивного взаимодействия трех общественных секторов (государства, бизнеса и общественных организаций) на протяжении столетия использовались в странах с развитой рыночной экономикой для выхода из кризисов и ускорения социально-экономического развития территорий. Возникнув как механизм разрешения конфликтов, поиска точек соприкосновения и общих позиций между государством в лице органов власти, работодателями и профсоюзами работников, социальное партнерство во все большей степени превращается в инструмент общественного участия в планировании будущего территории, способствующий экономической стабильности и развитию.

Общественное назначение системы социального партнерства находит свое практическое значение в выполнении следующих задач:

- выработка и реализация согласованной социально ориентированной политики и экономических рыночных преобразований;
- содействие разрешению социально-трудовых конфликтов;
- совершенствование в установленном порядке законодательной базы, регулирующей социально-трудовые отношений;
- преодоление кризиса экономики и на этой основе – повышение благосостояния народа;
- достижение социальной стабильности в обществе [5].

Теоретические аспекты социального партнерства в условиях рыночного хозяйства обусловлены классической проблемой установления функций государства в условиях экономики, управляемой «невидимой рукой» рынка. Эта проблема обсуждалась еще Адамом Смитом, который доказал, что государство должно заниматься в основном поддержанием общественного порядка и защитой страны, ее граждан. Хотя степень вмешательства государства в экономику развитых стран различна, в настоящее время все эти страны имеют системы социального обеспечения (помощь безработным, их переподготовка и т.д.).

Наибольшее распространение социальное партнерство получило в трудовой сфере. Сама идея создания Международной организации труда (МОТ) консолидирует в себе принцип трипартизма. В целом принято выделять три модели социального партнерства, сложившиеся за рубежом:

- трехуровневая (Финляндия, Бельгия, Норвегия);
- одноуровневая (США, Канада, Япония);
- отраслевая (Германия, Австрия, Голландия, Швейцария).

Наиболее показательным примером трехуровневой модели является Бельгия, в которой действует система трехсторонних органов: Национальный совет по труду, предприниматели и профсоюзные организации. Для данной модели характерно постоянное вмешательство государства в трудовую сферу. Национальный совет по труду – это консультативный орган правительства, который ведет переговоры на общенациональном уровне. На отраслевом уровне создаются «паритетные комиссии». На уровне предприятия все вопросы решаются между предпринимателями и профсоюзной организацией.

Ключевое значение в трехуровневой модели социального партнерства уделяется участию работников в управлении производством. В Бельгии – это советы по труду, а в таких странах как Финляндия и Швеция – это органы сотрудничества, которые включают равное количество производителей и работников. Органы сотрудничества могут решать ряд вопросов, касающихся и производственных вопросов такие, как закупка оборудования, организация труда, нормы производства. А также и вопросы социально-экономического положения работников: подбор персонала, занятость, установление и предоставление социальных льгот и гарантий.

Одноуровневая модель социального партнерства предполагает заключение коллективных трудовых договоров. Все вопросы решаются на уровне предприятия, и государство фактически регулирует эту сферу путем законодательства по общим трудовым вопросам. Примером данной модели социального партнерства является США, где развитие сотрудничества работников и предпринимателей реализуется на уровне отдельных компаний.

Здесь отсутствуют специальные институты социального партнерства. При этом ассоциации предпринимателей и профсоюзы через взаимодействие с политическими партиями существенно влияют на законодательный процесс в части проведения государственной политики в трудовой сфере.

Отраслевая модель предполагает, что главным является именно отраслевой уровень, на котором осуществляется основной процесс переговоров и заключаются отраслевые соглашения. Коллективные трудовые договоры практически отсутствуют в практике предприятий.

В американской модели социального партнерства в социально-трудовой сфере политика возведена в ранг общенациональных приоритетов, и в настоящее время охватывает широкий комплекс мер, способствующих всестороннему развитию человеческих ресурсов путем расширения доступности образовательных, информационных, финансовых, медицинских и иных услуг. Государственное регулирование трудовых отношений, оплаты и условий труда, компенсация утраченного в силу существующих рисков заработка связано с необходимостью обеспечения правовой защищенности работника, адаптируемой к постоянно меняющимся экономически и политическим условиям.

В трудовом законодательстве Соединенных Штатов Америки право трудящихся на ведение коллективных переговоров уравнивается правом предпринимателей отказываться от них. В дополнение к предотвращению «несправедливой трудовой практики» работодателей было введено понятие «несправедливой профсоюзной практики». Локаут в правовом смысле приравнивался к забастовке, при этом ограничивались возможности пикетирования и «стачек солидарности». Была введена подотчетность профсоюзов и предпринимательских организаций государству по ряду финансовых вопросов.

В Соединенных Штатах организовано Национальное управление по трудовым отношениям, имеющее региональные отделения по всей стране. Основная задача управления – контроль над соблюдением коллективных договоров, заключенных предпринимателями и профсоюзами; обеспечение наемным работникам возможности сделать свободный выбор при заключении коллективного договора, а также предотвращения дискриминации при найме. Посреднические и арбитражные услуги при возникновении трудовых конфликтов оказывает Федеральная служба посредничества и примирения. Модель социального партнерства в США характеризуется тем, что коллективные переговоры ведутся на уровне предприятий. На национальном и отраслевом уровнях переговорный процесс между социальными партнерами практически не осуществляется.

Важная особенность модели социального партнерства в Соединенных Штатах Америки – это участие наемных работников в собственности предприятий. С этой целью создаются «народные предприятия», которые функционируют согласно международной программе «Наделение акциями собственников» и законом 1974 года. Данный закон позволил высвободить от налогообложения до 50 % прибыли, которая направляется на покупку акций работниками компаний [6]. В результате этого количество работников, перешедших к форме коллективного владения капиталом нанявшей их фирмы, резко возросло, а народные предприятия в экономике США получили бурное развитие.

Японская модель социального партнерства в социально-трудовой сфере предполагает проведение коллективных переговоров только на уровне предприятий. Коллективные переговоры существенно влияют на регулирование трудовых отношений в Японии, несмотря на то, что имеет место тенденция постепенного перехода от коллективных переговоров к неформальным трудовым отношениям с проведением совместных консультаций предпринимателей и профсоюзов. Основная функция коллективных переговоров – упорядочение трудовых отношений на каждом отдельном предприятии, улучшение условий труда работников, повышение их экономического и социального статуса, уровня организованности. Важная составляющая японской модели – это участие работников в распределении результатов хозяйственной деятельности предприятия. Доход японского работника делится на две части: постоянная (заработная плата, пособия и дотации) и переменная, размер которой зависит от параметров работы предприятия, снижения издержек производства, роста производительности труда.

В Германии коллективные переговоры ведутся на отраслевом и региональном уровнях, на уровне предприятий коллективные договоры не заключаются. Вместо них заключаются производственные соглашения, подписанные работодателем и советом предприятия (органом рабочего представительства). В Германии профсоюзы не представляют интересы работников на уровне предприятий. В их обязанности входит ведение тарифных переговоров. На уровне предприятия основной формой социального партнерства выступает участие наемных работников в принятии решений или «Митбештимунг» (система правового обеспечения различных форм участия наемных работников в процессе принятия социально-экономических решений).

Большой международный опыт организации социального партнерства в трудовой сфере доказал и продолжает доказывать его эффективность. Учет

мнений работников при решении кадровых и производственных вопросов, постоянная работа с профсоюзами и реальная защита прав трудящихся – важное условие социальной стабильности и благополучия.

Новый импульс социальное партнерство получило в результате успешного его использования как социальной технологии в Ирландии начиная с 1987 года. В 20 веке Ирландия оказалась в кризисной ситуации. В результате комплекса социальных и экономических проблем, доставшихся в наследство от колониального прошлого, в стране началась массовая эмиграция (в основном в Соединенные Штаты Америки). Если в начале века население Ирландии составляло около пяти миллионов, то к 80-м годам 20 века оно сократилось до трех.

В начале 80-х годов положение еще более ухудшилось под ударами всемирного энергетического кризиса. Росли национальный долг, безработица, довершала картину инфляция. В этот момент группа социологов, экономистов и общественных деятелей создала Национальный социально-экономический совет, действующий по принципу изобретенных в США «фабрик мысли». Они разработали Программу национального возрождения, которая была опубликована и широко обсуждалась в стране.

В результате было подписано соглашение между Ирландским конгрессом профсоюзов, федерацией работодателей, федерацией строителей и правительством. Были заморожены социальные расходы и порождающий инфляцию «автоматический» рост заработной платы. Были последовательно приняты и выполнялись программы экономического и социального развития PESP (1991–1993 гг.), программа конкурентоспособности и занятости (1994–1996 гг.), программа партнерства (2000 г.).

В результате темпы роста экономики Ирландии оказались самыми высокими в Европе на протяжении 1988-2001 гг. (более 7 % в год), превышая даже рост азиатских стран. За эти успехи Ирландия получила прозвище «кельтский тигр» по аналогии с азиатскими «тиграми». Инфляция сократилась в несколько раз, упала безработица, дефицит бюджета сменился устойчивым профицитом. Более того, впервые с начала века население начало расти, правда, в значительной степени за счет приезжих. Есть и отрицательные стороны данного процесса – резко возросла стоимость жилья, так как квартиры всегда дорожают именно там, где можно хорошо зарабатывать.

В сущности, во всех развитых странах действуют системы социального рыночного хозяйства. В ФРГ вмешательство государства в распределение доходов осуществляется наиболее активно хотя бы потому, что налоги от прибыли предприятий составили в 1991 г. 66 %, то есть существенно больше, чем в США (45 %) и других странах.

В Финляндии методы социального партнерства были использованы в программе EMU Buffers, нацеленной на преодоление негативных эффектов от вхождения страны в ЕС, так как вступление в общий рынок всегда создает проблемы для местной экономики: изменяются цены, условия конкуренции. Благодаря этим мерам последние годы Финляндия занимает первые строки в мировых рейтингах экономического развития [The Finnish Social Partners made history: Agreement on Counter – Cyclical EMU Buffers. <http://www.kaapeli.fi/unions/1997/19971121.html>]. В частности государственная власть, бизнес структуры и представители общественных и профсоюзных организаций договорились о создании Фонда общего страхования по безработице социальных партнеров. Общий фонд страхования на случай безработицы будет нести ответственность за расходы, не покрываемые государством или фондами пособий по безработице профсоюзов. Пособия включают пособие по безработице, программы переподготовки взрослых, добровольные образовательные программы для безработных, компенсацию лицам, находящимся в отпуске, дополнительные трудовые пенсии, а также фонд обучения и выходного пособия. Расходы Единого фонда страхования на случай безработицы финансируются за счет страховых взносов работодателей и работников и возврата инвестиций.

В целом так называемая скандинавская модель социального партнёрства в трудовой сфере характеризуется активным вмешательством государства в регулирование трудовых отношений и имеет ярко выраженные три уровня осуществления социального партнерства: общенациональный, отраслевой, уровень предприятий [7]. Идеальной основой социального партнерства в Швеции является концепция «функциональной социализации», предполагающая максимальную интегрированность в общество каждого его члена [8]. Для Швеции характерны отношение к социальной политике как к цели экономической деятельности государства, доминирование идеи равенства и солидарности в ее осуществлении, активный упреждающий характер и чрезвычайно высокий уровень налогообложения.

На уровне отраслей в Швеции существуют совместные комиссии представителей работодателей и работников, которые учреждаются под контролем властей. На предприятиях вопросы трудовых отношений решаются преимущественно на двусторонней основе. Действуют органы участия работников в управлении производством – «органы сотрудничества», состоящие из равного числа представителей работников и предпринимателей.

Скандинавская модель связана с деятельностью специальных служб, осуществляющих процедуру примирения и трудового арбитража. Эти службы создаются при министерствах труда и занятости.

В Ирландии действует национальная сеть CWS, основанная на принципах социального партнерства, благодаря реализации которого был преодолен спад экономики в 80-х годах 20 века [9].

Австрия достигла значительных успехов в сохранении темпов роста в конце 20 века за счет использования механизмов социального партнерства [10]. Австрийская модель – это пример активного применения политики социального партнёрства при поэтапном переходе к социально ориентированному рыночному хозяйству. Данная система включает как непосредственное сотрудничество крупных социальных групп, созданных по экономическим интересам, так и опосредованное взаимодействие организованных групп, включая и политические партии. В Австрии союзы предпринимателей и профсоюзов существуют в рамках постоянных палат, членство в которых является обязательным. Организация и деятельность независимых союзов гарантируется принципом свободы объединения, который зафиксирован в конституции страны. Предприниматели объединены в девять экономических региональных палат и федеральную палату. Палаты и их секции наделены широким кругом обязанностей, выполняемых самостоятельно, без вмешательства государственных органов. Параллельно с ними существует несколько добровольных организаций предпринимателей. Аналогично палатам предпринимателей с обязательным членством формируются палаты труда. Их цель – представление и обеспечение реализации социальных, экономических интересов наемных работников, а также их права на отдых.

Еще один известный пример социального партнерства – это организация «уполномоченного соучаствующего управления» в городе Порту-Алегри в Бразилии. В городе существовал полный комплекс проблем – бедность, разрушающиеся здания, дороги и коммунальные сети, процветали коррупция и клиентелизм властей. Средства из городского бюджета шли фирмам, по баснословным ценам, строящим и ремонтирующим совсем не то, что нужно было жителям. За это хозяева фирм поддерживали на выборах «дружественных» депутатов.

В 1989 году к власти в городе пришла партия труда. Созданная ею городская администрация разработала политику участия горожан в принятии решений о расходовании средств. Город был разделен на шестнадцать самоуправляющихся районов. Внутри кварталов действовали форумы «соседских» организаций населения, объединявших жителей нескольких соседних кварталов. Однако, как правило, оказывается, что население участвует в этих обсуждениях не очень активно. Сомнительной остается правомочность принятия решений на основе обсуждений, в которых принимала участие

небольшая часть жителей. Идея администрации Порту-Алегри состояла в том, чтобы придать законную силу решениям районных собраний.

Конечно, районные собрания не принимали окончательные планы развития, что требует экономических и инженерных расчетов, но они должны были принять список приоритетных задач, каждая из которых имела свой вес, а городская администрация уже обязана была планировать расходование бюджета в соответствии с этим списком. Именно такая модель, модель «уполномоченного участвующего управления», заставляет людей реально включаться в процесс принятия решений. При этом возникает ряд дополнительных положительных эффектов, среди которых следует назвать, во-первых, чувство сопричастности населения принятым решениям. Трудно оценить, до какой степени это чувство способствует успешной реализации принятых планов. Второй важный эффект – это усиление контроля за выполнением решений, которое происходит благодаря тому, что много людей принимали участие в их разработке и заинтересованы в правильном исполнении.

В центре социального партнерства лежит процесс коммуникации между его участниками. Практика показывает, что, начинаясь с относительно редких (раз в три-пять лет) и коротких переговоров, развитие социального партнерства ведет к возникновению практически постоянно действующего общественного диалога.

Очень большое внимание в зарубежных странах уделяется процессам социального партнерства в социальной сфере. Модернизация институтов социальной сферы и решение основных вопросов и проблем в ней строится путем создания гибких институциональных форм с участием государства, местного самоуправления и общественности, т.е. создание условий для непосредственной деятельности некоммерческих общественных организаций. Сами НКО занимают ключевую позицию при эффективном взаимодействии власти и общества, именно подобные организации продвигают основы гражданского общества, провозглашают гражданские принципы и ценности. Основным источником финансирования социальной сферы при этом остаются государственные бюджетные системы социального страхования. Деятельность НКО за рубежом существенно влияет на предоставление социальных услуг, а так называемое общественно-государственное партнерство рассматривается в качестве основного инструмента повышения качества этих услуг.

Проведенное университетом Дж. Хопкинса (Соединенные Штаты Америки) исследование показало, что в 38 странах доля государственного финансирования в общем объеме доходов общественных организаций

составляет в среднем 36 %. В странах Западной Европы, в Канаде и Израиле эта доля превышает половину всех доходов НКО (54 %), в странах Восточной Европы, Скандинавии и англосаксонских – 42, 35 и 36 % соответственно, в странах Латинской Америки – 19 % [11].

Преимущественно в США и странах Европейского Союза используются такие механизмы государственного финансирования НКО как гранты, контракты, государственные кредиты, ваучеры, операционные субсидии, налоговые льготы. При этом отмечается, что тем самым государство влияет на деятельность общественных организаций. Зарубежными экспертами предлагается создание совещательных или наблюдательных органов, осуществляющих контроль за распределением субсидий, либо принятие решений о государственных субсидиях НКО должны приниматься специальными независимыми органами.

Анализ практики налоговых инструментов привлечения бизнеса и общественных организаций к решению социально значимых задач за рубежом показал, что эффективность использования инструментов налоговой политики зависит и от развитости юридической базы и культуры в стране, и от экономического развития, мер государственной поддержки, в том числе степени их применения для некоммерческого сектора, и от исторического опыта развития государства.

В Соединенных Штатах Америки общественные организации наделяются статусом благотворительной организации и попадают под государственную поддержку (например, льготное налогообложение) подобных организаций в случае, если выполняют социально значимые функции в области образования, науки, религии, борьбы с бедностью и т.п. При этом подобные благотворительные организации могут иметь статус публичной организации или частного фонда, деятельность которого наиболее широко регулируется со стороны государства. В США физические лица, осуществляющие пожертвования на социальные нужды также попадают под льготное налогообложение. Льготы распространяются на подоходный налог в размерах до 50 %, если пожертвование было осуществлено в пользу образовательных организаций, церкви, медицинских учреждений и до 30 %, если в пользу других организаций, в отношении которых установлено льготное налогообложение.

Аналогичная практика налоговых льгот сложилась и в Канаде, где общественные организации, обладающим статусом благотворительных организаций, запрещено принимать любое участие в политической деятельности. Но следует учесть тот факт, что в Канаде налоговое законодательство разводит понятия «некоммерческая организация» и

«зарегистрированные благотворительные организации», чего нет в практике стран бывшего Советского Союза. Интересной практикой социального партнерства в сфере поддержки высшего образования в Канаде является льготное налогообложение спонсоров, организаций, занимающихся пожертвованием средств на нужды университетов, входящих в перечень, утвержденный правительством. Для физических лиц, осуществляющих такого рода пожертвование предоставляется налоговый кредит до 75 % налогооблагаемой базы в год, главной целью которого является предоставить отсрочку от уплаты налога, а налоговая база по подоходному налогу остается установленной в соответствии с законодательством. Физические лица имеют право переноса неиспользованных налоговых кредитов сроком на 5 лет.

В европейских странах, особенно в Западной Европе налоговое законодательство применяется в отношении тех общественных организациях, которые относятся к категории «работающих в общественных интересах». Во Франции от подоходного налога освобождаются некоммерческие организации, которые осуществляют свою деятельность для обеспечения социально значимых целей, но только при условии отсутствия конкурентной борьбы с коммерческим сектором экономики [12]. В Германии, могут рассчитывать на льготное налогообложение только благотворители, которые имеют письменное подтверждение (сертификат о налоговом вычете) на льготу, выданное организацией-получателем, а для пожертвований, сумма которых не превышает 200 евро предусматривается упрощенная процедура получения налогового вычета – банковская квитанция.

Большее значение на Западе придается развитию социального партнерства в сфере образования, в том числе профессионального, поддержки профессиональной ориентации молодежи.

Преимущественно используются такие формы социального партнерства как создание консультативных советов и заключение коллективных договоров. Государство, привлекая работодателей к проблеме образования, в том числе профессионального, решает множество вопросов: обеспечение занятости молодежи, сбалансированность рынка труда, заполнение свободных ниш в ряде невостребованных профессий и многие другие. К механизмам, используемым государством для привлечения работодателей в социальному партнерству за рубежом можно отнести следующее:

- государственные субсидии;
- выдача ссуд на переобучение и переподготовку;
- обеспечение учебных фондов и создание учебных мест для обучения на рабочем месте;

- государственные дотации;
- налоговые льготы.

В Великобритании с 1980-х годов проводится политика, направленная на создание и усиление связей между сектором экономики, непосредственными производителями и образованием. Проведена реформа законодательства в части создания профессиональных стандартов, развитии системы национальных квалификаций. С целью повышения престижа рабочих профессий в Великобритании стали использовать новую форму социального партнерства: школы – колледжи – университеты – государство – работодатели. Партнерство (Vocational Partnerships) – это важнейший механизм контактной работы тех участников, которые заинтересованы в профессиональной подготовке работников и развитии профессиональных компетенций и умений. В современной Великобритании выстроена четкая система взаимодействия всех участников социального диалога. Правительство совместно с Департаментом образования и занятости разрабатывают образовательную политику. Так называемые секторы Советов формируют профессиональные стандарты, проводят их анализ. Независимые квалификационные органы выдают квалификационные свидетельства. Инспекционные органы осуществляют контроль и надзор с целью повышения качества и эффективности обучения. Существуют также органы, регулирующие систему аккредитации, организации, осуществляющие подготовку и распространение учебных и методических материалов, технологий менеджмента образовательного учреждения. В рамках социального партнерства по вопросам профессиональной ориентационной работы в Великобритании организованы курсы «базовой подготовки», которые позволяют получить квалификацию в рамках высшего образования за два года и приравниваются к 2–3 годам бакалавриата, а полноценный диплом обучающийся может получить, отучившись еще один год.

Во Франции социальное партнерство в сфере образования реализуется путем заключения контракта между работодателем и обучающимся. Основной акцент делается на практические занятия: одна неделя в аудитории сопровождается двумя неделями практики. Работодатели в обязательном порядке должны направлять вновь прибывшую молодежь в возрасте от 16 до 26 лет в Центр ученичества, который и обеспечивает соответствующую подготовку в рамках заключаемого контракта.

В Голландии правительство отвечает за организацию среднего профессионального образования и обучения и его финансирование, за исключением обучения, предоставляемого компаниями («обучение на рабочем месте»). Однако закон также предусматривает создание таких

социальных структур, как национальные организации профессионального образования и обучения и региональные центры по профессиональному образованию и обучению, которые наделяются правом организации и осуществления профессионального образования и обучения. То есть, государство делегирует полномочия в этой области независимым структурам. Поэтому в Нидерландах созданы 22 «национальные организации» (National Bodies) профессионального образования и обучения, которые представляют интересы государства, работников и работодателей и осуществляют взаимодействие между рынком труда и профессиональным образованием и обучением. Юридически эти организации имеют статус частных структур и действуют в рамках частного права (как фонды или ассоциации), выполняя по поручению государства задачи, определенные законодательством. При этом, наряду с государственными задачами, они имеют право осуществлять коммерческую деятельность (например, обучение занятого населения по контрактам с компаниями или региональными службами занятости). Кроме того они могут разрабатывать учебные материалы и заниматься издательской деятельностью. Эти организации формируются из представителей промышленности и бизнеса, Конфедерации профсоюзов Нидерландов и системы образования. «Национальные организации» обеспечивают качество квалификационной структуры, осуществляя постоянное взаимодействие и консультирование компаний, непосредственно предоставляющих обучение; специалистов из сферы промышленности и торговли и инновационных центров по отраслям. Социальные партнеры осуществляют поиск компаний, которые могут предоставить «ученические места» и соответствующие условия для производственной практики. Компании заинтересованы в предоставлении ученических мест по двум причинам: во-первых, они могут выбрать нужных для себя специалистов из «учеников», а во-вторых, «ученики», проходя производственное обучение, работают на компанию. «Ученические» места оплачиваются работодателями. Между работодателем и студентом заключается контракт, по которому студент становится сотрудником компании на период обучения и получает минимальную зарплату. Помимо этого работодатели также оплачивают инструкторов производственного обучения и стоимость учебных материалов, за это они получают определенные налоговые льготы. Предоставляя «ученические» места, компании несут достаточно большие расходы, которые зачастую являются непосильными для отдельно взятой компании. Поэтому нередко предприятия в рамках отрасли объединяются и заключают соглашение по совместному предоставлению «ученических» мест. В отдельных случаях они также могут организовывать центры производственного обучения.

В Германии социальное партнерство является одним из важнейших элементов дуальной системы профессионального образования. В стране за развитие профессионального обучения отвечает целый ряд институтов: корпоративные государственные структуры, занимающиеся обучением на предприятиях, земельные комитеты по профессиональному обучению, земельные министерства труда, финансов и культуры, федеральный институт профессионального обучения, федеральная служба по вопросам труда. При этом основная ответственность за образовательную политику лежит на землях. Социальные партнеры активно участвуют в разработке квалификаций дуального образования. Значительная часть средств работодателей расходуется на выплаты пособий обучающимся, содержание помещений, зарплаты педагогов и инструкторов.

ВЫВОДЫ

Многообразный опыт развития социального партнерства в зарубежных странах подтверждает эффективность данного социального института. Социальное партнерство играет роль эффективного фактора социальной стабилизации и устойчивости общества. Мировой опыт социального партнерства может быть пригоден для решения актуальных проблем и во многих сферах современного Казахстана.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- 1 **Семенов, Ю.** Западная Европа : развитие капитализма вглубь (XVI-XIX вв.) // [Электронный ресурс]. – <http://scepsis.ru/library/id1946.html>
- 2 **Зудин, А. Ю.** Ассоциации в системе отношений бизнеса и государства. «Классические» и современные формы в странах Запада // Прогнозис, 2009. – С. 241–287.
- 3 **Зудин, А. Ю.** Ассоциации в системе отношений бизнеса и государства. «Классические» и современные формы в странах Запада // Прогнозис, 2009. – С. 189–197.
- 4 **Королев, Е. А.** Взаимодействие бизнеса и власти на примере политических институтов Европейского Союза: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук. – М., 2009. – С. 28.
- 5 **Нетеребский, О. В.** Становление и развитие системы социального партнерства. Региональный аспект. – М., 2003. – С. 58.
- 6 **Михеев, В. А.** Основы социального партнёрства : теория и политика. – М., 2008. – С. 36.

7 The Finnish Social Partners made history: Agreement on Counter-Cyclical EMU Buffers. [Электронный ресурс]. – <http://www.kaapeli.fi/unions/1997/19971121.html>

8 **Лушникова, М. В.** Государство, работодатели и работники : история, теория и практика правового механизма социального партнерства (сравнительно-правовое исследование). – Ярославль, 1997. – С. 50.

9 **Антюшина, Н.** Шведская модель социального партнерства в европейском контексте // Человек и труд – 2003. – № 7. – С. 17.

10 Community Workers Co-operative (CWC). [Электронный ресурс]. – <http://www.cwc.ie/index.html>

11 **Pichelmann, K. Hofer. H.** Austria : Long-term success through social partnership // Employment And Training Papers. – № 52.

12 **Sanders, J., O'Brian, M., Tennant M., Sokolowski, S. W., Salamon L. M.** The New Zealand nonprofit sector in comparative perspective. [Текст] // Wellington (New Zealand) : J. Hopkins Center for Civil society studies, office for the community and voluntary sector, committee for the study of the New Zealand nonprofit sector. – 2008. – 19; P. 41–42.

Материал поступил в редакцию 30.11.18.

И. А. Калиев¹, Б. С. Зада²

Қоғамдық ұйымдастыру және бизнестегі жергілікті өзін өзі басқару әлеуметтік серіктестігінің шетел тәжірибесі

^{1,2}С. Торайғыров атындағы Павлодар мемлекеттік университеті,
Павлодар қ., 140008, Қазақстан Республикасы.

Материал баспаға 30.11.18 түсті.

I. A. Kaliyev¹, B. S. Zada²

Foreign experience of social partnership of local government, public organizations and business

^{1,2}S. Toraighyrov Pavlodar State University,
Pavlodar, 140008, Republic of Kazakhstan

Material received on 30.11.18.

Әртүрлі елдердегі әлеуметтік әріптестік модельдері әлеуметтік және еңбек қатынастарын реттеудің ұйымдастырушылық механизмі, нормалары мен ережелері, процедураны орталықтандыру дәрежесі және мемлекеттің әлеуметтік диалогқа қатысуы болып табылады. Әлеуметтік әріптестікті дамытудағы шетелдік

тәжірибені талдайтын болсақ, батыстық демократия әлеуметтік және еңбек салаларында осы қатынастарды қызметкерлер, жұмыс берушілер мен мемлекет арасындағы өзара әрекеттестіктің негізгі нысаны ретінде анықтады. Индустриалды елдерде әлеуметтік әріптестік тетігінің тиімділігі әлеуметтік-экономикалық саясатты жүзеге асыру және оның салдарлары үшін әріптестердің жауапкершіліктері мен құқықтарының тиісті бөлінуіне негізделді.

Осы мақалада автор шетелдік серіктестіктерде дамыған әлеуметтік серіктестіктің негізгі модельдерін қарап шығып, оларға толық сипаттама берді. Сондай-ақ, мақалада әлеуметтік, әлеуметтік, білім беру және қоғамның өзге де салалары сияқты әртүрлі салалар қарастырылған.

Social partnership models in different countries vary in the organizational mechanism, norms and rules for regulating social and labor relations, the degree of centralization of the procedure, and the state's participation in social dialogue. An analysis of foreign experience in the development of social partnership shows that Western democracy has defined this kind of relationship in the social and labor sphere as the main form of interaction between workers, employers and the state. The effectiveness of the social partnership mechanism in industrialized countries is based on the appropriate distribution of responsibilities and rights of the parties to the partnership for the implementation of socio-economic policy and its consequences.

In this paper, the author reviewed the main models of social partnership that have developed in foreign countries, and gave them a detailed description. Also in the article, there were considered various areas, where the processes of social partnership, such as labor, social, educational and other spheres of society, are taking place.

ГРНТИ 11.15.45

Р. М. Мақсат

магистрант, Факультет государственного управления, бизнеса и права, Павлодарский государственный университет имени С. Торайгырова, г. Павлодар, 140008, Республика Казахстан
e-mail: rusnur001@gmail.com

РОЛЬ ИНСТИТУТА ПРЕЗИДЕНТСТВА В СТАНОВЛЕНИИ ПАРЛАМЕНТАРИЗМА НЕЗАВИСИМОГО КАЗАХСТАНА

В статье рассматриваются вопросы становления парламентаризма в Казахстане. Автором статьи проведен исторический экскурс от советской модели Верховного Совета до современного двухпалатного профессионального Парламента РК. Отмечаются основные факторы Президентских реформ в области Парламентаризма, их значимость в дальнейшем поступательном социально-экономическом развитии Республики. Также рассматриваются аспекты формирования основ профессионального Парламента. Уделяется внимание роли института Президентства в выстраивании системы законодательной власти, ориентированной на политическую стабильность и устойчивое развитие.

Ключевые слова: Президент, Елбасы, Верховный Совет, законодательная власть, самороспуск, Парламент, выборы, электоральная система, Конституция.

ВВЕДЕНИЕ

В 1991 году с обретением Независимости РК и проведением первых выборов Президента РК Казахстан вступил в новую эру развития, которая ознаменовала венец чаяний казахского народа на протяжении последних столетий.

Первым Президентом РК стал Нурсултан Абишевич Назарбаев, блестяще себя проявивший в качестве Председателя Совета Министров Казахской ССР и Первого Секретаря ЦК Компартии Казахской ССР. Благодаря его деятельности и объективному взгляду на вещи были решены многие вопросы в области экономического хозяйства, которые замалчивались или вовсе игнорировались в эпоху «Застоя» [1].

Начиная с 1991 года предстояло решить вопрос о функционировании власти, решительно отходя от старых догматов советского времени и

переходя к новым демократическим институтам. Мир стремительно двинулся в новый век – век информационный, где компьютеры и Интернет стали движущими вехами. К моменту распада СССР, в стране остро стояли вопросы не информатизации и перехода к новым технологиям, а элементарного удовлетворения базовых потребностей широких слоев населения.

Вопросы парламентаризма и функционирования Парламента Республики Казахстан рассматривались в трудах Е. Б. Абдрасулова, А. А. Арабаева, С. З. Зиманова, В. А. Ким, Г. В. Ким, Р. М. Романова, Г. С. Сапаргалиева, А. Тагаева, С. Ф. Ударцева, В. Е. Усанова и др. В исследованиях указанных авторов вопросы парламентаризма рассматриваются через призму отдельных проблем в связи с историей государства и права, конституционного, парламентского права.

Более комплексное исследование было проведено такими отечественными учеными, как Е. Б. Абдрасулов, Ж. К. Асанов, В. А. Доскалов, Н. Н. Турецкий, Г. С. Сапаргалиев. В своих работах эти ученые обосновали концепцию парламентского права Республики Казахстан, рассмотрели конституционно-правовой статус представительных органов, выявили принципы формирования и деятельности Парламента РК

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

С такой непростой ситуации начал свою деятельность Первый Президент РК – Н. А. Назарбаев. До принятия первой Конституции 1993 года власть функционировала по принятой в 1978 году Конституции Казахской ССР. Высшей властью в Республике обладал Верховный Совет Казахской ССР [2].

В марте 1990 года состоялись выборы в Верховный Совет Казахской ССР двенадцатого созыва. Это были первые наиболее демократичные выборы в высший законодательный орган республики в условиях еще достаточного влияния административно-командной системы. В предвыборной борьбе за 360 депутатских мандатов участвовали более двух тысяч претендентов. Особенностью данных выборов было и то, что 90 человек избирались от республиканских общественных организаций. И хотя эти выборы проходили при отсутствии полноценных политических партий, они придали необратимость процессам трансформации тоталитарной системы.

Верховный Совет двенадцатого созыва сыграл особо значимую роль в процессе формирования института парламентаризма в Казахстане. Это нашло отражение в принятии ряда важнейших правовых актов, законодательном обеспечении политики государства в 90-х годах [3].

24 апреля 1990 года Законом Казахской ССР «Об учреждении поста Президента Казахской ССР и внесении изменений и дополнений

в Конституцию (Основной Закон) Казахской ССР» был утвержден пост Президента Казахской ССР, и первым Президентом страны был избран Нурсултан Абишевич Назарбаев.

Первой самой необходимой и насущной задачей Верховного Совета двенадцатого созыва стало принятие новой Конституции РК, основанной на демократических принципах и началах.

28 января 1993 года, после двухлетних поисков компромиссов, Верховный Совет двенадцатого созыва принял первую современную Конституцию Казахстана, установившей суверенитет республики де-юре и продолжившую становление подлинного конституционализма [4].

Таким образом, в Казахстане начался процесс перехода на совершенно новый этап обеспечения национальной независимости, подлинных гарантий гражданских прав и свобод, становления демократического общества и принципов правового государства.

Первая Конституция Казахстана открыла простор для положительной динамики развития казахстанского общества, отойдя от принципов однопартийной политической системы, системы социалистической экономики, идеологии тотального насилия.

На этапе переходного периода к социально ориентированной рыночной экономике Основной Закон легитимировал Республику как новое независимое государство в мировом сообществе. Конституция 1993 года декларировала, что Казахстан позиционирует себя как составную часть современной цивилизации, имеет намерения добрососедства, многополюсного и взаимовыгодного сотрудничества, привержен общечеловеческим ценностям [5].

Однако, со временем принятия и развития демократических институтов, стала остро ощущаться потребность в современном профессиональном Парламенте.

В 1993 году начался кризис законодательной власти в Казахстане. Избранные еще в советский период местные Советы оказались не в состоянии принимать новые реформы и двигаться в сторону демократического развития. Осенью 1993 года Алатауский Совет народных депутатов принял решение о самороспуске. Менее чем за полтора месяца более четверти Советов в Казахстане объявили о самороспуске. В декабре 1993 года на Сессии Верховного Совета Председатель Президиума Верховного Совета С. Абдильдин объявил о Самороспуске Верховного Совета и временной передаче высшей власти до новых выборов Президенту РК.

В марте 1994 года был избран парламент, «в котором сформировалась парламентская оппозиция. Её ядро составили большинство депутатов от фракций Социалистической партии, Федерации профсоюзов, Народного

конгресса Казахстана, создавшие в парламенте группу «Прогресс». Главным требованием оппозиции стал отказ от рекомендаций Международного валютного фонда.

Однако во время проведения выборов в Парламент согласно иска кандидата в депутаты Т. Г. Квятковской Конституционный Суд РК признал выборы нелегитимными. На основании постановления Конституционного Суда Президент РК распустил Парламент. Вслед за этим последовала отставка Правительства и Центральной Избирательной комиссии РК [6].

После политического кризиса в Парламенте в 1995 году прошел референдум о продлении полномочий Президента РК до 2000 года. Вслед за эти состоялись выборы в новый профессиональный Парламент 1-го созыва.

Впервые был сформирован двухпалатный Парламент РК, состоящий из Сената и Мажилиса РК. Выборы в Сенат и Мажилис Парламента первого созыва состоялись в декабре 1995 года.

В Сенат было избрано 40 депутатов – по два человека от 19 областей и столицы Республики Казахстан. Семь депутатов Сената назначены Президентом Республики Казахстан.

30 января 1996 года на первом заседании Сената Парламента Республики Казахстан первого созыва по представлению Президента Республики Казахстан Председателем Сената был избран Байгельди Омирбек [7].

Выборы в Мажилис Парламента Республики Казахстан состоялись 9 декабря 1995 года. Избрано 67 депутатов.

ВЫВОДЫ

Таким образом, за первые годы независимости был сформирован профессиональный Парламент РК, формировавшийся на основе принципов многопартийности, демократии, гласности.

Современный Парламент Республики Казахстан прошел немалый путь, начиная от Верховного Совета КазССР и Конституции КазССР 1978 года до нынешнего двухпалатного Парламента и Конституции Казахстана от 30 августа 1995 года.

В 1991 году была запущена трансформация политической системы Казахстана, от тоталитарной командно-административной системы к демократическим и рыночным отношениям. Парламентский кризис 1994–1995 гг. наглядно показал зыбкость и неспособность парламентариев консолидировать вокруг себя народ.

В 1994–1995 гг. Президент РК берет ситуацию под свой контроль, тем самым сформировав четкий стержень политического развития Республики на годы вперед.

В 1995 году был сформирован двухпалатный Парламент РК, состоящий из двух палат: Сената и Мажилиса, действующий на основании Конституции от 30 августа 1995 года.

Значимую роль в совершенствовании института Парламентаризма сыграл институт Президентства, прогрессивная политика которого позволила проводить успешные рыночные реформы, приведшие к ускоренному экономическому росту Республики Казахстан.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1 **Турецкий, Н. Н.** Особенности казахстанской модели парламентаризма. // Журнал «Конституционное и муниципальное право». – 2012. – № 9. – С. 63–67.

2 **Умурзаков, С. Е., Ярочкина, Е. В.** Парламентаризм как важнейший элемент демократического общества Республики Казахстан. // Вестник КГПИ 2016. – № 2. – С. 184–186.

3 **Амиров, И.** Институт парламентаризма Республики Казахстан, // Научно-аналитический журнал «Государственное управление и государственная служба». – 2009. – №3. – С. 17–20.

4 **Дьяченко, С.** Казахстан : развитие парламентаризма как ключевого института в процессе демократизации страны // Журнал «Центральная Азия и Кавказ». – 2006. – № 6. – С. 155–160.

5 Законотворческий процесс в Республике Казахстан : состояние и проблемы. Международная научно-практическая конференция. – Алматы, 27-28 марта, 1997.

6 Парламентаризм в независимом Казахстане : состояние и проблемы. Международная научно-практическая конференция. – Астана, 30 ноября 2002.

7 **Калиев, Н. К.** Казахстанский парламентаризм: основные принципы деятельности // Журнал «Молодой ученый». – 2015. – № 6.1. – С. 7–9.

Материал поступил в редакцию 30.11.18.

Р. М. Мақсат

Тәуелсіз Қазақстанның парламентаризмнің қалыптасуындағы президент институтының рөлі

С. Торайғыров атындағы Павлодар мемлекеттік университеті,
Павлодар қ., 140008, Қазақстан Республикасы.

Материал баспаға 30.11.18 түсті.

R. M. Maksat

Role of the institute of presidency in formation of parliamentarism of independent Kazakhstan

S. Toraihyrov Pavlodar State University,
Pavlodar, 140008, Republic of Kazakhstan

Material received on 30.11.18.

Мақалада Қазақстандағы парламентаризм қалыптасуының мәселелері қарастырылған. Автор Жоғарғы Кеңес деп аталған совет моделінен бастап қазіргі кәсіби Қазақстан Республикасының Парламентіне дейін тарихи экскурс ұйымдастырған. Парламентаризм саласындағы Президент реформаларының негізгі факторлары және Республиканың кейінгі алға бағытталған қоғамдық және экономикалық дамуындағы маңыздылығы анықталған. Парламента Сонымен қатар кәсіби Парламенттің негізін қалаушы себептері қарастырылған. Саяси тұрақтылық пен тұрақты дамуға бағытталған заң шығарушы билік жүйесінің қалыптасуындағы президент институтының рөліне мән беріледі.

In the article the questions of formation of parliamentarism in Kazakhstan are considered. The author of the article carried out historical digression from the Soviet model of the Supreme Council to modern two-chamber professional Parliament of RK. Major factors of Presidential reforms in the field of Parliamentarism, their importance in further forward social and economic development of the Republic are noted. Also, the aspects of formation of bases of professional Parliament are considered. Attention is paid to a role of the institute of Presidency in forming of the legislature system focused on political stability and sustainable development.

ГРНТИ 11.25

Р. М. Мақсам

магистрант, Факультет государственного управления, бизнеса и права, Павлодарский государственный университет имени С. Торайгырова, г. Павлодар, Павлодарская область, 140008, Республика Казахстан
e-mail: rusnur001@gmail.com

**ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА
ПАРЛАМЕНТАРИЗМА В АНГЛИИ НА РУБЕЖЕ XIII–XV ВВ.**

В статье проанализированы основные предпосылки и причины возникновения института парламентаризма в Англии. Рассмотрены вопросы выстраивания отношений между королем и Парламентом, которые на протяжении всего времени претерпевали значительные изменения. Где-то королевская власть шла на уступки Парламенту, где-то парламентариям приходилось в условиях жесткой борьбы отвоевывать себе права. Автор статьи проанализировал первые компетенции Парламента Англии, возникшие на рубеже XIV–XV вв. Осуществлен хронологический экскурс от становления первого Парламента до начала XVI столетия – эры абсолютизма в Англии.

Ключевые слова: Парламент, король, граф Симон де Монфор, палата лордов, палата общин, канцлер, спикер, налоги, выборы, компетенция, статут.

ВВЕДЕНИЕ

Парламент – общенациональное представительное учреждение государства, осуществляющее законодательные функции; высший выборный законодательный орган. В разных странах этот орган носит разное имя, имея при этом одну и ту же суть. В Великобритании он называется Парламент, в США – Конгресс, в Норвегии – Стортинг, в арабских странах – Меджлис и т.д.

Общепризнано, что новая политическая эпоха парламентаризма началась с английского парламента, ставшего её символом. Между тем, он отнюдь не был первым представительным органом в западных государствах.

О народных собраниях, ограничивающих власть конунгов у древних германцев, писал ещё римский историк Тацит. В самом Риме интересы простого народа перед аристократическим сенатом представляли трибунные комиции – разновидность народного собрания.

Древние корни имеют тинги – собрания свободных скандинавских землевладельцев. Работой тингов руководили правители – конунги, но итоговое решение принимали все участники собрания. В 930 году представители со всей Исландии впервые собрались на альтинг (всеобщее собрание), который можно назвать первым парламентом Европы. Сословно-региональные представительства с 1137 года существовали и в Испании и назывались кортесами.

Начиная с XIII века в Англии появляются исторические предпосылки для появления первого в Европе представительного органа, выражающего интересы значительной массы населения.

Существенное значение для раскрытия затрагиваемых в статье вопросов имеют также работы, посвященные адаптации традиционных институтов парламентаризма к меняющимся условиям государственной жизни. Речь идет об исследованиях В. Богданора, Р. Брэзиера, О. Дауна, К. Турпина, Х. Барнетта, Э. Уэйда и Дж. Филлипса.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Стремление английской знати поставить только под свой контроль королевскую власть вызвало оппозицию среди более широких кругов рыцарства и горожан. Политическим и военным лидером оппозиции выступил выходец из французской знати граф Симон де Монфор. Он стал инициатором организации более широкого представительства для формирования новой политической структуры. После захвата оппозицией значительной территории и поддержки ее Лондоном в июне 1264 г., де Монфором был созван парламент в г. Лондоне, куда, помимо прелатов и знати, были приглашены по 4 представителя от графств. Это представительство приняло особый акт – «Форму управления», составленную де Монфором, где по-новому решались вопросы власти короля и представительства. (Эпизодически рыцарей на государственные собрания призывали и ранее, на протяжении первой половины XIII в.) В новый созванный де Монфором парламент – в январе 1265 г. – были приглашены не только рыцари от графств, но и представители поддержавших оппозицию городов. Это стало рождением нового учреждения, где были представлены основные сословия Англии [1].

Окончательное утверждение парламента в государственно-политической жизни Англии заняло длительное время: 35–40 лет. Только в 1290-е гг. он оформился как постоянно действующее учреждение. Тогда же за представительством закрепляется и название *parliamentum*. В правление короля Эдуарда I (1272–1307) сложились и основные принципы организации представительства.

Некоторое время деятельность общенационального (конечно, в рамках реалий сословной монархии) представительства не разделялась от традиционного для короны собрания знати. Из 55 собранных при Эдуарде I парламентских представительств 21 было с участием общин, 21 – чистыми собраниями знати, остальные – или заседаниями королевского совета, или случайными по составу, в основном судебными заседаниями. В обстоятельствах очередного кризиса корона, созывая парламент 1295 г., была вынуждена признать государственную обязательность для себя общинного представительства: «Касающееся всех всеми должно быть и одобрено». Спустя год, по требованию нового парламента король подтвердил новую редакцию Великой хартии. Так было положено начало влиянию представительства на законодательство.

На протяжении нескольких десятилетий парламент продолжал играть еще двойную роль: и сословного совещательного органа, и высшего суда. Это было взаимосвязано и с тем, что парламент состоял и из высшей знати, пэров, и из представителей общин. Разделение произошло в 1341–1343 гг.: с этого времени бароны и представители графств и городов стали заседать отдельно и по-разному участвовать в общей парламентарной деятельности [2]. Это стало началом разделения на палату лордов и палату общин.

Разделение на две палаты повлекло дополнительную самоорганизацию парламента. Ранее совместным представительством руководил канцлер, который выступал от имени парламента перед королем, делал заявления и т. п. Теперь канцлер стал руководителем только палаты лордов. С 1376 – 1377 гг. в палате общин появляется своя должность руководителя – «говорильщика» от ее имени перед короной (speaker – спикер). Его определяла сама палата.

С конца XIV в. в английской политической литературе начали упоминать и парламент. В распространенной поэме «О правлении государей» литератора Томаса Хоклива о парламенте говорилось как о весьма значимом учреждении; хотя тогда же как одна из примет упадка времен упоминался «многозаконный парламент». В продолжение XIV в. парламент стал уже неотъемлемой частью системы власти.

Жестких правовых принципов организации сословного представительства до XVII в. не существовало, и они только вырабатывались. Созыв парламента и его организация были в большей степени делом усмотрения короля и политических традиций. Эти традиции были взаимосвязаны с политической ролью сложившихся в Англии сословий.

Для того чтобы парламент считался полным т.е. представлявшим интересы всей нации, в его работе должны были принять участие: (1) великие

бароны и высшие официалы короля, (2) высшее духовенство, (3) выборные представители от графств, городов и от низшего духовенства, наделенные соответствующими полномочиями говорить от имени своих избирателей. Первые две условные курии объединялись тем, что баронов и прелатов лично и поименно приглашал король, и это было едва ли не важнейшей их политической привилегией. Они составляли Большой королевский совет, бывший до XIII в. предшественником парламента, а с организацией парламента – верхнюю его часть, палату лордов.

Количество лично приглашенных, т. е. лордов, в продолжение XIII–XIV вв. значительно колебалось: от 54 до 206 чел. Нередко в их состав включались и рыцари, считавшиеся личными вассалами короны. Титулованная знать (эрлы, герцоги, графы) присутствовала постоянно и практически в полном составе. Великие бароны – в самом разном числе: от 14 до 100, и только 1/3 из них присутствовали более или менее регулярно; остальные призывались по 1–2 раза [3].

Правом заседать в верхней палате обладали пэры королевства (титулованная знать, владевшая поместьями соответствующего статуса). До XVI в. наследственность этого звания окончательно не была установлена и в большей степени зависела от факта королевского приглашения. К светским членам палаты лордов причислялись также гроссмейстеры духовно-рыцарских орденов (до их упразднения в эпоху Реформации) и, что более важно, судьи и члены королевского совета (канцлер, юстициарий и др.). Духовенство в составе верхней палаты было представлено, во-первых, безусловно всеми архиепископами и епископами Англии, традиционными членами королевских советов (их было 20), во-вторых, аббатами и приорами монастырей (в XIV в. их приглашают до 80, затем «нормальное» количество не превышает 27). В-третьих, низшее духовенство избирало по епископиям (церковным округам) своих представителей, прокторов. Они заседали то в общем составе парламента, то в составе одной из палат, пока, наконец, в XVI в. о них не «позабыли» вовсе. А вопрос о новом приглашении вызвал общую оппозицию общин.

Другой важнейшей частью состава парламента были представители свободных землевладельцев – рыцари, выбираемые от графств. Число их было неизменным – 74 (по двое от 37 имевшихся графств). Первоначально активное избирательное право (право выбирать) было предоставлено, по традиции, всем держателям свободных земель, не обращая внимания на их дворянство или недворянство. В XIII в. пассивное избирательное право (право быть избранным) было более жестко ограничено: требовалось рыцарское звание и обладание «надлежащими нравственными достоинствами» [4].

На деле, однако, впервые парламенты как представители от графств попадали просто свободные землевладельцы (сквайры) и даже крестьяне-йомены. Из регулирования порядка присылки рыцарских депутатов в парламент и стало формироваться собственно законодательное избирательное право.

Первые ограничения были связаны с пресечением деятельности на низовых избирательных собраниях в графствах т.н. ливрейных свит. (Знатные владельцы земель пользовались правом предоставлять покровительство и брать на службу лиц низших сословий, знаком чего были особые ливреи; такие свиты, сопровождавшие господина, естественно, предрешали исход выборов в графствах и общинах, поскольку голосование проходило открыто.) Законом 1390 г. было запрещено принимать в свиту недворян и вообще иметь свиту дворянам без особых титулов. Затем целой серией парламентских статутов была поставлена под контроль деятельность шерифов по проведению выборных собраний; недовольные даже получили право на особый иск к шерифам. Статутом 1407 г. впервые был определен контингент избирателей: в общинах и графствах следовало предварительно составлять список допущенных к выборам, и его можно было обжаловать. Это было особо направлено против переезжающих с места на место ливрейных свит. Наконец, законом 1429 г. было введено правило для допуска к выборам: жить по месту проведения собрания. Устанавливался также единый сословно-имущественный ценз: для включения в список избирателей надо было обладать свободным земельным владением (freehold), дающим доход в 20 шиллингов, или иным доходом в 40 шиллингов (что было тогда значительной суммой). За злоупотребления списком избирателей шерифов ждало уже тюремное заключение. Законом 1445 г. были введены дополнительные сословные ограничения: избирателями могли быть только лица дворянского сословия. Списки должны были контролироваться судьями, за самозванство стали преследовать. Эти законы стали общей основой для выборов в парламент на протяжении последующих столетий.

Еще одну часть членов парламента составляли представители городов. Далеко не все города обладали правом посылать своих депутатов. В XIII в. из 174 городов регулярно посылали представителей только 58. Это право городам предоставлялось короной вместе с особым правом торговых дел и местной общины. Номинально в городские избиратели причислялись «мэр, старшины и вся община».

На деле в этой роли выступал городской нобилитет. Представителями городов нередко избирались не горожане, а рыцари, другие собственники, жившие в графствах. Общее количество горожан среди представителей не превосходило 50 %. В конце XV в. в парламенте был представлен 101 город.

Позднее новые города, в основном малозначительные, получили особые хартии с правами посылать депутатов; выбирали от города по 1–3 депутата.

Всего к XVI в. в парламенте насчитывалось до 97 чел. в палате лордов (это число было непостоянным) и 300 мест в палате общин (226 от городов и 74 от графств). В начале XVII в. численность палаты общин была значительно увеличена короной – до 467 депутатов. В XV в. заметную долю среди депутатов стали занимать профессиональные правоведы, им поручали составлять статуты, вести дела парламента. Депутаты палаты общин получали за свое представительство жалованье от графств и городов (по 4 и по 2 шиллинга в день). Сессии парламента продолжались несколько недель. Одна из самых продолжительных, сессия 1406 г. длилась 159 дней [5].

Полномочия депутатов от общин были рассчитаны на один созыв. При объявлении королем нового парламента выборы проходили заново.

Основным источником определения полномочий парламента стала историческая компетенция собрания магнатов. За собранием знати (или Королевским советом) признавались права на высший суд, в особенности против должностных лиц или представителей знати, на утверждение налогов, на подачу королю советов по государственным делам, на мнение по поводу законов, предложенных королем. Эти полномочия и были возложены на первые парламента в XIII в.

Ранее других за парламентом закрепились финансовые полномочия. Первые парламента XIII в., как правило, собирались именно по поводу разрешения короне на те или другие новые субсидии или сборы: с недвижимого или движимого имущества, пошлины с торговых операций и т.д. В кризисные времена тем не менее эта роль парламента становилась весомым орудием в сословной борьбе. Официально право парламента давать согласие на новые налоги было закреплено в начале XIV в. при короле Эдуарде I: «Король не будет налагать подати без согласия духовенства, дворянства и общин». После обособления верхней палаты финансовые дела все более стали переходить в руки палаты общин.

В XIV в. за парламентом были признаны законосовещательные права. Участие парламента в законодательстве было одним из самых острых политических и правовых вопросов, поскольку традиционно издание законов считалось привилегией короны. Но столь же традиционным было право (и обязанность) короны испрашивать «совета и согласия» на ее предложения от совета знати; законодательная инициатива оставалась всецело в руках короля. Как правило, законодательные предложения по общим вопросам выслушивались только верхней палатой или отдельным собранием знати. Только в 1382 г. участие общин в обсуждении законов

было официально закреплено: «Королю угодно пользоваться советом Общин и спрашивать согласия при постановлении и регистрировании законов, при разрешении субсидий и при других делах, касающихся общей пользы государства». В начале XV в. было подтверждено, что без согласия парламента законы издаваться не будут. При короле Генрихе VI (XV в.) сложилась практика внесения биллей на предварительное согласие парламента [6]. В отношении короля и парламента был принят принцип, что совместное согласное постановление двух палат по одному и тому же вопросу не может быть отменено единоличным усмотрением короля. С этого времени выработались основные формы английского законодательства: 1) законы – статуты, представлявшие совместные постановления короля и трех сословий в парламенте, и 2) указы ордонансы, которые король вправе был опубликовывать самостоятельно. В XV в. за парламентом закрепилось и право законодательной инициативы в виде петиций. При Генрихе VI утвердилось правило, что петиции должны представляться в виде готовых законопроектов-биллей.

Позднее и далеко не в полной мере парламент закрепил за собой контрольные права. Объектом парламентского контроля была королевская администрация. Естественно, корона наиболее ревностно отстаивала ее неприкосновенность. В период кризиса середины XIII в. парламента удалось ввести правило обязательной присяги королевских должностных лиц перед парламентом, но затем это правило исчезло [7]. В XIV–XV вв. парламента несколько раз удавалось добиться королевского согласия на удовлетворение парламентских петиций о назначении должностных лиц или о снятии их. Наиболее ярким проявлением этой стороны прав парламента стало признание за ним прав обвинения должностных лиц в злоупотреблениях и преступлениях. Впервые эта процедура импичмента была применена в 1376 г. В дальнейшем она неоднократно использовалась как по инициативе парламента, так и по инициативе короны, в том числе для борьбы с политическими противниками из числа знати.

В XV в. парламент приобрел значение самостоятельного учреждения, а не только собрания представителей, созываемого короной. В начале своего существования парламент созывался королем в произвольные сроки. Свобода королевского усмотрения в этом вопросе была подтверждена даже тогда, когда в 1330 г. парламент настоял на признании необходимости ежегодного его созыва: в законе оговаривалось, что созываться будет и чаще, «если такое нужно будет». В 1408 г. Глостерскими декларациями было признано законным для лордов совещаться о государственных делах в отсутствие короля, а после петиции парламента такое же право было закреплено и за

палатой общин. При Генрихе IV в политическую жизнь вошло правило свободы парламентских прений: за все сказанное в стенах парламента депутаты не несли ответственности. Хотя давление со стороны короля и даже преследования (при затрагивании щекотливых политических и семейно-наследственных дел короны) имели место на протяжении и XV и, особенно, XVI в., в период абсолютной монархии.

Политические реальные взаимоотношения короны и сословного представительства составляли не менее важную сторону общего статуса английского парламента, чем отдельные закрепления его прав королевскими декларациями. В особенности значительным этот фактор стал в период абсолютизма, отягченный особым режимом самовластия Генриха VIII или королев династии Стюартов.

На протяжении первых веков своей истории парламент неоднократно проявлял инициативу в концентрации оппозиционных сил монархии. Дважды это завершалось низложением монарха (Эдуарда II в 1327 г. и Ричарда II в 1399 г.) [8]. Влияние парламента на королевей, возведенных на трон с его участием, существенно возрастало. Так, при Генрихе IV (начало XV в.) корона благосклонно воспринимала требования парламента контролировать деятельность высших должностных лиц, были случаи прямого назначения на высшие должности по представлению парламента.

Вместе с тем корона сохраняла возможности почти полной независимости от парламента в государственных делах. Правомочность деятельности представительства без государственного обращения короля оставалась под вопросом. В XVI в., в период значительного укрепления королевской власти, права парламента реально стали начинаться там, где согласна была остановить свою власть корона. Елизавета I прямо заявляла, что «прерогатива парламента – говорить «да» или «нет», когда королеве это угодно, и не заниматься обсуждением других вопросов». На практике, согласие парламента на законы или иные решения стало испрашиваться только тогда, когда это ничем политически не грозило королевской власти. В этих условиях Генрих VIII имел все основания охарактеризовать работу парламента в письме к римскому папе: «Прения английского парламента свободны и неограниченны. Корона не имеет права ни ограничивать прения, ни контролировать подачу голосов» [9].

Контроль за парламентской деятельностью осуществлялся совсем иными способами. Монарх сохранил право вето на любой парламентский акт. Прения в парламенте предопределялись, по сути, членами Тайного совета, которые вносили законопроекты от имени короны, или спикером, личность которого также согласовывалась с короной («иначе королю неуютно будет

его видеть»). В XVI в. распространилась система косвенного влияния на исход парламентских выборов путем создания крохотных «местечек», население которых наделялось правом посылать депутата, а на деле находилось под патронатом влиятельного лица или члена палаты лордов. Наиболее же существенным моментом власти короны над парламентом оставалось право и возможность вообще обходиться без парламента: представительство не созывалось по нескольку лет, и это не препятствовало государственной деятельности короля.

ВЫВОДЫ

Британский парламент – старейший в мире представительный орган, существующий почти восемь столетий. За этот период он претерпел значительные изменения, превратившие его из органа сословного представительства в представительный и законодательный орган, то есть в парламент в современном понимании этого термина. Столь последовательное укрепление позиций парламента в системе органов государственной власти не наблюдалось больше ни в одном государстве. Объяснение этому феномену во многом заложено в истории развития парламента, сквозь призму которой следует рассматривать роль, место и значение этого института государственной власти на разных этапах его существования.

В течение первых веков своей деятельности парламент, переживая спады и подъемы, добился существенного расширения своих полномочий. В этот период были приняты важнейшие акты, послужившие основой неписаной Конституции Британии. Позднее произошло становление и развитие политических партий, ядро которых составили парламентские политические группировки, и была сформирована «классическая» модель британского парламентаризма, базирующаяся на принципах верховенства парламента и парламентарского суверенитета. Одновременно произошло институциональное оформление основных форм парламентарской деятельности, что необходимо для любого парламента, так как парламентарские процедуры придают легитимный характер его работе и, прежде всего, принимаемым им законам. Данные процессы наряду с демократизацией избирательной системы, расширившей электорат нижней палаты парламента, способствовали закреплению в общественном сознании представлений о парламенте в целом как выразителе интересов народа, что не могло не отразиться на его положении в системе государственного управления.

Избираемость нижней палаты и аккумуляция в ней интересов разных слоев населения позволили Общинам на протяжении своего существования добиваться расширения своих полномочий как во взаимоотношениях с

исполнительной властью, так и с верхней палатой парламента, традиционно формируемой из представителей наследной аристократии.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1 **Хоружий, В. В.** Начало английского парламентаризма. // Сборник статей международной научно-практической конференции. – Уфа, 20 мая 2016 г.

2 **Паламарчук, А. А.** Парламент и консилиарные институты в раннестюартовской Англии. // Сборник статей международной научно-практической конференции «Таврические чтения 2016 : Актуальные проблемы парламентаризма : история и современность». – Спб., 8-9 декабря 2016 г.

3 **Лабутина, Т. Л.** Каким должен быть парламент? Размышления просветителей Англии о законодательном органе страны. // Сборник статей международной научно-практической конференции «Таврические чтения 2016 : Актуальные проблемы парламентаризма : история и современность». – Спб., 8–9 декабря 2016 г.

4 **Bogdanor V.** The British Constitution in the Twentieth Century. – London, 2003.

5 **Brazier, R.** Constitutional Practice. – Londod, 1999.

6 **Dawn, O.** Constitutional Reform in the United Kingdom. – Oxford, 2003.

7 **Turpin, C.** British Government and the Constitution. – Oxford, 2002.

8 **Alder, Jh.** General principles of Constitutional and Administrative Law. – London, 2002.

9 **Barnett, H.** Constitutional and Administrative Law. – London, 2002.

Материал поступил в редакцию 30.11.18.

P. M. Maqşam

XIII-XV ғғ. аралығындағы Англиядағы парламентаризм институты дамуының ерекшеліктері

С. Торайғыров атындағы Павлодар мемлекеттік университеті,
Павлодар қ., 140008, Қазақстан Республикасы.

Материал баспаға 30.11.18 түсті.

R. M. Maksat

Features of development of the institute of parliamentarism in England at the boundary of the XIII–XV centuries

S. Toraihyrov Pavlodar State University,
Pavlodar, 140008, Republic of Kazakhstan
Material received on 30.11.18.

Мақалада Англиядағы парламентаризм институтының қалыптасуының негізгі себептер мен ойдың басты негіздері талданған. Король мен Парламент арасындағы көп өзгеріске ұшыраған қарым-қатынас жөніндегі мәселелер қарастырылған. Кейбір жерлерде король билігі Парламентпен бұзылған, кейбір жерлерде парламент өкілдері шайқас немесе қысым арқылы өз құқықтарына ие болды. Мақала авторы XIV–XV ғғ: Англия Парламентінің бірінші компетенцияларын талдады. Алғашқы Парламент пайда болу кезінен XVI ғғ. дейін хронологиялық дискурс талданған.

In the article the main prerequisites and the causes of the institute of parliamentarism in England are analysed. Questions of forming of the relations between the king and Parliament, which throughout all time underwent significant changes, are considered. Somewhere the royalty made concessions to Parliament, somewhere parliamentarians had to win themselves the rights in the conditions of rigid fight. The author of the article analysed the first competences of Parliament of England, which arose at a boundary of the XIII–XV centuries. Chronological digression from formation of the first Parliament before the beginning of the XVI century – an era of absolutism in England – is carried out.

ГРНТИ 11.15.23

Ж. Т. Тайкебаева¹, А. Б. Исаков²

магистранты, Павлодарский государственный университет имени С. Торайгырова, г. Павлодар, 140008, Республика Казахстан

НОРМАТИВНО-ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ БАЗА ПО РЕГУЛИРОВАНИЮ ПРОЦЕССОВ СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА

Концепция социального партнерства, зародившаяся на рубеже XIX–XX веков как инструмент предотвращения конфликтов в социально-трудовой сфере, на современном этапе значительно трансформировалась и приобрела более универсальный характер. Сегодня социальное партнерство все чаще рассматривается как универсальная форма существования социума, такого состояния общества, при котором все социальные слои могут удовлетворить свои потребности, взаимодействуя на принципах солидарности. Социальное партнерство представляет собой институциональный и организационный альянс между государством и бизнесом в целях реализации локальных, национальных и международных, но всегда общественно значимых проектов в широком спектре деятельности от экономики, науки и образования до здравоохранения и культуры.

В статье авторы проанализировали нормативно-законодательную базу по регулированию процессов социального партнерства на различных исторических этапах и в различных регионах мира.

Ключевые слова: социальное партнерство, государственная власть, бизнес-структуры, общественные организации, некоммерческие организации, межсекторное сотрудничество, взаимодействие, социальные проблемы, местное сообщество, социальный диалог, трипартизм.

ВВЕДЕНИЕ

Социально-экономические реформы, которые происходили в 90-х годах XX века, привели к структурным изменениям, как в производственной деятельности предприятий, так и в социально-трудовых отношениях коллективов. Этот период характеризуется устранением монополии государства в производственной и хозяйственной деятельности предприятий и возникновением множества новых форм и типов предприятий, необходимых

для развития предпринимательской деятельности. В связи с этим возникла необходимость совершенствования механизмов урегулирования социального взаимодействия в экономической и трудовой сферах.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Развитие социального партнерства выступает одним из факторов повышения эффективности наемного труда в условиях преобладания частной собственности на средства производства, а также улучшения благосостояния общества в целом.

Усиление классовой борьбы, влияние рабочего движения привело к расширению государственного вмешательства в сферу трудовых и социальных отношений, развитию законодательства в данных отраслях. Первые проявления этого можно обнаружить в европейской истории конца XVII – начала XVIII века. На этапе становления капиталистического общества государственная власть, которая придерживалась в основном принципов либерализма и индивидуализма, не играла большой роли в регулировании трудовых отношений, за исключением предоставления некоторых видов гарантий и помощи государственным служащим или отдельным группам рабочих, условия труда которых отличались повышенным риском. Отношения между работником и работодателем регулировались гражданским законодательством в рамках договора личного найма. Но юридическое равенство сторон трудового правоотношения в договоре найма приводило к фактическому неравенству сторон. В 60-х годах 19 века практически во всех развитых странах государство вводит ограничения в установлении условий труда для работодателей. Начинает формироваться социально-трудовое законодательство [1].

Период конца XIX века – начала XX века можно определить как следующий этап институционализации социального партнерства. Этот период характеризуется развитием крупного машинного производства, становлением монополистического капитализма, возникновением первых ошутимых экономических кризисов. Эти явления характеризовали кризис таких ценностей цивилизации западных стран, как полная свобода предпринимательства, неограниченная конкуренция, крайний индивидуализм, и диктовали необходимость выделения специализированных функций государства в сфере социально-трудовых отношений и создание институциональной системы регулирования социально-трудовой сферы.

В классической политэкономии констатировалась безличность отношений на капиталистических предприятиях, где рабочие не представляют собой единое целое, управленцы и владельца предприятий

не связаны с ними патерналистскими отношениями. Эти факты порождают представление об антигуманной сущности капиталистического хозяйства. Развитие капиталистических отношений, формирование классов, распространение социального неравенства формируют идею социальной защиты и примирение антагонистических классов посредством консенсуса.

Достаточно сложный характер социально-экономических, политических, организационно-технических факторов, влияющих на формирование механизмов социальной защиты граждан, объективно обусловили необходимость государственного регулирования данного сектора. В конце 19 – начале 20 века разрабатываются экономические концепции социального рыночного хозяйства, в которых обосновывается роль государства как одного из наиболее активных субъектов социально-экономической политики, теоретически доказывается необходимость методов государственного регулирования, а также взаимодействия государства, коммерческих предприятий и общества. Одна из главных особенностей данного этапа заключалась в повышении роли государства в формировании систем охраны труда, социального страхования, профессионального образования. Трудовые отношения приобрели новое социально-экономическое качество, получили нового субъекта-посредника и активного участника социально-трудовых отношений. В этот период государство осуществляет разработку социально-трудового законодательства, а именно, регламентирует деятельность профсоюзов, поддержку малоимущих и безработных слоев населения, формирует системы социального страхования и охраны труда. Например, в Германии правительство Отто фон Бисмарка вводит обязательную систему социального страхования для работников промышленности. В Великобритании принимается официальное право на забастовку. В Соединенных Штатах Америке в Законе о труде на железнодорожном транспорте провозглашается право рабочих на организацию, заключение коллективных договоров и устанавливается система посредничества и арбитража для предотвращения забастовок [2].

Процесс институционализации социального партнерства происходил в различных странах неравномерно, определяя тем самым особенности моделей социально-экономического развития. В странах Скандинавии была реализована социально-демократическая модель развития, которая привела к формированию механизма социального партнерства при активном государственном посредничестве. В 1928 году в Швеции принимается Закон о коллективных договорах, а с 1930 года расширяются права профсоюзов. В 1946 году на шведских предприятиях стали создаваться фабрично-заводские

комитеты, которые состояли из представителей трудящихся и руководства, и обладающие консультативными правами [3].

Таким образом, наряду с законодательным установлением, одним из основных инструментов регулирования социально-трудовых отношений стали переговоры сторон.

Активная политика в государственном посредничестве между трудом, капиталом и обществом проводилась в Великобритании и Франции. В Великобритании в 1919 году был введен добровольный арбитраж при рассмотрении коллективных трудовых конфликтов. В 1927 году был принят Закон о профсоюзах и трудовых спорах. В 1919 году утверждается Закон о коллективных договорах, предполагающий возможность заключения коллективных договоров не только профсоюзами, но и любой организацией работников. Право на забастовку было закреплено на уровне Конституции Франции.

В Соединенных Штатах Америки в 30-х годах 20 века был реализован комплекс реформ, результатом которых стало усиление государственного регулирования экономики, составной частью которого было создание механизма взаимодействия между работниками и работодателями. В противовес саморегулируемой экономике была выдвинута идея «сочетания интересов», сотрудничество всех классов во имя общественных интересов. В 1935 году был принят Национальный закон о трудовых отношениях, который гарантировал трудящимся право на объединение в профсоюзы и право заключения коллективных договоров. Был создан специализированный государственный орган – Национальное управление по трудовым отношениям, который был призван содействовать организации коллективных переговоров и разрешению споров. Этими действиями США установило правовой статус социальных партнеров в регулировании трудовых отношений, правовые формы их сотрудничества, мирные средства разрешения трудовых конфликтов. Однако идеи неограниченной свободы предпринимательства и индивидуализма продолжали пользоваться значительной популярностью в обществе, что сказывалось на особенностях формирования механизма социального партнерства.

После Второй Мировой войны механизмы социального партнерства стали важным фактором регулирования социально-трудовых отношений на Западе.

Предполагалось, что социалистическая революция должна была снять все противоречия между трудом и капиталом. Однако в Советском Союзе данное противоречие приобрело другие формы. С 1917 года трудовое законодательство развивалось в направлении жесткого государственного

регулирующего, за исключением недолгого периода Новой Экономической Политики (НЭП). Государство в лице государственных предприятий и организаций выступало в лице единственного работодателя, диктующего условия труда и насаждающего уравнивательность в распределении.

Современный этап развития трудовых отношений охватывает последние 40-50 лет. Существенные отличия данного этапа заключаются в изменениях характеристик трудового процесса, вызванных научно-техническим прогрессом, модернизацией, повышением требований трудящихся к условиям и охране труда, уровню медицинского и реабилитационного обслуживания. Постиндустриальная модернизация технологий и трудового процесса вызвала противоречивые процессы. С одной стороны, она способствовала усложнению и интеллектуализации труда, а с другой – резко обострила проблемы организации, условий и охраны труда. В этот период выявилось стремление рабочих к обеспечению более высокого уровня социальной защиты, повышению творческого содержания труда. Новые потребности работников побуждали предпринимателей к поиску компромиссных социально-технических решений, сочетанию различных методов, позволяющих учитывать возрастающие социальные запросы работников.

С 1950-х годов в западноевропейских странах получает распространение система соучастия работников в управлении как форма представительной демократии на производстве. Через свои представительные органы работники участвуют в принятии решений по вопросам условий, оплаты и организации труда, социального обеспечения, профессионального обучения. Усиливающаяся с конца 60-х годов 20 века тенденция демократизации отношений собственности приводит к распространению практики участия наемных работников в собственности и прибылях.

В международных актах, закрепляющих международные стандарты труда, для обозначения отношений в рамках социального партнерства применяется другой термин – социальный диалог. Международная Организация Труда приняла в качестве основного структурообразующего элемента систему трипартизма, призванную обеспечить взаимоприемлемый уровень решения социально-трудовых проблем на основе равенства участвующих в переговорах сторон. Трипартизм (от греческого «trias» – тройственность и от латинского «partio» – делю, разделяю) – это система взаимодействия между тремя сторонами трудовых отношений: трудом, капиталом и властью. Образцом трипартистской структуры является модель социального партнерства, разработанная при активном содействии

Международной организации труда в 60-70-х годах 20 века и внедряемая во многих странах мира с учетом национальной специфики.

На международном уровне механизмы социального диалога используются, в частности, при обсуждении вопросов о разработке и принятии международных трудовых норм. В числе основных характеристик сотрудничества на локальном уровне специалисты МОТ называют добровольный характер, неформальный характер, обеспечение участия профсоюзов, свобода выбора концепции взаимодействия, готовность к сотрудничеству, способность к диалогу [4].

Неформальный характер сотрудничества объясняется целями и локальным масштабом такого взаимодействия. Излишняя законодательная формализация процедур лишает их гибкости и отвлекает внимание и силы участников от предмета сотрудничества к выполнению формальных требований. На минимум формальностей при рассмотрении жалоб работников ориентирует Рекомендация 1967 г. МОТ о рассмотрении жалоб на предприятии.

Рекомендация 1967 г. Международной Организации Труда о связях на предприятии ориентирует работодателей на выработку эффективной политики связей с работниками и их представителями. Следовательно, ответственность за сотрудничество на рабочих местах возлагается на работодателя и работников, которые должны свободно выбирать способы, предмет и стратегии взаимодействия.

Под способностью к диалогу подразумевается умение усваивать информацию, слушать собеседников, выявлять проблемы. Особое значение в этом процессе уделяется персональному общению, поэтому значительное воздействие оказывают личностные качества, необходимые для налаживания отношений с людьми.

В соответствии с рекомендациями МОТ государство призвано активно участвовать в законодательном определении основных условий социального партнерства, но, как правило, без непосредственного вмешательства в переговорный процесс (за исключением случаев, когда государство выступает в роли работодателя, или в трудных экономических ситуациях). Органы государственной власти и местного самоуправления могут быть сторонами социального партнерства в тех случаях, когда они выступают в качестве работодателей или их представителей.

МОТ считает, что государство способно выполнять следующие функции в регулировании трудовых отношений:

– участвовать в переговорах и консультациях на национальном или отраслевых уровнях. Обычно трехсторонние переговоры ведут к

трехсторонним соглашениям, фиксирующим обязательства каждой из сторон. Правительства могут также вступать в двухсторонние переговоры с одним из социальных партнеров, например, с профсоюзами;

– влиять на результаты двухсторонних переговоров между работодателями и профсоюзами (представителями работников). Такие переговоры чаще проводятся в период экономических трудностей и, прежде всего, по проблемам заработной платы. При этом правительство старается опередить соглашение между работодателями и профсоюзами о чрезмерных надбавках к зарплате, которые могут привести к росту инфляции и подрыву конкурентоспособности промышленности. В этих целях правительство обычно действует методами контроля или убеждения.

К наиболее строгим формам контроля относятся: законодательное замораживание заработной платы, установка предельно допустимых надбавок, продление ранее заключенных договоров, меры по обеспечению гибкости рынка труда.

Наиболее действенными формами убеждения являются выступления руководителей правительства о необходимости учета макроэкономических факторов при проведении переговоров. Иногда с целью усиления общественного давления на партнеров правительства апеллируют к общественному мнению.

– побуждать предпринимателей и профсоюзы к переговорам по определенным вопросам, которые, по мнению государства, являются наиболее актуальными в данное время. Такие действия правительства могут сопровождаться угрозой принятия законодательных мер, если социальные партнеры не смогут достичь соглашения;

– устанавливать юридические рамки, защищающие права трудящихся и профсоюзов и создающие организационные и процедурные основы коллективных переговоров и улаживания трудовых конфликтов;

– как крупный работодатель в государственном секторе оказывать существенное влияние на социально-трудовые отношения и в других секторах экономики. Например, когда государство проводит политику повышения доходов, оно часто использует государственный сектор в качестве ориентира и побуждает частный сектор следовать своему примеру.

В случаях невозможности достижения согласия между тремя сторонами некоторые правительства прибегают к формированию социально-экономической политики в одностороннем порядке – через законодательство государства.

Анализ международной практики государственного участия в социальном партнерстве показывает, что наиболее распространенными являются следующие модели социального партнерства.

Первая модель характерна для стран Северной Европы (Бельгии, Голландии, Норвегии, Швеции и Финляндии), в которых сложилась практика активного участия государства в регулировании социально-трудовых отношений на всех уровнях, включая уровень организаций. На государственном уровне созданы специальные ведомства и службы по труду и занятости, которые уполномочены вести переговоры по всему спектру проблем регулирования социально-трудовых отношений. На уровне отраслей под контролем правительства создаются комиссии, которые рассматривают и решают проблемы социально-трудовых отношений в отрасли.

Вторая модель используется в США, Японии, Канаде и во многих развивающихся странах Азии, Латинской Америки и Африки. В этих странах меньше внимания уделяется переговорному процессу на уровне отраслей и регионов, а основной формой социального партнерства являются заключение коллективных договоров на уровне организаций. В данном случае активное участие в формировании национальной политики и в законодательном процессе в области трудовых отношений принимают общенациональные профсоюзы и объединения работодателей.

Третья модель является средним вариантом между рассмотренными выше моделями и характерна для Великобритании и стран Центральной Европы (Франции, Германии, Австрии и др.). В этих странах правительства и социальные партнеры на общенациональном уровне практически не принимают совместных решений, периодически проводят консультации с союзами работодателей и профсоюзными объединениями и реже заключают общенациональные соглашения по отдельным проблемам социальной политики. В ряде стран, например в Германии, коллективные договоры в организациях не заключаются; основной формой партнерства являются коллективные переговоры на региональном и отраслевых уровнях.

Во всех случаях государство в системе социального партнерства должно способствовать соблюдению интересов работников, работодателей и собственников. С одной стороны, обладая законодательными, правоохранительными и общеэкономическими правами и ресурсами, оно выступает как арбитр, контролер и гарант прав трудящихся, профсоюзов и работодателей. С другой стороны, как крупнейший собственник и работодатель, государство через органы исполнительной власти выступает в качестве равноправной стороны в переговорах по регулированию социально-

трудовых отношений и заключению соглашений с другими сторонами социального партнерства.

Переход к рыночной экономике и, в частности, радикальные преобразования, произошедшие в формах собственности в странах бывшего Советского Союза, обусловили необходимость изменения форм регулирования трудовых отношений в постсоветских республиках, поскольку стали формироваться две основные группы общества: работодатели и наемные работники. Так же возникла необходимость в поиске новых систем взаимосвязей между государством, зарождающимся бизнесом и общественными организациями.

Социальное партнерство как принципиально новый тип социально-трудовых отношений заключается в том, что, во-первых, работник перестает быть только объектом социально-трудовых отношений, и, наряду с собственником – работодателем, становится активным субъектом этих отношений и их регулирования на различных уровнях. Во-вторых, важнейшим принципом регулирования социально-трудовых отношений становится принцип равноправного участия в этом процессе органов государственной власти, органов местного самоуправления, представителей работодателей и работников.

В теории трудового права социальное партнерство рассматривается исследователями в качестве метода трудового права или его элемента, принципа трудового права, метода решения социальных проблем и регулирования трудовых отношений, средства решения проблем и регулирования противоречий между работниками, работодателями и государством, способа разрешения трудовых споров, средства и формы взаимодействия, инструмента регулирования социально-трудовых отношений и совместной деятельности представителей государства, профсоюзов и предпринимателей по выработке согласованной политики в сфере социально-трудовой жизни, формы организации взаимодействия работодателей, работников и государства, процедуры разграничения, согласования и обеспечения законных интересов в сфере социально-трудовых отношений и т.д.

Большое внимание вопросам партнерства уделяется в Модельном законе «О социальном партнерстве» от 16.11.2006 г., принятому государствами-участниками СНГ в целях унификации подходов к социальному партнерству в особых социально-экономических условиях на постсоветском пространстве.

В Законе Республики Казахстан «О социальном партнерстве в Республике Казахстан» определено, что «социальное партнерство – система отношений и механизмов, направленных на обеспечение согласований интересов

представителями органов исполнительной власти, представителями работодателей и работников». Одним из нерешенных в методическом плане вопросов социального партнерства в этом государстве выступает проблема определения выбора и представительства сторон коллективно-договорного процесса на всех уровнях.

Трудовой кодекс Республики Казахстан однозначно определяет, что соглашения (генеральные, отраслевые и региональные) должны заключаться только на трехсторонней основе. Генеральные и региональные соглашения действительно целесообразно заключать на трехсторонней основе, однако отраслевые, территориально-отраслевые и корпоративные соглашения вполне возможно и логично заключать только на двухсторонней основе.

Основными сторонами социального партнерства на республиканском уровне являются полномочные представители Правительства Республики Казахстан, республиканских объединений работников и республиканских объединений работодателей.

ВЫВОДЫ

Трехстороннее сотрудничество является социально-политическим механизмом регулирования отношений, основанное на принципе равноправных переговоров, достижения компромисса между представителями государственной власти, работодателями, профсоюзами, предотвращения социальных конфликтов и составляет базис общественного механизма регулирования социально-трудовых отношений.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1 **Зарубина, Н. Н.** Социология хозяйственной жизни: проблемный анализ в глобальной перспективе. – М. : Логос, 2010. – С. 124.

2 **Лушникова, М. В.** Государство, работодатели и работники: история, теория и практика правового механизма социального партнерства (сравнительно-правовое исследование). – Ярославль, 1997. – С. 88.

3 **Иванов, О. И., Гавра, Д. П.** Социальное партнерство: некоторые вопросы теории. – СПб., 1994. – С. 30.

4 Руководство по совершенствованию системы урегулирования трудовых споров / Группа технической поддержки по вопросам достойного труда и Бюро МОТ для стран Восточной Европы и Центральной Азии; International Training Centre (ITC). – М. : МОТ, 2013. – С. 310.

Материал поступил в редакцию 30.11.18.

Ж. Т. Тайкебаева¹, А. Б. Исаков²

Әлеуметтік ынтымақтастықтың үрдістерін реттеудегі нормативтік-заңнамалық база

^{1,2}С. Торайғыров атындағы Павлодар мемлекеттік университеті,
Павлодар қ., 140008, Қазақстан Республикасы.
Материал баспаға 30.11.18 түсті.

Zh. T. Taikebayeva¹, A. B. Isakov²

Regulatory and legislative base for regulating the processes of social partnership

^{1,2}S. Toraighyrov Pavlodar State University,
Pavlodar, 140008, Republic of Kazakhstan
Material received on 30.11.18.

XIX–XX ғасырлардың ширегінде пайда болған әлеуметтік ынтымақтастық тұжырымдамасы әлеуметтік-еңбектік саладағы жанжалдарды реттеудің құралы болып табылады, қазіргі кезеңде өзгеріске түсіп әмбебап сипатқа ие болды. Бүгінде әлеуметтік ынтымақтастық қоғамның өмір сүруінің әмбебап формасы ретінде қарастырылады, яғни барлық қоғамдық таптар өзінің қажеттіліктерін ынтымақтастық принципі негізінде қанағаттандыра алады. Әлеуметтік ынтымақтастық экономика, ғылым мен білім саласындағы жергілікті, ұлттық және халықаралық қызметтерді жүзеге асыру мақсатында мемлекет пен бизнес арасындағы институционалдық және ұйымдастырушылық альянс болып есептеледі.

Мақалада авторлар түрлі тарихи кезеңдер мен әлемнің түрлі аймақтарындағы әлеуметтік ынтымақтастық үрдістерін реттеудің нормативтік-заңнамалық базасына талдау жасады.

The concept of social partnership, which originated at the turn of the XIX–XX centuries as a tool for preventing conflicts in the social and labor sphere, at the present stage has been significantly transformed and has become more universal. Today, social partnership is increasingly seen as a universal form of the existence of society, a state of society in which all social strata can meet their needs, interacting on the principles of solidarity. Social partnership is an institutional and organizational alliance between the state and business in order to implement local, national and international, but always socially significant projects in a wide range of activities from economics, science and education to health care and culture.

In the article, the authors analyzed the regulatory and legislative framework for the regulation of social partnership processes at various historical stages and in various regions of the world.

ГРНТИ 11.15.87

И. С. Теренченко¹, А. А. Айтмухамет²

¹магистрант, Павлодарский государственный университет имени С. Торайгырова, г. Павлодар, 140008, Республика Казахстан;

²студент, Евразийский национальный университет имени Л. Н. Гумилева, г. Астана, 010008, Республика Казахстан

ПОЛИТИЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ В ИЗБИРАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

Политическое консультирование в настоящее время является одним из важных звеньев и механизмов обеспечения ряда политических процессов. Усиление конкурентной политической борьбы на выборах и потребность политических лидеров в постоянном эффективном взаимодействии со своим электоратом сформировали в политической среде запрос на специалистов и советников, способных тщательно планировать политические кампании, добиваясь усиления взаимозависимости и понимания между властью и обществом.

В работе автором рассмотрены многообразные стратегии ведения политических избирательных кампаний. Так же были подробно изучены этапы избирательной кампании, даны развернутые рекомендации к действиям предвыборного штаба и самого кандидата.

Ключевые слова: политическое консультирование, избирательные технологии, выборы, предвыборная кампания, стратегия, избирательный процесс, политический консультант, кандидат.

ВВЕДЕНИЕ

Значимость используемых на выборах политических технологий уже ни у кого не вызывает сомнений. Американский социолог Дэниел Белл определял социальные и политические технологии как инструментальный способ рационального действия [1]. Французский социолог Пьер Бурдьё называл их рационализированной компетентностью [2]. В научной литературе прочно утвердилось понимание политических и избирательных технологий

как системы целенаправленных, последовательных и заведомо эффективных средств, приемов, способов достижения необходимого электорального результата, осуществления целей практической политической деятельности. При этом большинство авторов согласны с тем, что современным технологиям принадлежит исключительно важная роль в демократическом политическом и, в частности, избирательном процессе.

Избирательный процесс – явление сложное и многогранное, где главная цель его участников – это завоевание политической власти. В условиях демократического государства борьба за власть осуществляется в открытой, но очень острой конкурентной борьбе. Победа в этой борьбе зависит от многих факторов, но главное значение имеет правильно организованная и проведенная избирательная кампания с использованием современных избирательных технологий.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Под избирательной кампанией понимают совокупность мероприятий в рамках избирательного процесса, предпринимаемых кандидатами или политическими партиями для достижения предвыборных целей.

Избирательные технологии – это совокупность средств, методов и приемов организации и проведения конкретной избирательной кампании.

Избирательный процесс имеет очень важную особенность, которая связана с работой политического консультанта. Выборы – это рынок, покупатель – избиратели на нем, товар – кандидата и его программу покупают добровольно и свободно, и заставить их купить свой товар можно только убеждением, внушением. Обеспечить необходимый выбор избирателей нужно в день голосования, т.е. в конкретный день. Значит, избирательную кампанию нужно строить таким образом, чтобы все мероприятия были посвящены этой цели: определенный успех в конкретный день.

При разработке стратегии избирательной кампании политическому консультанту необходимо принять во внимание следующее:

- стратегия – это концепция или набор концепций; оптимальная стратегия – та, которая успешно реализована (т.е. принесла успех кандидату);
- стратегия объединяет все элементы кампании;
- стратегия – это тест для проверки всех тактических решений, которые применяются в ходе избирательной кампании.

Выбор стратегии зависит от следующих факторов:

- адресных групп электората;
- возможных мотивов голосования за данного кандидата;
- мнений, проблем, оценок, объединяющих этих избирателей;

- соперников;
- ресурсных возможностей и др.

Специалисты по политическому консультированию избирательных кампаний выделяют следующие виды избирательных стратегий:

1 Стратегия расширения электоральных сегментов. Данная стратегия применяется по отношению к сложившимся политическим деятелям и включает в себя использование слабых сторон конкурентов, прямое привлечение новых сторонников и расширение политической платформы.

2 Стратегия развития. Она используется при модернизации программы кандидата на уже завоеванных сегментах электората и основывается на усовершенствовании имиджа, предвыборной платформы и т.д.

3 Стратегия завоевания новых социальных групп.

4 Стратегия диверсификации (от лат. «диверсус» – разный и «факере» – делать) – разнообразие, разностороннее развитие. Используется, как правило, устойчивыми партиями и объединениями.

5 Стратегия рывка. Эта стратегия рассчитана на завоевание электората задолго до начала избирательной кампании. Стратегия направлена на максимальное повышение степени узнаваемости будущего кандидата без акцентирования того, что он будет кандидатом. Эти действия позволяют значительно опередить своих соперников в начале избирательной кампании. Эта стратегия используется теми кандидатами, которые не пользуются известностью в начале избирательной кампании. Стратегия заключается в том, чтобы сделать рывок на ранней стадии (например, закупается эфирное время и площади в средствах массовой информации, готовится агитационная продукция, организуются поездки и встречи с избирателями и т.п.). Основная задача состоит в том, чтобы овладеть электоратом до начала кампании.

6 Стратегия быстрого финала. Она предполагает постепенную эскалацию политической рекламы и рассчитана на массивное наращивание политической рекламы в огромном количестве накануне дня голосования.

7 Крейсерская стратегия. Эта стратегия имеет равномерное информационное воздействие на электорат. Избирательная кампания проводится ровно, в одном темпе. Используется кандидатами, которые однозначно лидируют с самого начала кампаний и которым надо сохранить свои позиции на протяжении всей кампании. Как правило, это кандидаты, которые являются депутатами и баллотировались на следующий срок. Эта стратегия особенно дает хороший результат в сочетании со стратегией быстрого финала.

8 Стратегия «трех волн». Данная стратегия предполагает циклическое информационное воздействие на электорат. Первая волна – знакомство,

представление кандидата. Вторая волна – узнавание, закрепление в сознании избирателей имиджа кандидата. Третья волна – завоевание электората. Волны информации идут по нарастающей.

9 Стратегия «большого события» предназначена для внимания журналистов, которые будут освещать в СМИ ход кампании. Строится на основе нескольких крупных мероприятий (политических акций, спецпроектов и т.д.). Могут быть пресс-презентации, шоу, дебаты, поддержка известных личностей. Эта стратегия в основном должна дополняться другими стратегиями.

10 Стратегия «гребенки» основана на проведении ряда «рывков» и относительно спокойных «стадий» в течении всей кампании с постепенным повышением общей интенсивности рекламной деятельности к финалу. Интенсивные этапы должны быть достаточно коротки, но в то же время и достаточно часты.

Большое значение для построения избирательной стратегии имеет информационно-аналитическое обеспечение избирательной кампании, а именно, сбор и анализ информации, необходимой кандидату и избирательному штабу.

Оно включает в себя исследования:

- избирательного округа;
- состояния общественного мнения;
- средств массовой информации;
- кандидатов-конкурентов и их ресурсов;
- кандидата и его команды;
- итоги прошлых выборов.

Избирательная кампания включает ряд последовательных этапов, от реализации которых зависит успех всего дела и победа на выборах.

Этапы избирательной кампании:

- 1 Предварительный.
- 2 Подготовительный.
- 3 Этап выдвижения и регистрации.
- 4 Агитационный этап.
- 5 Этап голосования и подведения итогов.

Предварительный этап.

Это этап принятия решения. На данном этапе:

- анализируются ресурсы: временные, финансовые, интеллектуальные, организационные, информационные, материально-технические;
- составляется примерный расчет расходов на избирательную кампанию;

- определяется возможность отведения помещения под штаб избирательной кампании (общественную приемную кандидата);
- анализируются возможные источники финансирования и пополнения избирательного фонда;
- принимается решение о цели избирательной кампании (победа или участие с целью получения опыта предвыборной борьбы).

Подготовительный этап.

- 1 Изучается законодательство о выборах.
- 2 Формируется штаб избирательной кампании.
- 3 Проводятся исследования избирательного округа, изучается состояние общественного мнения, средства массовой информации, анализируются результаты прошлых выборов.
- 4 Сегментируется электорат избирательного округа.
- 5 Готовится предварительный список доверенных лиц кандидата.
- 6 Составляется список возможных источников пополнения избирательного фонда.

7 Готовится проект письма – обращения к возможным спонсорам. Каждое письмо должно иметь личный характер и включать просьбу на выделение денежных средств и обещание поддержки на посту депутата.

8 Составляются списки сборщиков подписей, сборщики подписей становятся агитаторами, а затем наблюдателями на избирательных участках. С учетом такой последовательности и избираются сборщики подписей.

9 Готовится уведомление о самовыдвижении либо о выдвижении от партийной организации, заявление Кандидата о согласии баллотироваться по данному избирательному округу и сведения о размере и об источниках доходов Кандидата.

10 Готовятся инструкции сборщикам подписей, агитаторам и наблюдателям на избирательных участках.

11 Выбирается помещение для штаба избирательной кампании.

12 Составляется расчет агитационных материалов, готовятся их примерные макеты, содержание.

13 Готовится предвыборная программа кандидата.

При составлении программы политическому консультанту и кандидату необходимо учитывать следующие принципиальные моменты:

- избиратель обращает внимание на те положения программы, которые затрагивают его лично;
- учитывать ожидания электората и найти ответ на их ожидания. Ожидания у разных слоев электората различные, поэтому надо ориентироваться на большинство;

– для малочисленных групп электората найти ответы на их ожидания. Если малочисленных групп много, они могут принести значительное число голосов. Такими малочисленными группами могут быть: работники определенного производства, инвалиды, военнослужащие или сотрудники милиции и т.п.;

– избиратель, в основной своей массе, ждет финансовой или материальной помощи от других.

– программа не должна включать несбыточные обещания, идеи светлого будущего в далекой перспективе, а также многообещающие заявления об улучшении, углублении, расширении и т.п. чего-либо, каких-то процессов;

– предвыборную программу лучше построить в виде конкретных дел;

– язык изложения программы должен быть ясным и понятным большинству избирателей;

– программа должна иметь несколько вариантов изложения, доведения до электората с учетом категорий избирателей;

– основные требования программы должны быть изложены в слоганы для последующего использования в листовках и других агитационных материалах. На основе всей программы необходимо составить слоган всей избирательной кампании.

14 Планируются места и время встреч с избирателями, готовятся заявки на выделение помещений и договоры на аренду помещения.

Этап выдвижения и регистрации.

1 Создание избирательного фонда. Часть средств поступает на специально созданный банковский счет кандидата из республиканского бюджета. Особое место в плане мероприятий во время выборной кампании политический консультант отводит фандрайзингу – сбору средств для проведения общественных мероприятий, чаще всего политических. На сбор средств кандидатом и его командой тратится $\frac{3}{4}$ всего времени предвыборной кампании. Для начала необходимо сегментировать потенциальных доноров. Ими являются друзья и родственники кандидата, идейные сторонники, члены одной партии, симпатизирующие политическим взглядам кандидата. Кроме того спонсором может стать та часть электората, которая считает, что данный кандидат победит, и в случае победы сможет помочь им в том или ином вопросе. Наиболее эффективные способы осуществления фандрайзинга – это личная просьба кандидата, мероприятия по сбору денег, работа общественного финансового комитета, прямая рассылка с просьбами кандидата.

2 Сбор подписей в поддержку выдвижения Кандидата.

3 Регистрация Кандидата.

4 Составление списка доверенных лиц и представление его в окружную избирательную комиссию.

Агитационный этап.

Агитационный период начинается со дня выдвижения Кандидата и создания избирательного фонда и прекращается в ноль часов по местному времени за одни сутки до дня голосования.

На этом этапе осуществляются следующие мероприятия.

1 Работа с агитаторами.

2 Работа в помещении штаба.

3 Подготовка рекламных материалов для печатных СМИ.

4 Проводятся встречи с избирателями. Эффективнее проходят подготовленные командой индивидуальные встречи кандидата и сходы избирателей. Конечно, каждое выступление перед различными избирателями имеет свои особенности, но специалисты предлагают следующую общую методику выступлений кандидата на встречах с избирателями:

– установить контакт с аудиторией. Это может быть шутка, благодарность за то, что не успели освистать за то, что пришли или другой нестандартный прием;

– сформулировать основную проблему встречи, выделить общее в этой проблеме с проблемами избирателей;

– усилить, подкрепить заявленную позицию по проблеме;

– выдвинуть возможные варианты решения проблемы и подкрепить их конкретными расчетами;

– сформулировать доказательства в пользу своего варианта решения проблемы;

– обозначить противников отмеченной позиции;

– предложить возможные варианты дальнейшего развития событий и определить места различных категорий аудитории и избирателей в предполагаемых сценариях;

– пафосно завершить выступление.

Этап голосования и подведения итогов.

Непосредственно в день голосования осуществляются следующие мероприятия.

1 Проверить наличие наблюдателей на избирательных участках. В случае необходимости обеспечить их питанием.

2 Кандидату лично, в сопровождении 2–3 человек, посетить избирательные участки. Наилучший вариант – объехать все избирательные участки по два раза: первый раз с 9:00 до 12:00 и второй раз с 13:00 до 15:00.

3 В избирательном штабе вести учет явки избирателей.

4 В случае нарушения избирательного законодательства немедленно сообщать в окружную и областную избирательные комиссии. При необходимости подготовить материалы и документы для обращения в суд.

5 Подвести итог голосования по избирательным участкам.

Серьезная задача консультанта во время избирательной кампании – исследование политических конкурентов. Без этой работы деятельность политического консультанта будет неполноценной. Необходимо исследовать политические склонности оппонента, его организаторские способности, связи, финансовое состояние, отношение к нему различных слоев населения, особенно тех, кто систематически ходят на выборы.

Для оптимизации процесса ведения избирательной кампании необходимо также обращать внимание на умение кандидата и членов его команды (в том числе и консультантов) казаться таким, каким желает видеть его избиратель. Кандидат вместе со своей командой должен представлять собой цельный политический образ. Команда должна быть подобрана по двум основным критериям:

– преданность делу и идеям самого кандидата;

– профессиональная компетентность каждого члена команды в соответствии с отводимой ему функцией.

Довольно часто в предвыборной кампании обычно в завуалированной форме используются манипулятивные технологии.

Одним из важнейших психологических механизмов манипуляции политическим восприятием является апелляция к эмоциональной сфере личности. Такие эмоции, как страх, ненависть, презрение и, наоборот, чувство патриотизма, гордости, чувство собственного достоинства эффективно используются при создании политической рекламы и для формирования нужных образов и стереотипов.

Другим важным механизмом манипуляции политическим восприятием является психологическое давление, нажим.

Для создания нужных образов и стереотипов в ходе манипуляции используют прием «подтасовки фактов». Хотя каждый из таких фактов может быть и верным, но в сочетании они дают неправильное, искаженное представление о действительности. Разновидность данного приема – выпячивание одних и замалчивание других фактов.

Также широко применяется прием драматизации событий. При этом частные, иногда малозначащие факты превращают, чуть ли не в главное событие сегодняшнего дня. Альтернативная версия данного приема – игнорирование нежелательных событий, замалчивание их. Иногда в ход идет прием «отрицания» событий.

Очень часто в политической рекламе и пропаганде используется метод упрощения фактов с целью облегчения процесса формирования образов и стереотипов. Пропаганда вообще часто исходит из убеждения, что чем примитивнее подаются факты, тем легче они запоминаются и удерживаются в сознании. Наряду с приемом упрощения факта активно используется прием преувеличения, который нацелен на дополнительное акцентирование события, преувеличения его значения в жизни населения [3].

ВЫВОДЫ

Результаты исследования подтверждают, что в современном мире политический консалтинг стал доминирующим институтом современного электорального процесса и неотъемлемым связующим звеном в организации процесса коммуникации между политическими лидерами, избирателями, заинтересованными группами в государстве.

Наиболее очевидная тенденция развития политического консультирования – это разнообразие и разделение деятельности специалистов по выстраиванию системы коммуникации с избирателями, политическими лидерами и заинтересованными группами. Главная задача консультанта состоит в гармонизации интересов определенных электоральных групп и политических лидеров.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- 1 Белл, Д. Социальные рамки информационного общества // Новая технократическая волна на Западе. – М. : Прогресс, 1986. – С. 330.
- 2 Практический смысл / Пер. с фр.; общ. ред. и послесл. Н. А. Шматко. – М. : Институт экспериментальной социологии; – СПб. : Алетейя, 2001. – С. 205.
- 3 Политическая реклама. – М. : Николо-Медиа, 2002. – С. 182-189.

Материал поступил в редакцию 30.11.18.

И. С. Теренченко¹, А. А. Айтмухамет²

Сайлау үрдісіндегі саяси кеңес беру

¹С. Торайғыров атындағы Павлодар мемлекеттік университеті,
Павлодар қ., 140008, Қазақстан Республикасы;

²Л. Н. Гумилёв атындағы Еуразия ұлттық университеті,
Астана қ., 010008, Қазақстан Республикасы.

Материал баспаға 30.11.18 түсті.

I. S. Terenchenko¹, A. A. Aytmuhamet²

Political consulting in the election process

¹S. Toraighyrov Pavlodar State University,
Pavlodar, 140008, Republic of Kazakhstan;

²L. N. Gumilyov Eurasian National University,
Astana, 010008, Republic of Kazakhstan.

Material received on 30.11.18.

Қаіргі уақытта саяси кеңес беру саяси үрдістің негізгі бөлімі мен механизмі болып табылады. Сайлаулардағы саяси күрес пен саяси қойбасшылардың бәсекелестік жағдайларда арнайы мамандар мен кеңесшілерді қажет етуі саяси кампанияларды нақты жоспарлауға септігін тигізбек, ол билік пен қоғам арасындағы өзара байланысты күшейтпек.

Жұмыста автор саяси сайлау кампанияларының түрлі стратегияларын қарастырады. Сонымен қатар, сайлау кампанияларының негізгі кезеңдеріне сипаттама жасалынып, сайлауалды штаб пен үміткердің іс-әрекеттеріне ұсыныстар берілді.

Political consulting is currently one of the important links and mechanisms for ensuring a number of political processes. Strengthening the competitive political struggle in elections and the need for political leaders to constantly and effectively interact with their electorate formed a request in the political environment for specialists and advisers, who are able to carefully plan political campaigns, seeking to increase interdependence and understanding between government and society.

In this work, the authors considered diverse strategies for conducting political election campaigns. The stages of the election campaign were also studied in detail, explicit recommendations were given to the actions of the campaign headquarters and the candidate himself.

ГРНТИ 11.15.07

И. С. Теренченко¹, Ж. Т. Тайкебаева²

¹магистрант, Павлодарский государственный университет имени С. Торайгырова, г. Павлодар, 140008, Республика Казахстан;

²магистрант, Павлодарский государственный университет имени С. Торайгырова, г. Павлодар, 140008, Республика Казахстан

**СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ
В ПОЛИТКОНСАЛТИНГЕ**

В последнее время процесс управления во многих сферах общественной жизни, особенно в экономической, социальной и общественно-политической областях, приобретает стратегический характер, что обуславливает необходимость расширения горизонта прогнозирования и планирования, повышения сбалансированности планируемых мероприятий по организационно-ресурсным возможностям. Затронули эти тенденции и область политического консультирования. Стратегическое планирование есть деятельность по разработке стратегии и её конкретизации в виде стратегического плана, то есть стратегическое планирование является важнейшей составляющей стратегического управления.

В работе авторами рассматриваются самые распространенные стратегии, применяемые в политическом консалтинге. Так же в работе освещаются основные виды и технологии, используемые в разработке стратегического плана в различных политических процессах.

Ключевые слова: политическое консультирование, политический процесс, стратегическое планирование, политический консультант, политические технологии, стратегия, выборы, избирательный процесс.

ВВЕДЕНИЕ

В современном мире в политическом консалтинге все большую роль играет стратегия продвижения политических имиджей и интересов кандидатов в процессе развертывания политических кампаний, позволяющая определить специфику политической конкуренции и сформировать параметры электорального поля.

Исследование электорального рынка один из важнейших этапов работы консультанта. Современная кампания может рассматриваться как цепочка решений, принимаемых на основе потока информации [1]. Поиск, получение и анализ достоверной информации с помощью новейших технологий – главная характеристика профессионального маркетингового подхода к организации избирательных кампаний.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Любая организация нуждается в стратегии, когда ее ресурсы ограничены или наблюдается неопределенность в ее конкурентных преимуществах и недостатках, в принятии эффективных решений в условиях ограниченного времени и пространства, в постоянном контроле и анализе определенной политической или иной среды [2].

Любой политический консультант для планирования избирательной кампании и разработки стратегии должен прекрасно разбираться

- в современных технологиях политического маркетинга;
- в позиционной политической борьбе;
- в имидже политического лидера и бренде партии, полученной в ходе исследования электорального поля;
- в характеристиках избирательного округа;
- в специфике электоральной системы и поведения;
- в особенностях влияния и функционирования партийных и других организаций;
- в наличии необходимых административных, информационных, финансовых ресурсов.

Подобная информация добывается в ходе серьезной аналитической и исследовательской деятельности, являющейся принципиально важной с точки зрения функционирования института политического консультирования. Рациональное использование всех имеющихся в распоряжении ресурсов позволяет политическому консультанту занимать определенную электоральную нишу [3].

В этой связи возрастает актуальность изучения взаимосвязи электоральной и социальной базы поддержки политических игроков. Без подобной информации очень сильно ограничены возможности создания стратегии, плана и бюджета кампании, разработки ключевых посланий для целевых аудиторий и выбор наиболее эффективных средств передачи информационных сигналов, приемлемых для восприятия избирателей.

Из этого можно сделать вывод, что стратегической составляющей победы на выборах является оптимальная интеграция и координация всех ресурсов и исследований.

Российские исследователи в области электоральных технологий, С. Ф. Лисовский и В. А. Евстафьев, определяют в стратегии избирательной кампании три обязательных элемента: рекламу позитивных сторон кандидата, защиту уязвимых сторон, разоблачение слабых сторон претендентов. А основная задача политического консультанта в разработки кампании состоит в нахождении баланса между тремя этими элементами: рекламой, обороной и наступлением [4].

На основании этого можно сделать вывод, что для разработки стратегии политической кампании необходимо проанализировать сильные и слабые стороны политического продукта или кандидата, увидеть возможности для его оптимизации и предотвратить угрозы его имиджу.

В процессе политического консультирования исследователи выделяют несколько видов стратегий.

Крейсерская (инерционная) стратегия. Она предполагает плановое ведение политической кампании, ровно и в одном темпе в течение всего времени. Эта стратегия больше всего подходит действующим политикам, лидерам общественного мнения, стремящимся сохранить свои позиции в ходе избирательной кампании. Для политического игрока приобретается одинаковое количество времени в различных СМИ на всех этапах кампании, ресурсы которой распределяются равномерно в ходе всей избирательной кампании.

Стратегия прорыва. Она заключается в том, чтобы сделать рывок на ранней стадии кампании, после чего существенно сократить или прервать агитационную деятельность и уйти в тень, чтобы на завершающей стадии кампании сделать второй еще более мощный рывок. Этот прием используется кандидатами, которые имеют низкий уровень узнаваемости. Суть же этой стратегии заключается в выстраивании коммуникации на начальной и завершающей стадии кампании за счет интенсивной агитации: покупке эфирного времени, написании газетных публикаций, распространении листовок, буклетов и других наглядных материалов.

Стратегия быстрого финала. Главный смысл этой стратегии заключается в том, чтобы начать избирательную кампанию размеренно и медленно, чтобы увеличить темп на последнем этапе в надежде победить на финише. Основные затраты на проведение идут в конце избирательной кампании.

Стратегия «большое событие». Она предназначена для привлечения внимания журналистов за счет активного пиар-сопровождения деятельности

кандидата. Главная цель стратегии – это создание ярких информационных поводов адекватных повестке избирательной кампании. Ставка делается на то, что журналисты осветят событие бесплатно в силу огромного общественного резонанса, обусловленного значимостью заявленной темы. Данная стратегия может быть построена на проведении ряда крупных мероприятий, организации пресс-конференций, озвучивании громких заявлений, которые делают повестку избирательной кампании кандидата еще актуальнее. Очень часто незадолго до запланированного мероприятия закупается большое количество рекламного времени, для того чтобы потом, после проведения мероприятий, подкрепить мысли и заявления, высказанные в ходе пресс-конференции [5].

Политическая стратегия делает консультанта эффективным менеджером избирательной кампании и позволяет найти приемлемые и доступные формы взаимодействия избирателя и кандидата. Однако не стоит забывать, что в конечном итоге победу политического лидера определяет выбор граждан, а задача стратегии – это связать воедино интересы кандидата и его избирателей.

Говоря об электоральной стратегии и стратегии политического консалтинга необходимо отметить три базовых инструмента маркетинга: сегментировании, прицеливании и позиционировании.

Сегментирование в рамках политического консалтинга представляет собой дифференциацию электорального поля через выделение сегментов – целевых аудиторий, обладающих половыми, возрастными, географическими, социальными, психологическими, демографическими, классовыми, потребительскими характеристиками. Цель сегментации – выявление тех категорий избирателей (т.н. «мишеней»), на которые должно быть направлено приоритетное внимание организаторов кампании. Самый распространенный вариант сегментации, который базируется на возможных состояниях спроса и соответствующих им электоральных стратегиях, был предложен французским исследователем Ф. Котлером [6]. Выглядит эта сегментация так:

- твердые сторонники – «полный спрос»;
- нетвердые сторонники – «нерегулярный спрос»;
- безразлично настроенные избиратели – «отсутствующий спрос»;
- нетвердые противники;
- две версии «негативного спроса»;
- твердые противники.

Другой французский исследователь М. Нуар более систематизировал сегментацию, предложенную Ф. Котлером, а именно:

– самая многочисленная группа избирателей, которую не могут игнорировать ни один кандидат или партия;

– наиболее убеждаемая группа избирателей, определяемая на основе т.н. коэффициента убеждаемости, т.е. разницы между лучшим и худшим результатами, полученными конкретным кандидатом или партией в ходе трех предшествующих кампаний в данной жилой агломерации;

– группа абстенционистов, которые проживают там, где конкретный кандидат или партия добиваются на протяжении последних выборов устойчивых и позитивных результатов.

Сегментирование как процесс связан с выявлением различных потребительских сегментов, определением их потребностей и существенных характеристик. Наиболее распространен подход, когда в основу сегментирования в политическом маркетинге кладутся социальные ценности, которые и являются инструментом выражения избирателем своего социального происхождения. Другой способ сегментирования основывается на эмоциональных ценностях, где приоритет отдается имиджу и символам, харизме, которые несет в себе определенный политический лидер.

Существуют и другие распространенные и более сложные способы сегментации электората. Избиратели часто различаются в соответствии с демографическими (пол, возраст), психографическими (социальный класс), социально-экономическими (уровень дохода), идеологическими (правые, левые, консерваторы, либералы), оценочными (позитивными или негативными) характеристиками.

Прицеливание – это четкое определение электоральной ниши, с которой будет работать политик или политический консультант. Это выбор наиболее подходящих для кандидата целевых аудиторий. Обычно выделяют два главных аспекта, которые находятся в центре внимания при определении нужных целевых аудиторий. Во-первых, это покупательная способность электоральной группы, на которую будет нацелена политическая кампания. Тут важен как объем целевых аудиторий в контексте влияния на электоральный процесс, так и фактор мобильности и социальной активности группы избирателей, на которых будет ориентирована кампания. Во-вторых, доступность целевой аудитории, т.е. технологическая возможность «достучаться» до нужного избирателя. Здесь имеются в виду инструменты, которые позволят эффективно доставить нужное сообщение до адресата, так и соответствие программы и имиджа кандидата запросам и интересам среднего избирателя в тех целевых сегментах, на которые будет работать политическая кампания.

Позиционирование – это использование всей совокупности политических и маркетинговых технологий для актуализации отличительных и специфических характеристик политического продукта и занятие в сознании избирателей определенной электоральной ниши. Позиционирование обычно ведется в двух направлениях. Первое связано с изменением самого политического продукта в соответствии с требованиями рынка, а второе – с изменениями представлений о политическом бренде или кандидате, зафиксированных в сознании целевых аудиторий.

SWOT-анализ – анализ сильных и слабых сторон кампании и ее возможностей. Этот анализ состоит из четырех сегментов: strength – сильные стороны, weaknesses – слабые стороны, opportunities – благоприятные возможности, threats – угрозы.

SWOT-анализ – это краткий документ, в котором рассматриваются основные факторы, например, ключевые различия в соотношении сильных и слабых сторон кандидата и его конкурентов, благоприятных возможностей и угрожающих факторов. В нем должен содержаться краткий обзор причин эффективности либо неэффективности предшествующей кампании или конкретных акций. Это должен быть сжатый, но в то же время полный анализ маркетингового исследования.

Одно из главных значений в стратегическом планировании имеет определение целей кампании. Кандидат и его консультант должны четко понимать, какую цель они преследуют. Конечно, не каждый может всерьез рассчитывать на победу, допустим, на президентских выборах, но цель должна быть у каждого. В качестве примеров можно привести следующие варианты:

- зарезервировать себе мандат низшего ранга (например, должность министра или руководителя региона);
- прийти в первом туре третьим и обменять полученные голоса на пост председателя правительства (или любой другой вариант политического торга);
- снять свою кандидатуру в обмен на выгодное предложение в структуре исполнительной власти;
- укрепить известность, повысить рейтинг;
- поддержать спрос на свою партию, личность лидера;
- заявить о себе, своих целях, приобрести сторонников и опыт, пробиться в политическое сообщество;
- сделать рекламу своей фирме и использовать для ее целей электоральное финансирование и другие.

Ученые-практики политического консалтинга выделяют три основных типа электоральной стратегии:

– концентрированная стратегия. При осуществлении данной стратегии все усилия консультантов направляются на одну-две категории избирателей. Главное достоинство такой стратегии – дешевизна, а недостаток – игнорирование других сегментов рынка и прочная ассоциация продукта с однажды приклеенной к нему этикеткой – раз и навсегда полученный «лейбл» ставит труднопреодолимые барьеры на жизненном пути политика.

– дифференцированная стратегия. Данный вид состоит в принятии для каждого отдельного сегмента электорального рынка специальной стратегии, в которой используются специальные язык, темы, каналы коммуникации. Эта стратегия дорогостояща и эффективна, хотя создает проблему цельности кампании кандидата и ослабляет вызываемое им доверие;

– недифференцированная стратегия. Она нацелена на всю совокупность избирателей и встречается довольно редко – только если речь идет о такой кампании, цель которой разделяет очень большое число граждан.

Каждая стратегия может быть использована консультантом в одной избирательной кампании, только на разных ее этапах:

– за 12-16 месяцев до выборов начинает применяться, как правило, недифференцированная стратегия, цель которой – добиться известности кандидата и сформировать его общий облик;

– за 4 месяца до выборов вводится в действие дифференцированная стратегия с целью завоевания доверия наиболее важных сегментов электорального рынка;

– на финишной прямой – за одну неделю до голосования – может быть использована концентрированная стратегия, нацеленная на «критическую массу» уже завоеванных избирателей, доверие которых ни в коем случае нельзя потерять.

Стратегическое планирование включает в себя определение не только приоритетных сегментов электорального рынка, типа стратегии, но и основных тем или проблем кампании. Задачей консультанта в этой связи является разработка так называемой «библии кампании». В этот документ включаются описание выявленных в ходе социологических исследований наиболее острых проблем экономической и социальной политики, защиты прав граждан, государственного управления и прочее. Так же здесь излагаются аргументы и факты в защиту позиции партии или кандидата по всем актуальным проблемам, критика позиций, занятых главными оппонентами кандидата или партии; ответы на возможные вопросы соперников, журналистов, избирателей и т.д. Примечательно в

этой связи упомянуть знаменитые теледебаты 1960 года между Р. Никсоном и Дж. Кеннеди, которые закончились в пользу последнего не только по причине его выигршной внешности. Во время подготовки к дебатам, Дж.Кеннеди добросовестно проработал и продискутировал с консультантами подготовленную ими «библию» из 15 страниц, содержавшую все те острые вопросы, которые гипотетически могли быть подняты во время передачи [7].

При разработке стратегии консультант выстраивает и тактику кампании, которая включает в себя, например, определение стиля кампании, который бывает оборонительным и наступательным, агрессивным. Оборонительные позиции обычно занимает «партия власти», особенно в случае непопулярности своего правительства, а наступление ведет оппозиция. Случается и обратное: правящая партия вынуждает оппонентов переходить в оборону. От выбранного стиля зависит «акцент» кампании – позитивный или негативный. Бывает, что кампания делится в соответствии с «акцентом» на две фазы: оппозиционная партия может начать с критики правительства, а затем перейти к позитивной фазе, подчеркивая сильные стороны своей программы. Позитивно-негативная тактика может быть принята и правящей партией.

Очень распространенной является стратегия, направленная на дискредитацию основного соперника. Специалисты называют ее антимаркетинг. Иногда антимаркетинг превращается в главную стратегическую цель кампании. В бизнесе прямой антимаркетинг запрещен, но в политике используется с незапамятных времен. Например, при раскопках в Помпеях на уцелевших стенах городских построек были обнаружены надписи: «Голосуйте за Ватиуса – за него голосуют все пьяницы!», «Голосуйте за Ватиуса – за него голосуют все, кто бьет своих жен!».

В политике, даже в самых цивилизованных странах, используют достаточно жесткий стиль ведения политического боя. Причем основной упор делается не столько на программе или реальной политике, сколько на личности, фактах биографии. Стратегия антимаркетинга часто строится на использовании компромата, к поиску которого даже подключают частных детективов. Если выясняется, что соперник никого не убивал, не грабил и не насиловал, то принимаются за изучение его высказываний. Промахи в речи, особенно устной, делают все. Иногда их достаточно для того, чтобы выстроить негативный образ соперника.

Каждая современная модель работы политического консультанта вбирает себя различные подходы. На структурном уровне при анализе инструментов выделяют четыре технологических элемента, которые

были взяты из коммерческого маркетинга: продуцирование, дистрибуция, ценообразование, продвижение.

Продуцирование в политике представляет собой совокупность инструментов создания, формирования и оптимизации имиджа кандидата или бренда партии, а также программу, с которой политический игрок идет на выборы. Данный элемент включает в себя такие черты, как инновационность, креативность, репутационный менеджмент («packaging») и т.д.» [8].

Дистрибуция – это следующий этап деятельности политического консультанта, предполагающий переход от разработки бренда и стратегии политического продукта к внедрению его в сознание потенциальных избирателей через адресную доставку нужных информационных посланий (меседжей) заинтересованным целевым аудиториям по специальным коммуникационным каналам. Данный элемент включает в себя не только встречи с избирателями, агитацию, произнесение речей, но и медиасопровождение избирательной кампании, событийный менеджмент, участие в пресс-конференциях, размещение заказных публикаций в определенных источниках СМИ и т.д. [9].

Продвижение в политическом консультировании означает совокупность инструментов, позволяющих продвигать определенный политический продукт на рынок. Основными инструментами продвижения имиджа кандидата или бренда партии являются: политическая реклама, прямая почтовая или электронная рассылка, паблик рилейшнз, наглядная агитация и т.д. В последнее время в теории продвижения становится популярной концепция интегрированных маркетинговых коммуникаций, которая предполагает интегрирование всех инструментов продвижения с целью получения кумулятивного эффекта.

Цена в понятии политического консультанта – это уменьшение затрат и рационализация ресурсов, которые использует кандидат в ходе политической кампании, за счет построения грамотной электоральной стратегии, позволяющей кандидату быть конкурентоспособным и выгодно отличаться от оппонента, то есть удовлетворить спрос избирателя по соотношению цены и качества.

ВЫВОДЫ

Таким образом, маркетинговые технологии могут служить надежным инструментом определения стратегии политической кампании и способствуют предельной рационализации подходов к процессу политического консультирования.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- 1 **Noir, M.** Réssir une campagne électorale: suivre un exemple américain? – P., 1977. – P. 74.
- 2 **Subhash, C. Jain.** Marketing planning and strategy. – Ohio : Thomson, 2004. – P. 24–28.
- 3 **Schinaars, Steven P.** Marketing strategy : customers and competition. – 2nd rev. – New York : Free Press, 2000.
- 4 **Лисовский, С. Ф., Евстафьев, В. А.** Избирательные технологии : история, теория, практика. – М. : РАУ, 2000.
- 5 **Кудинов, О. П., Колосов, С. В., Точицкая, Н. Н.** Комплексная технология проведения эффективной избирательной кампании в российском регионе. – М. : Изд. дом «Банк. дело», 1997. – С. 80–83.
- 6 **Котлер, Ф.** Основы маркетинга. – М., 1993. – С. 57–59.
- 7 **Nimmo, D.** The Political Persuaders. The Techniques of Modern Election Campaigns. – Englewood Cliffs, 1970. – P. 71.
- 8 **Franklin, B.** Packaging Politics: Political Communications in Britain's Media Democracy. – London : Oxford Univ. Pr., 2004. – P. 9.
- 9 **Robinson, W.** Organizing the field. / Campaigns and Elections American Style. J.A. Thurber and C. J. Nelson (eds). – Boulder : Westview Press, 1995. – P. 138–151.

Материал поступил в редакцию 30.11.18.

И. С. Теренченко¹, Ж. Т. Тайкебаева²

Политконсалтингтегі стратегиялық жоспарлау

^{1,2}С. Торайғыров атындағы Павлодар мемлекеттік университеті,
Павлодар қ., 140008, Қазақстан Республикасы.

Материал баспаға 30.11.18 түсті.

I. S. Terenchenko¹, Zh. T. Taikebayeva²

Strategic planning in political consulting

^{1,2}S. Toraighyrov Pavlodar State University,
Pavlodar, 140008, Republic of Kazakhstan

Material received on 30.11.18.

Соңғы кездері қоғамдық өмірдің көптеген салаларында, соның ішінде экономикалық, әлеуметтік және қоғамдық-саяси салалар стратегиялық сипатқа ие, ол болжау мен жоспарлаудың шеңберін

арттыруға, ұйымдастырушылық-ресурстық мүмкіндіктер бойынша іс-шараларды жоспарлауға жағдай жасайды. Бұл тенденциялар саяси кеңес беру саласын да қамтыды. Стратегиялық жоспарлау стратегиялық жоспар түрлері бойынша нақтылау қызметін білдіреді, яғни стратегиялық жоспарлау стратегиялық басқарудың негізгі бөлігі болып табылады.

Жұмыста авторлар саяси консалтингте кеңінен қолданылатын стратегияларға тоқталған. Сонымен қатар, жұмыста саяси үрдістерде қолданылатын стратегиялық жоспарлаудың түрлері мен технологияларына сипаттама береді.

Recently, the management process in many areas of public life, especially in the economic, social and sociopolitical areas, has become strategic in nature, which necessitates an expansion of the horizon of forecasting and planning, and increasing the balance between planned activities on organizational and resource opportunities. These trends and the area of political counseling are touched on. Strategic planning is an activity of developing a strategy and concretizing it in the form of a strategic plan, that is, strategic planning is an essential component of strategic management.

The authors consider the most common strategies used in political consulting. Also in the work the main types and technologies used in the development of a strategic plan in various political processes highlighted.

ГРНТИ 11.15

А. М. Турлыбекова

к.и.н., профессор, Факультет государственного управления, бизнеса и права Павлодарский государственный университет имени С. Торайгырова, г. Павлодар, 140008, Республика Казахстан
e-mail: TurlybekovaAM@mail.ru

ВОПРОСЫ СКЛАДЫВАНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СРЕДИ МОЛОДЕЖИ КАЗАХСТАНА В РАМКАХ МОДЕРНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ

В статье рассматриваются актуальные на сегодняшний день вопросы трансформации общественного сознания казахстанцев, в том числе касающиеся аспектов этнической идентичности. Важность научного изучения с точки зрения социально-гуманитарных наук проблемы идентичности и самоидентичности определяется современными процессами глобализации, грозящими, к сожалению, в некоторой степени потерей национальной культуры.

В связи с этим, автором предпринята попытка исследования основных компонентов этнической идентичности, факторов ее формирования в условиях социокультурной и политической социализации личности. Обращение к истории своего народа с его вековыми традициями является одним из значимых моментов в процессе складывания национального самосознания, осознания причастности к настоящему и возможному будущему народа. Не менее важным является формирование позитивной этнической идентичности, в особенности, в Казахстане, где проживает большое число этнических групп. Специфике данных вопросов и посвящена предлагаемая читателям статья.

Ключевые слова: этническая идентичность, позитивная идентичность, национальное самосознание, самоощущенность, нация, национальная история.

ВВЕДЕНИЕ

Этническая, этнокультурная идентичность любого народа складывается в результате знания событий своей истории и культуры, развития родного языка, образования, сохранения культурной самобытности. Этнокультурная

идентичность формируется в процессе свободного и добровольного жизнетворчества нации.

Состояние этнокультурной идентичности достигается через социокультурную сферу, и, соответственно, через социально-культурные институты к ней относящиеся: семью, дошкольные образовательные учреждения, общеобразовательные школы, средние специальные учебные заведения, высшие учебные заведения, культурно-досуговые учреждения национально-культурные центры, СМИ и др.

Взросший интерес социума к проблеме этнической идентичности и самоидентичности, оказывает свое влияние на систему воспитания и образования подрастающего поколения. Этническая идентичность во многом зависит от процессов, происходящих в обществе, к каковым на современном этапе можно отнести глобализацию, урбанизацию, европеизацию и как следствие – повышение культурной однородности мира. Преследуя различные интересы, государства создают военно-политические блоки, экономические союзы. Как ценность все чаще провозглашается космополитическая идея «человека мира». Параллельно с этим отмечается рост национального самосознания и национальных чувств, возрастает значение традиционных культурных ценностей. Это, в свою очередь, может приводить к стиранию тонкой грани между патриотизмом и национализмом, и как следствие – возникающие конфликты на основе этнической и конфессиональной розни. Следствием этого является распад целого ряда многонациональных государств из-за межэтнических и межконфессиональных конфликтов. Из чего следует, что формирование «сверхнациональной» или «транснациональной» идентичности носит болезненный и неоднозначный характер. Сложившийся парадокс в сфере этнокультурных процессов требует пристального внимания и поиска решений.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Свою специфику эти противоречия находят отражение в Республике Казахстан вследствие ее многонационального состава. С одной стороны наблюдаются процессы формирования единой самоидентичности взамен национальной на основе гражданства, а с другой усиливается интерес к национальной культуре и традициям. В современном обществе человек обладает правом выбора в отношении своего этнического самоопределения и свободой самоидентификации с той или иной этнонациональной общностью, что гарантируется Конституцией Республики Казахстан.

Учитывая тот факт, что на современном этапе развития Казахстана в рамках объявленной Президентом страны программы «третьей

модернизации», наблюдается новая волна роста национального самосознания, усиление научного интереса в поднимаемой проблеме становится очевидным. Актуальность проблемы нередко подчеркивается специалистами гуманитарных, общественно-научных направлений, а также широко обсуждается в средствах массовой информации. В статье главы государства Н. А. Назарбаева «Болашаққа бағдар: Рухани жаңғыру – Взгляд в будущее: модернизация общественного сознания» определены условия модернизации общественного сознания казахстанского общества. Причем, первым условием ставится сохранение своей культуры, собственного национального кода, без чего модернизация превратится в пустой звук. По словам Президента: «Без опоры на национально-культурные корни модернизация повиснет в воздухе. Я же хочу, чтобы она твердо стояла на земле. А это значит, что история и национальные традиции должны быть обязательно учтены» [1]. Определяя формы и уровни национального самосознания в современном Казахстане, необходимо учитывать и плоды идеологии тоталитарного государства, выдвигавшего лозунг формирования единой общности в государстве. Политика, направленная на устранение национальной разрозненности, нанесла существенный ущерб самосознанию, формированию позитивной этнической идентичности, прежде всего, у представителей малых этносов. Однако в нашем случае – не только малых, но и коренных. При социалистическом строе понятие «советский человек» определяло принадлежность к коммунистическому общественному строю и его культуре, где идеологический прессинг, атеистическое мировоззрение и стереотипы, выработанные тонкой обработкой сознания и мышления, привели к растворению национальных культур, забвению народной духовности и свободомыслия. Именно поэтому в настоящее время остро встал вопрос формирования гражданской идентичности, а вместе с ней и этнической [2].

Позитивная этническая идентичность есть личностное образование, представляющее собой осознание себя в качестве представителя определенной этнической группы, которое сопровождается положительным отношением к своему членству в данной этнической группе и сочетается с ценностным отношением к другим этносам.

Человек не выбирает себе национальность, он становится представителем этнического меньшинства или большинства помимо своей воли, по рождению. Совершенно очевидно, что в многонациональной среде люди по-разному ощущают себя, в зависимости от принадлежности к этническому «большинству» и «меньшинству».

В современных социальных науках, говоря о «меньшинстве», имеют в виду не только (и не столько) количественное меньшинство этноса по сравнению с другими, сколько его подчиненное положение в этносе. Этническая идентичность – глубинное образование личности, значимый компонент ее структуры. Эта ее особенность хорошо используется политиками, поэтому часто при решении политических, экономических проблем они играют на национальных чувствах граждан. Значимость и эмоциональное содержание этнической идентичности интуитивно чувствуется людьми и в повседневной жизни. Не случайно, поэтому в рамках модернизации общественного сознания, среди выделенных направлений, важное место занимает – сохранение национальной идентичности [3]. Проблемы, связанные с формированием этничности, как и в целом идентичности, являются ключевыми для подростков, поскольку именно в этом возрасте формируется эмоционально-оценочное осознание своей принадлежности к этнической группе. Отношение к своей этнической принадлежности подростка зависит от окружающей социальной среды, модели поведения значимых взрослых, предъявляемых ему. Педагоги школ, вузов, колледжей и других учебных заведений могут внести существенный вклад в формирование позитивной этнической идентичности, которая заключается в уважительном отношении к своей культуре, гордости за ее историю, традиции и уважительном отношении к культурам других народов, желании постигнуть многообразие культурного и этнического мира.

Анализ психологического, культурологического, исторического, территориального и политического измерений национальной идентичности показывает её как своеобразное символическое пространство, в котором общество преобразуется в национальную общность и предстает как многомерный и многогранный аспект. Главным объективным в большинстве случаев основанием выступает дух нации, голос крови. Идентичность представляет собой самоидентификацию индивида или группы с определенной социальной общностью, ценностями, образом жизни. На протяжении всей жизни человека она развивается нелинейно и неравномерно, меняя свои контуры и направления является необходимым условием развития личности.

Как пишет известный российский исследователь Гаджиев К. С. национальная идентичность включает множество компонентов, таких как мировоззрение, национальное самосознание и менталитет, национальный характер, историческая память, этнонациональные образы, национальные традиции, мифы, символы и стереотипы поведения и др. Немаловажными составляющими идентичности являются исторически сформировавшиеся,

относительно формализованные и зачастую конкурирующие между собой представления о месте страны в мире, её культурно-цивилизационной принадлежности, национальных интересах, геополитических приоритетах и т.д. [4, с. 7].

Важным фактором сохранения идентичности является память о прошлом, поскольку ею во многом питается сознание отдельно взятого человека, коллектива, общества. В силу того, что личностная самость человека формируется в процессе социокультурной и политико-культурной социализации, забвение прошлого затрудняет понимание собственной идентификации с соответствующим сообществом. Видение и оценка себя и окружающего мира – это в значительной степени продукт национальной истории и культуры, передающийся из поколения в поколение. Они складываются как результат синтеза взглядов, установок, позиций различных слоев населения, политической и интеллектуальной элиты, научного, и образовательного, экспертного сообществ, творческой интеллигенции, общества в целом. Соответственно, идентичность сообщества, народа, государства конституируется историческими традициями, сформировавшимися в течение многих поколений, веков, а то и тысячелетий национальными мифами, символами, стереотипами поведения и т.д. Развитие именно этих составляющих определено в Программной статье Н. А. Назарбаева. Усилия всех казахстанцев, и прежде всего, научной интеллигенции, государственных служащих, общественных организаций должны быть направлены на пополнение и обогащение сознания казахстанского общества историческими знаниями, способными развить гордость за богатую и глубокую историю своего народа, чувство долга перед будущими поколениями по достойному сохранению и передачи огромного культурного достояния.

Важное значение приобретает вопрос этнической идентичности среди самих казахов. Статья Президента страны Н. А. Назарбаева «Семь граней Великой степи» позволяет еще глубже подойти к проблеме исторической науки Казахстана. Учитывая достижения материальной, духовной жизни далеких предков казахов, встает потребность детального изображения истории прошлого в современном искусстве с целью широкого ознакомления, как в самом Казахстане, так и далеко за его пределами в условиях глобализирующегося мира.

«Этническое сознание казахов предполагает идентификацию индивида с историческим прошлым и акцентирует идею «корней». Важнейшей особенностью казахского этноса является историческая память, присущая каждому человеку, прежде всего мальчику-юноше, который должен помнить

имена своих предков до седьмого колена: это имя отца, представителя определенного рода, деда, прадеда и т.д. Именно эта традиция, прозорливо введенная нашими отцами, оказалась великой, потому что сохранила в целом чистым генетический код казахов, так как родственникам до 7 колена не разрешалось вступать в брак. Современные генетики доказали научную состоятельность постулатов древних тюрков. Культ предков является характерной чертой национального самосознания казахов» [5, с. 42].

Этническое самосознание, наряду с национальной идентичностью, отражается и идентифицируется этнокультурными артефактами, национальной и этнической историей, формируя национально-культурную идентичность как духовную основу современного бытия, становясь субстанциональной составляющей этничности и духовности казахстанского общества. Этнокультурное переосмысление истории, памяти и идентичности предполагает переоценку исторического и культурного наследия в поисках новых факторов и парадигм этнического «мы».

В становлении казахской идентичности следует обратиться к истории Казахстана и можно выделить несколько основных периодов, где прослеживаются основные признаки казахской общности, различающихся между собой направленностью и содержанием политических, экономических, культурных, идеологических и иных процессов.

Основной этап связан с образованием Казахского ханства и формированием этнической самоидентификации нового типа кочевников. Необходимо также упомянуть цивилизационно-культурные основы формирования казахского национального самосознания, в основе которой казахский этнос выработал свою культуру со своими традициями, языком, ценностями, верованием и мировоззрением. Все это послужило реальным историческим следствием жизнедеятельности Казахского ханства, последовательного становления казахской государственности. Сходные условия среды обитания, однотипная экономика, единый образ жизни и особый способ хозяйственного производства кочевников определили процесс формирования казахской этнической общности. У казахского кочевого населения возникает осознание своего этногенетического родства. «В сознании представителей многочисленных племен и родов казахских степей не могло не зародиться в этот период представление о себе как о едином народе. Именно в этот период развиваются и крепнут ростки, если можно так сказать, для этого этапа, единого самосознания будущей казахской народности» [6, с. 21].

Российский исследователь В. А. Тишков так обозначает этническую общность: «под категорией народ в смысле этнической общности мною

понимается группа людей, члены которой имеют общие название и элементы культуры, обладают мифом (версией) об общем происхождении и общей исторической памятью, ассоциируют себя с особой территорией и обладают чувством солидарности».

Наблюдался постоянный процесс формирования национального самосознания казахов как самостоятельного этноса. Сознание своего этнического единства казахский народ отразил во многих эпических произведениях и преданиях, откуда черпались идеи национального единства. Именно осознание людьми своей индивидуальности, т.е. непохожести на других, принадлежности именно к этой является важной чертой. Следует привести слова В. Д. Попова «У каждого народа есть свой особый духовный внутренний мир, отражающий его социальные, географические, этнические языковые и другие способности. Душа народа – это его общественная психология, то есть включающая такие всеобщие обоснования душевной жизни каждого человека, которые формируют его национальный характер, традиции, обычаи, нравы, привычки. И чем лучше психологическое здоровье народа, тем он сильнее духом» [7, с. 25].

ВЫВОДЫ

Несмотря на сложности политической идеологии периода царского самодержавия, советской власти, удерживавшие естественные процессы национального развития, казахи – как нация, нашли мотивы и механизмы для обеспечения своего единства и сохранения своей национальной идентичности.

Идентичность удовлетворяет одну из базовых потребностей человека – потребность в принадлежности, причастности и привязанности, в противовес им чувство «утраты корней», отверженности, одиночества, заброшенности, ненужности. Ведь удовлетворение потребности очень важно для человеческой жизни, и его отсутствие болезненно сказывается на человеке.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1 **Назарбаев, Н. А.** Взгляд в будущее : модернизация общественного сознания. – 12 апреля 2017 г.

2 **Биялова, Г. Н.** Этническая идентификация казахов: теоретическо-методологические аспекты. [Электронный ресурс]. – <http://kisi.kz/ru/categories/politicheskaya-modernizaciya/posts/etnicheskaya-identifikaciya-kazahov-teoriticheskoy-metod>.

3 **Айварова, Н. Г.** Формирование этнической идентичности в процессе образования // Вестник Югорского государственного университета. – 2015. – Выпуск 1 (36). – С. 9–16.

4 **Гаджиев, К.С.** Национальная идентичность : концептуальный аспект // Вопросы философии. – 2011. – № 10. – С. 3–16.

5 **Касымбеков, М. Б., Пралиев, С. Ж., Жампеисова, К. К.** и др. Мәңгілік Ел. – Алматы : Ұлағат, 2015 – 336 с.

6 **Востров, В. В., Муқанов, М. С.** Родоплеменной состав и расселение казахов. Алма-Ата, 1968. – 255 с.

7 **Попов, В. Д.** Психология и экономика. – М. : Советская Россия, 1989. – 304 с.

Материал поступил в редакцию 30.11.18.

A. M. Turlybekova

Қоғамдық сананы жаңғырту төңірегінде Қазақстан жастары арасында этникалық тұлғаны қалыптастыру сұрақтарын қарастыру

С. Торайғыров атындағы Павлодар мемлекеттік университеті,
Павлодар қ., 140008, Қазақстан Республикасы.

Материал баспаға 30.11.18 түсті.

A. M. Turlybekova

Questions of forming ethnic identity among youth of Kazakhstan within the framework of modernization of public consciousness

S. Toraihyrov Pavlodar State University,
Pavlodar, 140008, Republic of Kazakhstan.

Material received on 30.11.18.

Мақалада Қазақстанның қоғамдық санасын трансформациялаудың өзекті мәселелері, оның ішінде этникалық аспектілерге қатысты мәселелер қарастырылады. Әлеуметтік ғылымдар мен гуманитарлық ғылымдар тұрғысынан ғылыми зерттеулердің маңыздылығы, сәйкестілік және өзін-өзі анықтау мәселесі қазіргі заманғы жаһандану үдерістерімен анықталады, бұл, өкінішке орай, белгілі бір дәрежеде ұлттық мәдениетті жоғалтуға қауіп төндіреді.

Осыған байланысты автор этникалық сәйкестіктің негізгі компоненттерін, адамның әлеуметтік-мәдени және саяси әлеуметтену жағдайында оның қалыптасу факторларын зерттеуге

тырысты. Өз халқының гасырлар бойы қалыптасқан дәстүрлерімен үндеуі – бұл ұлттың қалыптасу үдерісіндегі маңызды сәттердің бірі, халықтың қазіргі және келешек болашағына қатысу туралы хабардар болу. Этникалық этностың оңтайлы қалыптасуы, әсіресе, этникалық топтардың көпшілігі тұратын Қазақстанда да маңызды. Бұл мәселелердің ерекшеліктері және ұсынылған мақалалар оқырмандарына арналған.

The article discusses current issues of transformation of the public consciousness of Kazakhstan, including those relating to aspects of ethnic identity. The importance of scientific study of the problem of identity and self-identity from the point of view of the social sciences and humanities is determined by modern processes of globalization, which threaten, unfortunately, to some extent by the loss of national culture.

In this regard, the author has attempted to study the main components of ethnic identity, the factors of its formation in the conditions of sociocultural and political socialization of the individual. Appeal to the history of its people with its centuries-old traditions is one of the significant moments in the process of forming national identity, awareness of involvement in the present and possible future of the people. Equally important is the formation of a positive ethnic identity, especially in Kazakhstan, where a large number of ethnic groups live. The specifics of these issues and devoted to the proposed article readers.

SRSTI 04.51.55

N. Anarbek

PhD in Political Science, leading research scientist, the Institute for the Harmonious Development of Human, NSPEHC «Bobek», Almaty, 050000, Republic of Kazakhstan

e-mail: nazanar@gmail.com

LANGUAGE POLICY IN THE CONTEXT OF SPIRITUAL MODERNIZATION OF SOCIETY

Reproduction of society's spiritual values is considered to be the main criterion that the progress of a given society and comprehensive development of an individual depend on, since only in case of adequate reproduction, a sociopolitical and economic stability in society occur. In this article, we will consider the main sociocultural mechanism for the reproduction of society's spiritual values, i.e. language development and corresponding language policy in the state using the example of Kazakhstan. The conceptual idea is that language policy heavily determines the preservation of statehood and is the most powerful means for the reproduction of society's spiritual values.

Keywords: humanization of society, spirituality of society, reproduction of society's spiritual values, sociocultural mechanism, language policy, state language, multilingual education.

INTRODUCTION

Spiritual values – mean particular spiritual values of mankind accumulated over millennia, which do not become worthless, yet, only increase in value. They show more ingenuous nature of social structure, developmental level, progressivity ratio of a society, the character of mutual relations between a society and a human as an individual. Spiritual values play the key role of human relations with a society, facilitating human interiorization, familiarizing human with all resources of social experience of a society, its material and spiritual culture.

Rukhani Zhangyru – is a policy article of the head of state, focused on revival of spiritual values of Kazakhstani people, with the consideration of all contemporary risks and globalization challenges (12 April, 2017). This article

stresses the importance of modernization of social consciousness, development of competitiveness and pragmatism, maintenance of national identity, popularization of knowledge culture and open mindedness of citizens [1].

This article will discuss the issues of the state language policy in line with spiritual modernization of a society.

In traditional view, language – is a specific medium social information transmission medium and means of behavioral control [1]. By means of language people transfer social experience, the most important achievements which are difficult to transfer by means of other sign vehicles. It is language that creates succession of generations of the nation.

Kazakhstan – is a multinational, dynamically developing state with its own historical and cultural heritage, successfully solving problems in various spheres. The conceptual idea is that the language policy determines, to a large extent, maintenance of statehood and is a powerful means of reproduction of spiritual values of a society. It is worthwhile to remind the statement of a Kyrgyz classical author, Chingiz Aitmatov: «Language is the first image of any nation, language is a combination of its experience, knowledge, culture, history. Language – is an emotional sensorium and a memory of a nation» [2]. As for multinational Kazakhstan, learning Kazakh language – is not only common respect to hospitable Kazakh people, to the country of the Great Steppe, with a rich history and authentic culture, but also the main factor of uniting of all Kazakhstanis into a civil nation. Honored steppen aqsaqal Gerold Belger, named by Kazakh society as Gera-aga, spoke: «My own deep conviction is that Kazakh language ought to be the only state language of Kazakhstan... If you live in Kazakhstan, you should recognize its culture, and, in the best sense of the word, accept it with all your heart and soul» [3].

MAIN BODY

The most traditional understanding of language policy as an aggregate of ideological principles and practical measures for the solution of language issues in a social medium and in the state. Language policy of a multinational state is highly sophisticated, because in this context is should consider such factors as multilingualism, uniqueness of ethnic composition and inter-ethnic relations, the role of individual languages and their native speakers in civil life [4].

Individual multilingualism and social multilingualism are the principal provisions forming the basis of the policy of the modern European Union and Council of Europe. During this time period of intensive political and cultural change in Europe, language policy take on greater and greater importance. Among key concerns of language policy there are such issues as provision of a continuous survivability of all European national languages, safeguards for the languages

of minorities, acceptance of the diversity in the context of teaching of foreign languages and creation of a novel European environment of higher education.

American sociolinguists, with reference to the USA, tend not to speak of linguistic pluralism, but to discuss linguistic loyalty: such language policy, creating an illusion of freedom of any attitude to the issue of a role of a language in the life of its native speakers, of the development of national culture, in the social and political life of people, in actual practice releases the state from economic, social, political, ethical concerns about the languages of dependent ethnicities and determines underestimation by the government of languages of ethnic minorities, their role and meaning in lives of their native speakers, refusal of support of their development and extension of their social functions [4].

Belarus shows an interesting example of promotion of a long-term trend with unstable dynamics, a so-called «Soft Belarussization» [5], which is seen as a process of embedding in the public perception of Belarusian national identity by means of raising significance of the Belarusian language, as well as promotion of narrative and symbols highlighting historical and cultural distinctiveness of Belarusians.

It should be mentioned that the language policy of Kazakh SSR in the pre-war period was based on the following normative legal documents: **«Decree on the languages», Regulation «On the increase of number of Kazakh speaking employees», Regulation «On the strengthening of control of the increase of Kazakh speaking employees», Resolution of the Regional Committee of the All-Union Communist Party «On prevention of great-power chauvinism in the involvement of Kazakhs in the state apparatus and industry of the Republic», Resolution of the Regional Committee of the All-Union Communist Party «On regular measures for provision of presence of representatives of indigenous population in factories». These documents facilitated the growth of employment of Kazakhs in factories and administrating authorities**, as well as the expansion of the sphere of application of the Kazakh language. In 1934 a Resolution of the General Executive Committee of the Republic «On compulsory learning of Kazakh language in non-Kazakh schools» as adopted [6].

As we can see, language policy, conducted by the Soviet regime in the territory of Kazakhstan in 1920–1930s, supported the status of the Kazakh language. Disappointingly, in the following 1940–1950s the favorable policy was changed, and regulatory documents, winding down the use of Kazakh language, were adopted. These documents included: the Law «On the transfer of Kazakh writing system from Latinized to the new alphabet based on the Russian writing», adopted on November 13, 1940; Resolution of 1941 «On cancellation of allowances for the knowledge of Kazakh language», Instructions of 1955 «On the release of Russian

schools from learning Kazakh language», a Resolution of May 9, 1955 initiated closure of Kazakh schools.

And only on September 22, 1989 in Kaz.S.S.R, the Law on Languages was adopted, and such notion as «state language» was introduced; it is when Kazakh language gained the status of an official state language. Russian language gained de jure status of the «language of international communication». According to the Constitution of Kazakhstan of 1995, the only state language is the Kazakh language: «Article 7: State language of the Republic of Kazakhstan is Kazakh language» [7].

What for contemporary language policy, it is implemented in Kazakhstan in accordance with the Constitution of the Republic of Kazakhstan, the Law «On Languages in the Republic of Kazakhstan» (dated June 11, 1997), State Program for the functioning and development of languages in the Republic of Kazakhstan for 2001–2010, State Program for the development and functioning of languages in the Republic of Kazakhstan for 2011–2020 and other documents regulating governmental and legal aspects of language relations. The main objective of the language policy is to ensure full-scale functioning of the state language as the most important factor of advancement of national unity with the preservation of all languages of all ethnicities residing in Kazakhstan. Language policy is an important part of the national policy of a state, therefore the maintenance of interethnic concord in the Kazakhstani society depends on its efficiency.

It should be mentioned that the Law «On Languages in the Republic of Kazakhstan» contains some contradictions. For instance, in Article 4 we see that «knowledge of the state language is a duty of each citizen of the Republic of Kazakhstan» [8]. It is followed by: «The government, other governmental, municipal and executive authorities must ... create any necessary organizational, material-and-technical conditions for easy and free learning of the state language for all citizens of the Republic of Kazakhstan» [8]. Thus, during 20 years the government and other state authorities did not manage to create the conditions for easy and, what is important, free learning of the state language, which immediately waives responsibility from Kazakhstanis for the failure to fulfill their duty of learning Kazakh language.

The latest news give a great hope for the establishment of the state language as a factor of national unity, as the Paragraph 3 of the Article 11 of the Law «On Education in the Republic of Kazakhstan» was amended as follows: «3) cultivation of civic consciousness and patriotism, devotion to the native country – Republic of Kazakhstan, respect of national symbol and state language, honor of national traditions, zero tolerance to any anticonstitutional and antisocial behavior» [9].

Kazakhstan is far not the only country in the world, for which the timely development of a state language as a media of reproduction of spiritual values of a society and preservation of national identity is essential. We all know the history of the establishment of statehood in Israel based on the «forced» implementation of Hebrew – from the process of its revival as a language, to mass adoption. In 1922, the British Royal Decree stated that the official languages in Palestine are English, Arabic and Hebrew [10]. During the period of the British Mandate for Palestine (i.e., before 1948), the official language in Palestine was English, which was spoken by governmental authorities, as well as the local population and many immigrants.

After the establishment of State of Israel, in 1949, the Knesset adopted an amendment, according to which the English language ceased to be official; Hebrew was declared to be the first state language, and Arabic – second. The governmental support of the establishment of Hebrew was based on weakening the states of other Jewish languages, specifically, of Yiddish and Ladino. During the period of establishment of sovereignty, one of key factors of the efficiency of language policy in Israel, was, undoubtedly, the stringent ideological message of Hebrew monolingualism, and Yiddish became a kind of a «carcass» of the new national identity.

Furthermore, traditionally Kazakhstan presents itself as a country, which gives equal opportunities for the development of the languages of all ethnicities of the Republic. President N. A. Nazarbayev announced on September 22, 1998 this days as the Day of the languages of the Republic of Kazakhstan. This language policy – is the heritage of the Soviet era; it is recognized that in the Soviet period, 25 percent (or, 40 percent, according to other sources) of Kazakh people did not know their own language [11].

Statistical agency pointed out that the conditions for the development of languages of Kazakhstani ethnicities have been created in the Republic: in 2011/12 academic years in republican schools, as part of academic program, as well as optionally and as a separate discipline, was organized learning of the following languages: Dungan (4853 students), Turkish (4291), Uigurian (4076), English (2054), Polish (728), Kurdish (463), Azerbaijani (385), Korean (228), Tatar (109) and other ethnical languages. There are 7 languages of teaching in Kazakhstan schools: **Kazakh, Russian, Uzbek, Uigurian, Tadjik, German and English** [12].

Unfortunately this language policy, aimed at the creation of conditions for the development of the languages of Kazakhstani ethnicities, has a set of contradictions, which do not promote spiritual values of the society, establishment of national identity or nation building.

For instance, in Ferdausi village located at the distance of 300 kilometers of Shymkent, a long-simmering contradiction resulted in an open conflict of the interests between a public secular school and national traditions. The village is primarily resided by ethnic Tajiks, and the teaching at school is conducted in the Tajik language. At the beginning of the academic year 2018/19, the headmaster excluded female students, who were insistent on wearing such religious identity attributes, as hijabs, from the lessons. Female students in head scarfs and their parents say that they use such headwear «due to their national traditions». According to the legislation of the Republic of Kazakhstan, the education system in the state is secularism; for instance, Article 3 of the Law of the Republic of Kazakhstan «On education» is devoted to this subject. Vice minister of education and science of the Republic of Kazakhstan, Elmira Sukhanberdiyeva, in one of the interviews highlighted that «from January of the current year the Order of the Ministry on the equal standards for school uniform, comes into effect in the territory of the Republic of Kazakhstan. Wearing religious attributes such as clothes, headwear, skullcaps, hijabs, etc., is not allowed, as well as it was not permitted previously. The requirements on the standard school uniform comply with the principles of the state structure. The above legislative standards are equal for all confessions and ethnicities. Whereby, the above rules do not limit the rights of students to free religious views. The religious clothes are prohibited only in educational institutions, but not beyond» [13].

Moreover, students finishing Tadjik schools do not continue their education in Kazakhstan and enter universities in Tajikistan. The same tendency is widespread among students finishing Russian, Uzbek, German and English schools. In 2018, according to statistical data, 147 thousand people finished schools in Kazakhstan. The aggregate amount of applications for the Unified national testing (UNT) and for the enrollment at a university was 102 447: 98 698 of students actually took the UNT. Over 77 thousand people stated willingness to take the UNT in Kazakh, which is 75 % of the total number. 25 thousand students took the exam in Russian. 46 students were willing to sit exams (UNT) in English, but only 28 of them actually took the exam [14]. The question is – which universities entered the remaining 45–48 thousand students? Unfortunately, such information is not available in statistical data, as the contradiction becomes obvious: vast sums from public funds are spent on training of human capital assets of other countries, but not on the reproduction of human resources here, in Kazakhstan.

Therefore, the language policy of Kazakhstan, oriented to the positioning itself as a country which provides equal opportunities for the development of all languages of all ethnicities of the Republic, in the context of strengthening of the state language as the core of national identity, establishment of a unite nation and

development, does not give targeted results. Such policy is a heritage of historical conditions and events, maintenance of internationalism policy, which was set in the Soviet period.

In one of the latest presidential messages, N. Nazarbayev underscored the importance of knowledge of the state language and creation of conditions for its learning; in addition, the policy of polylinguistic space is implemented in Kazakhstan: «A new method for teaching Kazakh language in Russian-speaking schools is developed and being implemented. The future of Kazakhstanis lies in fluency in Kazakh, Russian and English languages» [1].

The opinion of many public characters of Kazakhstan comes down to reminding that the language policy and polylinguistic space – are two separate things [15]. Whereas the first suggest that the state takes measures for the development of the state language, the second one means the form of educational system. This can be implemented in two ways in the educational process. First way includes teaching and repeating the materials in different languages (for example, one topic is taught in one language, repeated in another language and then checked in the third language). Second way includes the optimization of the number of subjects (say, four subjects are taught in Kazakh, four – in Russian and four – in English languages).

In Kazakhstan, the State Program of the development of education and science for the years 2016-2019, includes renovation of the educational content. The experiment of teaching in three languages was initiated in 2007 and was carried out in 33 schools. Currently the Road Map for 2015–2020 stipulates the measures for phased implementation of trilingual education at all educational levels.

Today multilingual education is successfully realized in specialized schools of Daryn chain, Nazarbayev intellectual school (NIS), in innovational and other schools. For the purposes of monitoring of the implementation of trilingual education, it is recommended to draw clear limits of the state of a multilingual educational institution.

For the transfer to trilingual education, four scientific and mathematical subjects were selected, all of which in senior school will be taught in English. They are: Physics, Chemistry, Biology and Computer studies. Teaching these subjects in English is planned to be commenced from 2019. Therein, the demand in teaching staff is 15 773 people [16].

Disappointingly, governmental authorities do not consider the public opinion of Kazakhstanis about the development of a polylinguistic space, especially as part of the state language policy. The opinion of foreign scientists should be taken into account, because such «Anglification» takes part in many countries. The dissemination of the English language has become an inherent part of globalization

(Smith 2004; Rigg, 2015; Kirkpatrick, 2016; Phillipson, 2009). In global scientific discussions, the English language is seen as a «killer-language», and adoption of the English language in higher education arouses increasing concern. The transfer to the English language has limited the use of local languages as educational ones.

Scientists raise alarm worldwide regarding the unfolding situation of the paramount priority of the English language and loosing national identity of other national languages and cultures. These scientists (Lorenzo, Casal, Moore, 2009; Barnar R., Robinson M., Costa N., Sarmiento J., 2011a) are currently raising attention to the issues of multilingualism. They are gravely concerned with the trend to the English language – «englishization», because it implies the adoption of the English way of thinking (Phillipson, 2009) [17]. «Internationalization became, neither more nor less than, strengthening of the English language as a tool of power and English mindset» (Traveskas, Eisenclas, Liddicoat, 2003) [18].

CONCLUSION

Therefore, as a result of the above discussion, the following can be concluded:

Language policy of the state should be pointed at one and single aim – the development of the state language, especially in the contexts of budget-saving.

Kazakhstan does not have any autonomies or enclaves, so, the development of the languages of other ethnicities residing in its territory, must become one of the main objectives of governmental or non-governmental organizations; for instance, the development of the Kazakh language in Russia, in the regions with high density of Kazakh population, is the task of the Republic of Kazakhstan, or local public associations.

The domestic educational policy is following the way of increasing independence of educational organizations, which means that schools (but not only schools) are allowed to decide on the extent of necessity of the implementation of the English language in the educational process. The conditions for the development of school policy have been created in Kazakhstan. Thus, the conditions for the enrollment to schools for the year 2019/2019 were changed: the list of documents required for the enrollment of children to the first form, excluded the local municipal statement of residence, because the parents have the right to choose another educational institution. It is safe to speak about the development of a new trend for Kazakhstan – the establishment of school policy. Also, the choice of creating a polylinguistic space – is an independent choice of each school as part of its policy.

The development of the state language is the primary objective or the global target of the Republic of Kazakhstan, as a key factor of spiritual modernization of our society and preservation of national identity.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1 Статья Главы государства «Взгляд в будущее: модернизация общественного сознания» 12 апреля 2017 // [Электронный ресурс]. – http://www.akorda.kz/ru/events/akorda_news/press_conferences/statya-glavy-gosudarstva-vzglyad-v-budushchee-modernizaciya-obshchestvennogo-soznaniya

2 **Айтматов, Ч.** Избранное. – Бишкек, 2008. – 430 с.

3 Герольд Бельгер: Я хотел бы, чтобы у меня судьба была как у Гёте // <https://www.zakon.kz/4684839-gerold-belger-ja-khotel-by-chtoby-u.html>

4 **Дешериев, Ю. Д.** Лингвистический энциклопедический словарь. [Электронный ресурс]. – <http://tapemark.narod.ru/les/616a.html>

5 **Рудковский, П.** Исследование BISS: «Мягкая белорусизация» продолжится // Минск, 2018. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://belsat.eu/ru/news/issledovanie-biss-myagkaya-belorusizatsiya-prodolzhitsya/> (Дата обращения: 01.10.2018)

6 **Кучкин А. П.** Советизация казахского аула 1926–1929 гг. – Изд-во Академии Наук СССР, 1962. – С. 330. – 430 с.

7 **Абдыгалиев, Б.** Языковая политика в Казахстане : состояние и перспективы // Казахская миссия : Сб. ст. – Алматы : Дайк-Пресс, 2007. – С. 237–244.

8 Закон Республики Казахстан от 11 июля 1997 года № 151-І О языках в Республике Казахстан (с изменениями и дополнениями по состоянию на 24.05.2018 г.) // [Электронный ресурс]. – https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1008034

9 Закон Республики Казахстан «Об образовании» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 04.07.2018 г.) // [Электронный ресурс]. – https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30118747

10 Языковая политика в Израиле. [Электронный ресурс]. – <http://www.ejwiki.org/wiki/>

11 **Хасанулы, Б.** Развитие государственного и других языков – фактор демократизации Республики Казахстан // Вестн. ПГУ. Сер. Социологические науки. – 2001. – № 1. – С. 166–176.

12 Данные агентства по статистике РК

13 Десятки учениц в селе Фердауси сняли платки, чтобы попасть в школу // [Электронный ресурс]. – <https://rus.azattyq.org/a/29472980.html>

14 84 тысячи выпускников из 98 преодолели пороговый балл на ЕНТ // [Электронный ресурс]. – <https://informburo.kz/novosti/-84-tysyachiy-ypusknikov-iz-98-preodoleli-porogovyy-ball-na-ent.html>

15 Талгат Касенов, специалист по социальным технологиям: «Трехязычие – самое полезное чудачество Минобразования» // [Электронный ресурс]. – <https://camonitor.kz/26595-yazykovaya-politika-gosudarstva-kakovo-v-ney-mesto-kazahskogo.html>

16 **Нурсеитова, Т.** Трехязычное обучение в Казахстане внедряется поэтапно Трехязычное обучение в Казахстане внедряется поэтапно // [Электронный ресурс]. – <https://www.zakon.kz/4891274-trehyazychnoe-obucheniye-v-kazahstane.html>

17 **Phillipson, R.** (2009) Figuring out the Englishisation of Europe // English in Denmark: Language Policy, internationalization and university teaching, – Vol. 9 – 2009. – P. 2–57.

18 **Traveskas, S., Eisenchlas, S., Liddicoat, A.** Language, culture and literacy in the internationalization process of higher education // Australian Perspectives on Internationalizing Education. – Melbourne. – P. 1–12.

Material received on 30.11.18.

Н. Анарбек

Тілдік саясат қазақ қоғамының рухани құндылықтарын ұдайы өндіру құралы ретінде

Адамның үйлесімді дамуы институты, «Бөбек» ҰҒПББСО,
Алматы қ., 050000, Қазақстан Республикасы.
Материал баспаға 30.11.18 түсті.

Н. Анарбек

Языковая политика казахстана в условиях духовной модернизации общества

Институт гармоничного развития человека, КНПООЦ «Бөбек»,
г. Алматы, 050000, Республика Казахстан.
Материал поступил в редакцию 30.11.18.

Рухани құндылықтарды ұдайы өндіру берілген қоғамның ілгері басыын, тұлғаның жасан-жақты дамуын анықтайтын негізгі критерий болып есептеледі, себебі лайықты ұдайы өндіріс болған кезде гана қоғамда қоғамдық-саяси және экономикалық тұрақтылық билейді. Осы мақаланың шеңберінде біз қоғамның рухани құндылықтарын ұдайы өндірудің негізгі әлеуметтік-мәдени механизмін қарастырдық – ол Қазақстанның үлгісіндегі тілдің дамуы және мемлекеттегі тиісті тілдік саясат. Мақаланың тұжырымдамалық идеясы

тілдік саясаттың көп жағынан мемлекеттіліктің сақталуын анықтайтынын және қоғамның рухани құндылықтарын ұдайы өндірудің аса күшті құралы болып табылатынын көрсету.

Воспроизводство духовных ценностей общества считается основным критерием, который определяет прогресс данного общества, всестороннее развитие личности, так как только тогда, когда идет адекватное воспроизводство, в обществе царит общественно-политическая и экономическая стабильность. В рамках данной статьи нами рассмотрен основной социокультурный механизм воспроизводства духовных ценностей общества – это развитие языка и соответствующая языковая политика в государстве на примере Казахстана. Концептуальная идея состоит в том, что языковая политика во многом определяет сохранение государственности и является мощнейшим средством воспроизводства духовных ценностей общества.

ГРНТИ 11.07.45

Г. А. Жумасултанова¹, А. А. Инджиголян²

¹к.и.н., доцент, кафедра «Политологии и социологии», Карагандинский государственный университет имени академика Е. А. Букетова, г. Караганда, 100017, Республика Казахстан;

²к.с.н., доцент, кафедра «Политологии и социологии», Карагандинский государственный университет имени академика Е. А. Букетова, г. Караганда, 100017, Республика Казахстан

e-mail: ¹qalia61@mail.ru; ²anzhela_i2002@mail.ru

МЕСТО ЦЕННОСТЕЙ ЕДИНСТВА В СТРУКТУРЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ КАЗАХСТАНЦЕВ В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ

Статья посвящена анализу такого важного концепта любого общества как единство и определению его места и интегрирующего значения в формировании казахстанской идентичности. Авторы, на основе результатов социологического исследования, детально анализируют эмпирические данные, выявляя, при этом, структуру ценностно-нормативной базы современных казахстанцев, делая вывод об их постоянной изменчивости и подвижности. Для определения места и роли ценностей единства в жизни современных казахстанцев авторами использовано и впервые введено в научный оборот большое количество исследовательского материала. Это позволило авторам доказать, что сегодня в Казахстане сложился уникальный для нового века этнополитический баланс и достигнут высокий уровень лояльности к национальным атрибутам, культуре и государственности, во многом благодаря ценностному значению народного единства в структуре национальной идентичности.

Ключевые слова: духовность, единство, идеология, интеграция, консолидация, культура, межэтнические отношения, нация, национальная идентичность, национальная идея, общественное сознание, религиозность, традиция, ценность,

ВВЕДЕНИЕ

Сегодня все мы являемся очевидцами того, что перед Казахстаном стоят широкомасштабные задачи динамичного развития и модернизации всех

сфер жизни. С этой целью в нашем государстве разработана комплексная политико-правовая идеологическая доктрина, включающая в себя несколько взаимосвязанных направлений.

Одним из таких направлений является «третья модернизация Казахстана», которая предполагает создание новой модели экономического роста, которая обеспечит глобальную конкурентоспособность страны. Эта программа была озвучена Президентом Казахстана 31 января 2017 г. в его Ежегодном Послании Народу Казахстана «Третья модернизация Казахстана: глобальная конкурентоспособность». Она включает следующие приоритеты: ускоренная технологическая модернизация экономики, улучшение бизнес-среды, макроэкономическая стабильность, улучшение качества человеческого капитала, институциональные изменения, безопасность, борьба с коррупцией [1].

Другое направление - «модернизация общественного сознания», которое определяет программу социокультурной модернизации страны с целью формирования Единой нации сильных и ответственных людей. Данная программа также была предложена Главой нашего государства в его статье «Взгляд в будущее: модернизация общественного сознания». В ней определяется, что модернизация этой сферы включает ряд направлений, к которым относятся конкурентоспособность, прагматизм, сохранение национальной идентичности, культ знания, эволюционное развитие Казахстана, открытость сознания [2].

Третье направление «Новая Экономическая Политика «Нұрлы жол» является планом инфраструктурного развития Республики Казахстан, который носит контрциклический характер и направлен на продолжение структурных реформ экономики. Новая Экономическая Политика основана на 7-ми основных направлениях: развитие транспортно-логистической инфраструктуры; развитие индустриальной инфраструктуры; развитие энергетической инфраструктуры; развитие инфраструктуры ЖКХ и сетей водо- и теплоснабжения; укрепление жилищной инфраструктуры; развитие социальной инфраструктуры; продолжение работ по поддержке малого и среднего бизнеса и деловой активности [3].

Реализация столь масштабных структурных изменений в экономике, политике, инфраструктуре и общественном сознании требует учета всех социокультурных компонентов и основных ценностей казахстанского общества, постоянного мониторинга за ходом реализации реформ и реакции на них общественного мнения, выявление потенциальных и реальных рисков и угроз, возможностей и препятствий на этом сложном пути.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Изучение вопроса показывает, что на всем протяжении становления и развития независимости нашей страны в научной среде постоянно проводился систематический мониторинг за важнейшими индикаторами социального самочувствия населения, уровнем межэтнической и межконфессиональной интеграции и отношению к проводимым реформам. Как показывают результаты многих исследований, казахстанцы характеризуются высоким уровнем гражданской самоидентификации. А в структуре их ценностных ориентаций преобладают патриотизм, гражданская солидарность и высокий уровень поддержки реформ, которые проводит наше государство в сфере укрепления национальной идентичности и консолидации казахстанского общества. Об этом свидетельствуют масштабные социологические опросы, которые ежегодно в режиме мониторинга проводятся в Казахстане такими крупными исследовательскими организациями как Институт Общественного мнения и Институт Евразийской Интеграции с 2016 года, материалы которых могут служить качественной эмпирической базой для вторичной обработки и анализа данных.

Результаты опроса показали, что у 67 % опрошенных казахстанцев гражданская идентификация преобладает над всеми другими видами идентификации. 13,2 % респондентов – идентифицируют себя в первую очередь со своим местом жительства (районом, городом, селом), 7 % – со своей областью, 4,3 % - с этносом, 3 % – со своим родом, 1,8 % – с религиозной конфессией, 3 % причисляют себя в первую очередь к гражданам мира. При этом, подавляющее большинство опрошенных считают своей Родиной Казахстан. Такой вариант выбрали почти 77 %. Распределение ответов на вопрос: «Что Вы считаете своей Родиной?» показаны в таблице 1.

Таблица 1 – Распределение ответов на вопрос: «Что Вы считаете своей Родиной?» (этнический разрез)

	Казахи	Русские	Другой национальности	В среднем
Республику Казахстан	80,0%	70,3%	73,1%	76,9%
СССР	4,3%	14,9%	9,6%	7,5%
Местность, в которой проживаю	7,6%	7,1%	9,1%	7,7%
Россию	0,7%	0,8%	2,5%	0,9%

Мою историческую родину	6,0 %	4,7 %	4,6 %	5,5 %
У меня нет родины	0,5 %	0,2 %	0 %	0,4 %
Другое	0 %	0,4 %	0 %	0,1 %
Затрудняюсь ответить	0,9 %	1,6 %	1,0 %	1,1 %
Итого	100,0 %	100,0 %	100,0 %	100,0 %

Результаты опроса также показали, что большая часть населения (90 %) не только чувствуют свою принадлежность к казахстанской нации, но и чувствуют гордость за это. Ключевыми причинами для гордости за свою страну для казахстанцев чаще являются ценности духовного уровня.

Треть опрошенных гордится тем, что Казахстан сумел сохранить гражданский мир и согласие. 27 % населения испытывает гордость за гармонию в межнациональных отношениях, а также гостеприимство и радушие народа. Каждый пятый респондент гордится размерами территории Казахстана, а также его природными богатствами. 17,7 % гордятся столицей Казахстана – Астаной. Каждый десятый опрошенный считает предметом гордости за страну духовные и культурные ценности народа, традиции и обычаи, достижения в спорте и культуре, высококвалифицированные кадры.

Большинство опрошенных (74,1 %) испытывают чувство общности со всеми казахстанцами, независимо от национальности. Идею, что все этносы страны вместе взятые составляют единую казахстанскую нацию, поддерживает большинство опрошенных – 63,5 %. В ходе исследования казахстанцам также предложили назвать основные консолидирующие факторы казахстанской нации.

Так, основу для формирования единой нации большинство опрошенных видят, прежде всего, в безопасности. 28,2% респондентов считают, что объединяет все этносы в единый народ Казахстана именно понимание необходимости сохранять мир внутри страны. При этом представители всех этносов проявили единодушие в этом вопросе. В региональном разрезе этот вопрос наиболее актуален для Кызылординской (38,5 %), Мангистауской (38,7 %) и Павлодарской (39,4 %) областей. Безопасность в восприятии казахстанцев – это, прежде всего, гражданский мир и отсутствие социальных или межэтнических конфликтов, что является особенно ценным в свете событий, происходивших и происходящих в странах дальнего и ближнего зарубежья.

Вторым по важности выбора консолидирующим фактором названы дружба и согласие (18,5 %). Этот вариант чаще выбирают респонденты из Карагандинской (28,1 %) и Северо-Казахстанской (30,4 %) областей. 13 % респондентов считают, что объединительным фактором для всех этносов страны является социальная справедливость для всех.

По мнению каждого десятого опрошенного, национальной идеей Казахстана должно стать стремление к благополучию каждой семьи. Примерно столько же респондентов считают, что основная идея заключается в любви к Родине. Следует также отметить, что ключевым фактором межнационального мира и согласия в Казахстане подавляющее большинство населения (90 %) считает личность Президента Нурсултана Назарбаева.

Довольно высоко казахстанцы оценивают роль Ассамблеи Народа Казахстана в обеспечении межнационального мира и согласия. Так о ее объединительном потенциале говорят 84 % опрошенных

76 % опрошенных считают, что народы Казахстана объединяет казахский язык. Другие 70 % полагают, что этому будет способствовать программа триединства языков. При этом и тот, и другой вариант чаще других выбирали казахи, особенно казахоязычные. Идея триединства языков более популярна среди молодых людей. Гораздо реже казахстанцы считают, что единству народа будет способствовать переход казахского языка на латиницу. Этому мнению придерживаются 50 %.

В контексте языковой ситуации интересны также исследовательские результаты, которые проводились в рамках научного проекта, финансируемого МОН РК в 2015–2017 гг. В реализации этого проекта участвовала доцент кафедры политологии КарГУ им. Букетова Е. А., к.с.н. З. Х. Валитова. Данные этих результатов были опубликованы в серии научных публикаций различного уровня, среди которых наше внимание привлекла статья «Национальное сознание и язык: региональный аспект».

Мы знаем, что с момента приобретения независимости в нашей стране казахское население стало увеличиваться и в настоящее время составляет большинство населения страны. В связи с этим следует согласиться с мнением З. Х. Валитовой, что «в этих условиях все больший интерес представляют процессы трансформации национального сознания и национальной/этнической идентичности». Поэтому, отвечая на вопрос: «Каковы элементы этой идентичности в представлениях и восприятии современных казахстанцев?» автор на материалах обширного исследования показывает, что «данный вопрос выявляет (с точки зрения респондентов) признаки этнической идентичности, не только казахской. Вместо слова «казахский» может прочитываться и «русский», «узбекский», «украинский» и т.д. Почти

для всех этнических групп основные признаки, по которым формируется представление об этнической принадлежности, сводятся к языку (76,0 %), культуре (33,1 %), традициям и обычаям (40,4 %). Как видно, для 76 % опрошенных, представляющих различные этнические группы казахстанского общества, язык является центральным этнодифференцирующим признаком. Следовательно, в анализе трансформации национального сознания и национальной идентичности важным является выявление значимости и функционирования языка, в первую очередь родного» [4, с. 5].

Что же касается материалов исследований, проведенных в 2016 году, то надо отметить, что изучение вопросов межэтнической дистанции, являющихся маркером реального состояния межэтнических отношений в нашей стране на данный период позволяет нам выявить наличие скрытых «проблемных зон» в межэтническом взаимодействии.

В современном научном сообществе определяется, что существуют ряд социологических и психологических шкал социальной дистанции, включающих в себя различные равномерно расположенные степени близости, «круги», в которые один человек готов допустить другого. Одними из наиболее близких кругов традиционно считаются круг «соседей», жителей близлежащих районов, а также круг «близких родственников», в том числе и ставших таковыми посредством брака. В связи с этим респондентам предлагалось ответить, готовы ли они принять в свой близкий круг представителей других этносов. В результате удалось выяснить, что подавляющее большинство населения (78,4 %) не выдвигает никаких этнических предпочтений при выборе соседей, не испытывает дискомфорта, независимо от того, представители какой этнической группы живут рядом с ними.

Самым близким кругом для каждого человека является круг его родственников, и казахстанцам предложили также ответить, как они относятся к перспективе породниться с представителями другой национальности. Результаты этого замера показали, что чуть больше половины казахстанцев (52,8 %) не испытывают дискомфорта при мысли о том, что в кругу их родственников окажется представитель другой национальности. В их числе 26,6 % относятся к этому нейтрально, 27,2 % – положительно. Как и в предыдущем вопросе, меньше значения национальности будущего родственника придают русские, две трети из них не имеют негативного отношения к перспективе принять в семью представителя другой национальности.

Готовность принять представителя другой национальности в семью не зависит от возраста респондентов, места их проживания и образования, то

есть обуславливается практически только установками конкретного этноса в отношении представителей других этносов.

Исследование также показало следующее: наряду с тем, что гражданская идентичность для большинства казахстанцев является первичной, жители страны во многом склонны ориентироваться на обычаи, традиции, обряды своего этноса, что в целом только способствует развитию культурного многообразия, являющегося отличительной чертой казахстанского общества.

В целом 79 % казахстанцев отмечают, что им важно следовать народным обычаям и традициям, принятым в их семье.

Желание соблюдать традиции своего этноса присуще в большей степени респондентам, проживающим в сельской местности (85,2 %); этнические традиции важнее соблюдать казахам (82,2 %), особенно казахоязычным (86,7 %) и казахстанцам со средним образованием (85,1 %), нежели респондентам, имеющим высшее образование (76,5 %). 15 % опрошенных вообще не придают большое значение соблюдению народных традиций и обычаев.

В проведенном исследовании основным показателем уровня консолидации общества является определение места гражданской идентичности в структуре ценностных ориентаций населения. Для оценки значимости на сегодняшний момент гражданской идентичности для жителей Казахстана респондентам был задан вопрос, кем они себя ощущают в первую очередь. В качестве ответа было предложено выбрать одну из семи групповых идентичностей: гражданскую («Я – гражданин Казахстана»), идентичности с местом жительства (район, город, село), со своей областью, со своим этносом, с религиозной конфессией, с родом (ру), со всем миром.

Если сравнивать результаты исследований по данному вопросу с более ранними опросами, то как считает отечественный политолог Серик Белгибаев: «Картина идентичностей в Казахстане согласно результатам социологических исследований посвященных вопросу казахстанской идентичности, проведенных Фондом развития государственной политики Республики Казахстан совместно с Министерством культуры в период с 2010 по 2013 года - распределение ответов респондентов на вопрос «Кем вы считаете себя в первую очередь?» мозаична. Большое значение имеет ранг (место), который получил в ходе опроса тот или иной вид идентичности. Основной идентичностью населения Казахстана выступает гражданская: подавляющее большинство респондентов, считают себя в первую очередь гражданами Казахстана. Этническая идентичность занимает третье место, уступив гражданской и региональной» [5].

Эти данные подтверждают, что, несмотря на присутствие различных видов идентичности среди граждан нашей страны, все же основополагающим

здесь является позиция идентификации отдельных индивидов с целой, единой страной, каким является многонациональный Казахстан. И это, несомненно, происходит в результате целенаправленной этнической политики государства и правильно выстроенной идеологической платформы действующей политической элиты, основанной на создании Нации единого будущего. Ведь именно благодаря продуманной внутренней политике в Казахстане сложился уникальный для нового века этнополитический баланс и достигнут высокий уровень лояльности к национальным атрибутам, культуре и собственно государственности. Об этом также свидетельствуют данные других социологических исследований, результаты которых были проанализированы известным отечественным социологом Раушан Шулембаевой.

В одной из своих аналитических статей Р. Шулембаева писала: «Знание госязыка выступает не просто как фактор легитимации казахстанской гражданственности этносов, но и как проявление истинной патриотичности. Быть гражданином Казахстана – значит быть его патриотом. Это базовое требование, которое не фиксируется никакими юридическими документами, однако выступает как идея общественного консенсуса. Исследование показало, что казахи видят патриотизм в знании государственного языка – 45,3 %, и этот признак следует сразу после критерия поддержки политики Президента – 49,6 %. Более того, среди представителей титульной национальности 86,3% считают изучение госязыка центральным выражением патриотизма. Среди русских это значение составило 59 %, других национальностей – 77 %» [6].

Социокультурной спецификой Казахстана является высокий уровень доверия и авторитета среди казахстанцев Н. А. Назарбаева, что также является позитивной предпосылкой успешной реализации реформ. Как показывает распределение ответов по результатам опроса 2016 года, Глава государства является наиболее авторитетным и вызывающим доверие большей части населения страны. Выборы Президента страны являются наиболее серьезным и важным для казахстанцев политическим событием. Результаты опроса показывают, что 60,2 % голосуют на них постоянно, 33,2 % – чаще всего и только 6,8 % респондентов отмечают, что они никогда не посещали выборы Президента. Среди населения распространено мнение, что именно от личности Главы государства зависят ключевые вопросы в стране. Так, к примеру, 90,7 % казахстанцев считают нынешнего Президента гарантом межнационального мира и согласия.

В то же время респонденты выделили ряд угроз и опасностей, которые возможно Казахстану придется преодолеть в ближайшее время. Так, по

мнению респондентов, программа модернизации общественного сознания, не должна превратиться в очередную кампанейщину. Процесс осознания населением необходимости кардинальных перемен в мировоззрении, в экономике и политике должен носить естественный характер, с учетом поколенческих, возрастных и иных социально-демографических характеристик. К изменению сознания надо подходить системно, продуманно, стратегически, а начинать преобразования с семьи и сферы образования.

ВЫВОДЫ

Как видим, проведенные исследования позволяют сделать вывод, о необходимости учета всей совокупности социокультурных аспектов и ценностей развития казахстанского общества при проведении преобразований, как способствующих, так и затрудняющих их реализацию. При этом, немаловажным является то, что в настоящее время для всех казахстанцев мир и единство являются наиболее важным фактором дальнейшего процветания республики и главным условием для реализации задач развития и укрепления казахстанской идентичности, которые были закреплены в принятой государством «Концепции укрепления и развития казахстанской идентичности и единства», утвержденного Указом Президента Республики Казахстан от 28 декабря 2015.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1 Послание Президента Республики Казахстан Н. Назарбаева народу Казахстана «Третья модернизация Казахстана : глобальная конкурентоспособность». 31 января 2017. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.akorda.kz/ru/addresses/addresses_of_president/poslanie-prezidenta-respubliki-kazahstan-nnazarbaeva-narodu-kazahstana-31-yanvarya-2017-g

2 Статья Главы государства «Взгляд в будущее: модернизация общественного сознания». 12 апреля 2017. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.akorda.kz/ru/events/akorda_news/press_conferences/statya-glavy-gosudarstva-vzglyad-v-budushchee-modernizaciya-obshchestvennogo-soznaniya.

3 Послание Президента Республики Казахстан от 11 ноября 2014 года «Нұрлы Жол – Путь в будущее». [Электронный ресурс]. – URL: http://adilet.zan.kz/rus/docs/K14002014_2

4 **Валитова, З. Х.** Национальное сознание и язык: региональный аспект [Текст] / З. Х. Валитова // Вестник КарГУ. Серия история, философия. – 2015. – № 2 (78). – С. 4–13.

5 К проблеме казахстанской идентичности / Из выступления политолога Серика Бельгибаева на первом заседании экспертной группы в рамках проекта «Организация комплекса мероприятий по изучению вопросов казахстанской идентичности». [Электронный ресурс]. – URL: <http://e-center.asia/ru/news/view?id=4744>

6 Шулембаева, Р. Народное единство сквозь призму социологии. / [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kazpravda.kz/news/obshchestvo/narodnoe-edinstvo-skvoz-prizmu-sotsiologii/>

Материал поступил в редакцию 30.11.18.

G. A. Zhumasultanova, A. A. Injigolyan

Қазақстандықтардың қоғамдық сананың жаңғырту аясында ұлттық бірегейлік құрылымындағы бірлік құндылықтардың орны

Академик Е. А. Бөкетов атындағы
Қарағанды мемлекеттік университеті,
Қарағанды қ, 100017, Қазақстан Республикасы.
Материал баспаға 30.11.18.

G. A. Zhumasultanova, A. A. Injigolyan

The place of values of unity in the structure of national identity of Kazakhstan in the conditions of modernization of public consciousness

Academician E. A. Buketov Karaganda State University,
Karaganda, 100017, Republic of Kazakhstan
Material received on 30.11.18.

Мақала кез-келген қоғамның бірлік ретіндегі маңызды тұжырымдамасын талдауға және оның қазақстандық бірегейлікті қалыптастырудағы орны мен интеграциялық маңыздылығын анықтауға арналған. Авторлар әлеуметтанулық зерттеу нәтижелеріне негізделген эмпирикалық деректерді егжей-тегжейлі талдай отырып, қазіргі заманғы қазақстандықтардың құнды-нормативтік негіздерінің құрылымын айқындады және олардың тұрақты өзгермелілігі мен ұтқырлығы туралы қорытынды жасайды. Қазіргі заманғы қазақстандықтардың өміріндегі бірлік құндылықтарының орны мен ролін анықтау үшін авторлар көп көлемдегі зерттеу материалдарын қолданды және алғаш рет ғылыми айналымға енгізді. Бұл авторларға Қазақстанда жаңа ғасырдың бірегей этносаяси

теңгерімі болғанын дәлелдеуге мүмкіндік берді. Сонымен қатар, авторлар бүгінгі күнде елімізде ұлттық бірегейлік құрылымындағы халық бірлігінің құндылықтардың маңыздылығына байланысты ұлттық атрибуттарға, мәдениетке және мемлекеттілігіне жоғары деңгейдегі төзімділік қалыптасқан деп тұжырымдайды.

The article is devoted to the analysis of such an important concept of any society as unity and the definition of its place and integrating value in the formation of Kazakhstan's identity. The authors, on the basis of the results of a sociological research, analyze empirical data in detail, identifying, at the same time, the structure of the value-normative base of modern Kazakhstanis, concluding on their constant variability and mobility. To determine the place and role of unity values in the life of modern Kazakhstan people, the authors used and first introduced a large amount of research material into scientific circulation. This allowed the authors to prove that today in Kazakhstan there was a unique ethno-political balance for the new century and achieved a high level of loyalty to national attributes, culture and statehood, largely due to the value of national unity in the structure of national identity.

Ж. М. Медеубаева¹, Р. М. Таштемханова²

¹к.и.н., и.о. профессора, Кафедра международных отношений, Евразийский национальный университет имени Л. Н. Гумилева, г. Астана, 010000, Республика Казахстан;

²д.и.н., профессор, Кафедра регионоведения, Евразийский национальный университет имени Л. Н. Гумилева, г. Астана, 010000, Республика Казахстан
e-mail: ¹Balapan1967@yandex.kz, ²tashtemkhanova@mail.ru

**ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЙ КУРС УЗБЕКИСТАНА
ПРИ Ш. МИРЗИЕЕВЕ: ВЛИЯНИЕ И ВОЗМОЖНОСТИ
ДЛЯ РЕГИОНАЛИЗАЦИИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ**

С приходом нового президента Узбекистана – Ш. Мирзиева страна взяла курс на обновление и реформ во всех ключевых сферах общественно-политической жизни. Главным приоритетом внешнеполитической сферы РУ заявлено налаживание отношений с соседями по региону. Интенсивность переговоров в отношении участков казахстанско-узбекских, таджикско-узбекских, узбекско-кыргызских границ, подтверждает истинность намерений внешнеполитического руководства. Такая политика Узбекистана имеет позитивное влияние на состояние межгосударственных отношений в регионе, на региональное сотрудничество. Естественно, ожидать сиюминутного решения вопросов, копившихся десятилетиями, не приходится, но сравнительный анализ показывает существенное улучшение ситуации в ЦАР.

Ключевые слова: Узбекистан, Центральная Азия, регионализация, внешняя политика РУ, региональное сотрудничество.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы. Успешность политики Республики Казахстан в Центральной Азии зависит от своевременного учета изменений, новых трендов, имеющих место в регионе. Сегодня международная ситуация заметно отличается от той, которая была характерна для межгосударственных отношений в ЦАР два-три года назад. Узбекистан, берущий курс на обновление, реформы при президенте М. Мирзиееве, стал главным ньюсмейкером в регионе. Страна, с самым большим населением и армией в регионе, последние годы показывает стабильный рост внутреннего валового

продукта. По мнению многих экспертов, при благоприятном стечении обстоятельств политика Ш. Мирзиеева создаст условия для прорывного развития этой страны. Такая ситуация в соседней стране интересна как с научной, так и практической точек зрения, потому что, многие эксперты пророчат ей роль регионального лидера в Центральной Азии в обозримом будущем.

Цели и задачи. Учитывая такую актуальность темы, в статье поставлена задача анализа текущего внешнеполитического курса Узбекистана при президенте Ш. Мирзиееве. Достижение поставленной цели предполагает изучение предусловий для нового курса и динамику перемен в общественно-политической жизни страны с особым упором на внешнюю политику страны.

Методология. При анализе рассматриваемой научной проблемы руководящей теоретической базой была теория трех уровней анализа внешней политики. Данная теория дает возможность рассматривать внешнеполитические действия страны как результат взаимодействия и синергию трех уровней: международного, государственного и индивидуального. Согласно этой теории в статье внимание было уделено внутрисубъективным процессам, динамика которых ныне действительно впечатляющая. Пример Узбекистана, когда лидер государства радикально меняет политику страны, особенно, во внешней политике, очень хорошо коррелируется с индивидуальным уровнем теории трех уровней анализа внешней политики, которая изначально ставила на решающие позиции руководителей, ключевых фигур при формировании международного поведения страны. Что касается, таких подходов, как примордиализм и функционализм, в статье была сделана попытка придерживаться принципов историзма и политического анализа, так, как они не антагонисты и взаимно дополняют друг друга. Из практических методов исследования полезными были метод сравнения, контент-анализ, паттерн-анализ.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Предпосылки перемен в Узбекистане. Как известно, внешняя политика Республики Узбекистан при прежнем президенте И. Каримове не отличалась дружеским характером по отношению к соседним странам. Региональная политика Узбекистана была самым уязвимым, конфликтогенным звеном во внешнеполитическом курсе страны. Узбекско-таджикские, узбекско-кыргызские отношения нередко доходили до прямых столкновений, человеческих жертв, разрыва отношений. Минированные поля, закрытые границы, отвержение какого-либо консенсуса в урегулировании спорных вопросов с соседями были рядовыми паттернами в межгосударственных

отношениях в регионе. Узбекистан, как и другие новые независимые государства, в процессе нациостроительства был склонен к обособлению, отрыву от своего регионального окружения. Самоидентификация после обретения независимости, заложение основ суверенного существования и нужды сохранения внутренней стабильности натолкнули страны ЦАР на формирование своеобразной конструкции государственной идеологии и политики. Одним из серьезных вызовов для узбекского государства на заре независимости была ускоренная исламизация, которая за короткое время приобрела радикальные формы. В декабре 1991 года члены религиозно-экстремистской группы «Адолат» захватили облисполком в г. Намангане и потребовали упразднить светские законы, ввести в стране устои шариата и тем самым объявить Узбекистан исламским государством [1]. «Угроза, возникшая со стороны радикально настроенных сторонников политизации ислама, подтолкнуло узбекские власти к ведению более жесткой политики в отношении религиозных объединений. При этом эффективность противостояния с религиозной оппозицией и негласная поддержка большинства населения позволила властям ставку на ограничение либерализации не только в духовной и политической сферах, но и в экономике» [2, с. 8]. Не последнюю роль сыграла гражданская война в соседнем Таджикистане. Политика импортозамещения и защита внутреннего рынка привели к экономической закрытости, отстраненности Узбекистана. Все эти факторы поспособствовали к принятию страной того внешнеполитического курса, который отдалял ее от конструктивного сотрудничества с странами своего региона. «В целом, нужно признать, что идеологические конструкции, созданные в большинстве стран ЦАР, помогли им преодолеть начальный период неопределенности, и во многом заложили модели и культуру управления во внутренней и внешней политике. Если вкратце охарактеризовать модель управления, основанную на гибридной идеологической конструкции, то в своем идеальном виде она представляет искусство обеспечения баланса между всеми компонентами конструкции и не допущения чрезмерного смещения влияния в сторону одного из них. Появления подобного смещения создало бы прямые предпосылки для плохо контролируемой трансформации компонента в его более радикальную форму, например, традиционного ислама в радикальную версию, с последующим подавлением им других компонентов конструкции, что вело бы к угрозе внутренней стабильности и вынуждало бы власти идти на открытое применение силы» [3].

Первые признаки изменений подхода к соседним странам были поданы еще при прежнем президенте. Особо обратило на себя внимание

посещение Исламом Каримовым Астану в ноябре 2014 года. Из содержания его выступлений во время визита стало понятно, что события, которые как раз на тот момент происходили в мире, и стали главной причиной резкого изменения его настроения. Узбекский лидер решил, что в нынешних сложных условиях, его стране нужна надежная опора. К тому моменту Узбекистан приостановил свое членство в ОДКБ, закрыл американскую военную базу, конфликтовал с соседними Таджикистаном и Кыргызстаном по водным вопросам. По сути, страна оставалась без поддержки и России, и США вкуче с ЕС, на случай прямой военно-политической, террористической угрозы. В такой ситуации бывший президент РУ «вспомнил» о ближайшем соседе, Казахстане, также о том, что между странами уже год как подписан Договор о стратегическом партнерстве. И. Каримов даже признался, что «раньше не придавал значения подписанию межгосударственных договоров с Казахстаном». Если вспомнить, как немногословен был узбекский лидер во время предыдущих визитов РК и встреч с Н. Назарбаевым и как повел себя к концу 2014 года, то можно полностью согласиться с экспертами, утверждающих о начале совершенно нового этапа в казахстанско-узбекских отношениях еще при И. Каримове.

Динамика «перезагрузки» во внешней политике РУ. Естественно, что перезагрузка отношений в ЦАР напрямую связывается с приходом к власти в Узбекистане нового президента – Ш. Мирзиева. С его приходом страна взяла курс на обновление и реформы во всех ключевых сферах общественно-политической жизни, хотя ряд экспертов не питает иллюзий насчет революционности политики Ш. Мирзиева, считая его по сути продолжателем дела бывшего президента. Как заявил тогдашний министр иностранных дел республики Ж. Вахабов, главным приоритетом внешнеполитической сферы страны станут отношения с соседями по региону. На самом высоком уровне в Узбекистане заявлено, что Центральная Азия – главный приоритет внешней политики страны. В рамках стратегии развития Узбекистана на 2017–2021 годы Ташкент будет способствовать созданию пояса добрососедства и сотрудничества в регионе [4]. Свидетельством истинности намерений нового узбекского руководства улучшить отношения с соседними государствами стал курс на делимитацию и демаркацию участков границ с Казахстаном, Кыргызстаном и Таджикистаном, являющихся спорными, в ближайшее время. В конце 2016 года Ташкент предпринял конкретные шаги по разрешению конфликтных ситуаций на границе с Кыргызстаном. Параллельно ведутся переговоры в отношении участков казахстанско-узбекских, таджикско-узбекских границ, представляющих собой конфликтные узлы. Инициатива узбекской стороны

нашла поддержку у соседей [5]. Конечно, переговоры по урегулированию пограничных проблем не проходят гладко. Ожидать сиюминутного решения вопросов, копившихся десятилетиями и отравлявших жизнь не одному поколению людей в этих странах, не приходится. Но особо обнадеживают интенсивность, динамика узбекско-кыргызских отношений, известных своим драматизмом, ожесточенностью. Сдвиги, достигнутые в договорно-правовом оформлении границ между Узбекистаном и Кыргызстаном (делimitированы 49 участков), говорят о серьезности намерений сторон.

Надежду на долгосрочную стабилизацию ситуации в регионе вселяют позитивные сдвиги в узбекско-таджикских отношениях [6]. Если вспомнить, что степень столкновения между этими государствами доходила до железнодорожной войны, взрыва моста в 2011 году на территории Узбекистана, соединявший Таджикистан с другими государствами СНГ, минирования нейтральной полосы на таджикско-узбекской границе, то можно понять, насколько важны и многообещающие попытки их урегулирования, улучшения. За последнее время отрегулировано железнодорожное сообщение между Узбекистаном и Таджикистаном, отменен ряд проверок на границе, которые раньше доставляли определенные трудности для обеих сторон. Также возобновлено воздушное сообщение между столицами этих государств. Но самым впечатляющим событием стало начало строительство в Таджикистане Рогунской гидроэлектростанции в октябре 2016 г., вернее, не само строительство, а восприятие этого в Узбекистане. При прежнем президенте И. Каримове даже мысль об этом была недопустимой. Не далее июня 2016 года, когда еще И. Каримов здравствовал, нынешний Президент Ш. Мирзиёев в бытность премьер-министра отправил в адрес таджикского правительства письмо с угрозами вплоть до применения радикальных мер в случае начала строительных работ. А когда президент Таджикистана И. Рахмон в октябре того же года на бульдозере снес каменную насыпь, тем самым символически дав старт строительству гидроэлектростанции, узбекская сторона ни единым звуком не выказало свое отношение. Вслед за этим в ноябре министр иностранных дел Узбекистана А. Камилов принял первого заместителя министра энергетики и водных ресурсов Таджикистана С. Рахимзоду. Официально стороны обсуждали проблемы рационального использования водноэнергетических ресурсов в регионе, но, по мнению ряда экспертов, помимо этого таджики убеждали Ташкент в том, что Узбекистан не пострадает в результате строительства Рогунской ГЭС. Видимо, узбекская сторона вняла доводам таджикских коллег, по крайней мере, по сей день от нее не последовало негативной реакции. Небезосновательны мнения некоторых экспертов о том, что Ташкент сейчас

больше заботят экономические интересы. Например, дальнейшее потепление взаимоотношений сулит открытие неосвоенного таджикского рынка для узбекской автомобильной промышленности.

9 марта 2018 года Президент Узбекистана Шавкат Мирзиёев совершил визит в Таджикистан, который стал первым за 20 лет. По результатам переговоров с Эмомали Рахмоном, был подписан солидный пакет документов о сотрудничестве в сферах экономики, торговли, политики и транспорта, об установлении безвизового режима и о делимитации государственной границы. Было восстановлено железнодорожное сообщение между двумя странами, открыт пропускной пункт «Андархон-Патар» в Ферганской области. Несмотря на динамичные сдвиги в узбекско-таджикских отношениях, по мнению российского эксперта А. Грозина, Рогунская ГЭС вряд ли перестанет быть камнем преткновения между двумя странами. «По его словам, из-за станции может серьезно снизиться уровень воды в местной водной артерии. Это повредит развитию сельского хозяйства в этом регионе – пострадать могут узбекские фермеры. Да и в целом, станция – неплохой рычаг влияния на соседа, что крайне негативно воспринимает Ташкент» [7].

Что касается узбекско-туркменских отношений, то и у них тоже наблюдаются позитивные сдвиги. В январе текущего года граница между Узбекистаном и Туркменистаном, закрытая четыре года назад, наконец, открылась для свободного, безвизового пересечения граждан обоих государств со сроком на три дня. Примечательно, что инициатором открытия выступил президент Узбекистана и границы были открыты в канун его приезда в приграничные области с Туркменистаном. А визит узбекского президента в Туркменистан в марте 2017 года вовсе удивил всех. Это был первый визит Ш. Мирзиёева в качестве президента, который по одним ожиданиям должен бы быть совершен в Россию, по другим в Казахстан. По итогам встречи президентов двух стран был подписаны договор о стратегическом партнерстве и другие принципиально важные документы в сфере экономического, торгового взаимодействия. С посещением Туркменистана узбекский лидер, естественно, продемонстрировал некую нейтральность, а то и независимость своих внешнеполитических ориентиров игроками. Но так же верно и то, что на налаживание отношений с Туркменистаном, с которой у Узбекистана самая протяженная граница, наталкивают нужды расширения логистики перевозок, связывающих их с внешним миром.

Перспективы регионализации в Центральной Азии. В конце 2017 г. узбекский лидер еще раз подтвердил курс на налаживание отношений с соседями по региону. На международной конференции «Центральная

Азия: одно прошлое и общее будущее, сотрудничество ради устойчивого развития и взаимного процветания», которая прошла в Самарканде в 2017 г., президент РУ Шавкат Мирзиёев выдвинул инициативу создать Ассоциацию глав стран Центральной Азии. В своей речи на конференции он сказал: «Сегодня необходимо уделить приоритетное внимание межрегиональному сотрудничеству. В этой связи предлагаю учредить Ассоциацию руководителей, то есть глав регионов и бизнес-сообществ государств Центральной Азии. Когда мы ведем прямой диалог с регионами, с их руководителями и бизнес-сообществами, у нас результат, как говорится, налицо. Когда мы им не то, чтобы помогаем, а не мешаем – результатов больше же» [8]. В Самарканде главы внешнеполитических ведомств Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана подписали «Программу сотрудничества между министерствами иностранных дел стран Центральной Азии на 2018–2019 годы». В этой программе уже говорится о выработке согласованных предложений и позиций по развитию регионального взаимодействия в сфере торгово-экономического, инвестиционного, транзитно-транспортного, водно-энергетического и других направлений сотрудничества.

Большинство экспертов уверены в том, что политика Ш. Мирзиёева несет в себе большой заряд для налаживания регионального сотрудничества в ЦАР: «2017 г. запомнился новой внутренней и внешней политикой Узбекистана. Президент республики Шавкат Мирзиёев инициировал экономические и финансовые реформы, обновил государственный аппарат и предпринял шаги к нормализации отношений с соседними государствами Центральной Азии. Эти меры будут способствовать укреплению безопасности и экономическому прогрессу региона в новом году» [9].

Надежду на реальное установление и укрепления взаимопонимания в регионе дала встреча лидеров государств ЦАР в канун праздника Наурыз в 2018 году и то, что Казахстан поддержал инициативу президента Узбекистана по продвижению регионального сотрудничества. Эта встреча была консультативной, рабочей и неформальной, запланированной без повестки и принятия совместных документов. Самой интересной особенностью этой встречи является то, что лидеры стран Центральной Азии впервые за последние 13 лет собрались вместе без представителей внерегиональных государств. Из всех глав государств региона на встрече не было президента Туркменистана, его представлял спикер туркменского парламента. Несмотря на такую ограниченность, данная встреча имела большое значение для налаживания регионального сотрудничества. Одним из наиболее важных вопросов повестки встречи являлось обсуждение

развития торгово-экономических отношений в регионе. Все участники были единодушны в том, что укрепления взаимопонимания и доверия, расширение связей во всех сферах соответствует интересам собственных стран. Президент РК Н. Назарбаев, подытоживая это мероприятие, отметил: «Мы не собираемся создавать какие-либо новые структуры. Наши встречи, следующая из которых состоится в Узбекистане через год, так же перед нашим общим праздником Новруз, обозначает такие же региональные группы государств, как, к примеру, Вышеградская группа» [10]. Президент Узбекистана во всех своих выступлениях по вопросам ситуации в ЦАР подчеркивает, что не ставит целью какого-либо интеграционного объединения для продвижения взаимодействия и сотрудничества в регионе. Пока страны укрепляют взаимопонимание, расширяют контакты на двусторонней основе. Еще одним подтверждением такой обнадеживающей ситуации является вопрос о создании «Азиатского Шенгена», рассматриваемый сегодня в государствах ЦАР с большим энтузиазмом. Инициативу Казахстана по созданию в Центральной Азии подобие Шенгенской зоны поддержали Кыргызстан и Туркменистан, теперь дело за Узбекистаном. Единая визовая зона в регионе практически очень выгодна для этой страны, у которой большой потенциал для развития туризма. Если учесть, что сегодня в Узбекистане последовательная политика по развитию туризма становится одной из стратегических отраслей национальной экономики, способной в перспективе содействовать решению важнейших социально-экономических задач, то дальнейшая судьба этого проекта не безнадежна.

ВЫВОДЫ

Тем самым, с приходом Ш. Мирзиёева в Узбекистане наметились и укрепляются реформистские тренды внутри страны, имеющие позитивный эффект для налаживания межгосударственного сотрудничества в ЦАР. В результате такого курса наметилась активизация региональной политики и сегодня можно считать устоявшей тенденцию на устранение всех барьеров на пути налаживания сотрудничества между странами региона. Страны ЦАР пусть пока в двустороннем формате обсуждают и решают проблемы, находят консенсус в спорных вопросах региональной политики. Это, несомненно, большое достижение по сравнению с тем, что было в прошлом, когда центральноазиатские государства в своих отношениях доходили до прямых стычек, конфликтов. Сегодняшние позитивные сдвиги в архитектонике в ЦАР на выходе могут дать мощную синергию, создав, тем самым, реальную основу для региональной интеграции в перспективе.

А сам Узбекистан стал провайдером процессов регионализации и ключевым актором межгосударственных отношений в Центральной Азии.

Естественно, имеют почву опасения по поводу непродолжительности, поверхностности всей политики Ш. Мирзиеева, особенно, ее регионального сегмента. Ведь сам президент РУ изначально позиционировал себя как продолжатель дела и политики И. Каримова. Ему будет нелегко подняться над межэлитными, межклановыми отношениями и до конца отстаивать свой курс на обновления узбекского общества. Но, если учесть факт того, что в ЦАР политика персонифицирована и лидеры играют решающую роль в формировании внешней и внутренней политики, можно надеяться на реальность и последовательность курса Ш. Мирзиеева.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1 **Акимбеков, С. К.** истории и практике религиозной политики в Казахстане // Казахстан в глобальных процессах. – 2013. – № 2. – С. 20.

2 **Сарабеков, Ж.** Узбекистан на современном этапе. – Алматы: ИМЭП при Фонде Первого Президента РК, – 2014. – 70 с.

3 **Махмудов, Р.** Оценка перспектив региональной интеграции в Центральной Азии – [Электронный ресурс]. – <http://caa-network.org/archives/12111> (Дата обращения 10.03.2018).

4 **Ибраимов, О.** Постукраинская Центральная Азия. Начало перемен? – [Электронный ресурс]. – <http://rus.azattyk.org/a/26732673.html> (Дата обращения 17.04.2018).

5 Между Ташкентом и Душанбе наметилось потепление: долго ли оно продлится? – [Электронный ресурс]. – <http://politobzor.net/show-121756-uzbekistan-v-kvartirnom-voprose-centralnoy-azii.html> (Дата обращения 18.04.2018).

6 Таджикский политолог о реформах президента Узбекистана Шавката Мирзиёева – URL: [Электронный ресурс]. – <https://regnum.ru/news/polit/2264759.html> (Дата обращения 16.05.2018).

7 Встреча Рахмона Мирзиеева «хороша на словах» – [Электронный ресурс]. – <http://sng.fm/sngnews/7866-vstrecha-rahmona-mirzieeva-horosha-na-slovah.html> (Дата обращения 02.07.2018).

8 Эксперты Кыргызстана, Казахстана и Узбекистана сходятся на том, что регион переживает серьезную трансформацию региональной политики – [Электронный ресурс]. – http://www.vesti.kg/index.php?option=com_k2&view=item&id=48912:strany-centralnoi-azii-vyhodiati-na-novyi-geopoliticheskiemid=125#ixzz4zGugRhKl (Дата обращения 05.06.2018).

9 Мнение российских политологов об основных трендах // Центральной Азии в 2018 году – [Электронный ресурс]. – <http://cabar.asia/ru/mnenie-rossijskih-politologov-ob-osnovnyh-trendah-tsentralnoj-azii-v-2018-godu/> (Дата обращения 02.06.2018).

10 В Астане прошел первый саммит глав государств Центральной Азии – [Электронный ресурс]. – <https://www.hronikatm.com/2018/03/v-astane-proshel-pervyy-sammit-glav-gosudarstv-tsentralnoy-azii/> (Дата обращения 18.07.2018).

Материал поступил в редакцию 30.11.18.

Ж. М. Медеубаева, Р. М. Таштемханова

Ш. Мирзияев кезіндегі Өзбекстанның сыртқы саясаты: Орталық Азиядағы аймақтандырылуға ықпалы мен мүмкіндіктері

Л. Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті,
Астана қ., 010000, Қазақстан Республикасы.

Материал баспаға 30.11.18 түсті.

Zh. M. Medeubayeva, R. M. Tashtemkhanova

Uzbekistan's foreign policy under Sh. Mirziyoyev: influence and opportunities for regionalization in Central Asia

L. N. Gumilyov Eurasian National University,
Astana, 010008, Republic of Kazakhstan.

Material received on 30.11.18.

Өзбекстанның жаңа президенті Ш. Мирзияевтың билікке келуімен елдің қоғамдық-саяси өмірдің барлық негізгі бағыттарында жаңару мен реформалар басталды. Өзбекстан Республикасының сыртқы саясатының негізгі басымдығы - аймақтағы көршілерімен қарым-қатынастарды жақсарту екендігі жарияланды. Қазақстан-өзбек, тәжік-өзбек, өзбек-қырғыз шекаралары бойынша келіссөздер қарқындылығы сыртқы саяси басшылықтың ниетін растайды. Өзбекстанның бұл саясаты Орталық Азиядағы мемлекетаралық қатынастардың жай-күйіне, аймақтық ынтымақтастыққа оң әсер етеді. Әрине, онжылдықтар бойы қорланған мәселелер тез арада шешіле қоймас, бірақ салыстырмалы талдау аймақтағы жағдайдың айтарлықтай жақсарғанын көрсетеді.

With the new president of Uzbekistan – Sh. Mirziyoyev, the country has embarked on a renewal and reform in all key areas of social and

political life. Enhancing of relations with its neighbors in the region has been declared as the main priority of the foreign policy the Republic of Uzbekistan. The intensity of the negotiations on the sections of the Kazakh-Uzbek, Tajik-Uzbek, Uzbek-Kyrgyz borders confirms the validity of the intentions of the foreign policy leadership. This policy of Uzbekistan has a positive impact on the state of interstate relations in the region, on regional cooperation. Naturally, there is no reason to expect a momentary resolution of questions that have accumulated over decades, but a comparative analysis shows a significant improvement in the situation in the CAR.

ГРНТИ 06.77.64

**Т. П. Притворова¹, А. А. Легостаева²,
О. А. Тянь³, Е. Д. Орынбасарова⁴**

¹д.э.н., профессор, Факультет экономики и управления, Карагандинский экономический университет Казпотребсоюза, г. Караганда, 100009, Республика Казахстан;

²к.э.н., профессор, Факультет экономики и управления, Карагандинский экономический университет Казпотребсоюза, г. Караганда, 100009, Республика Казахстан;

³к.э.н., доцент, Учетно-финансовый факультет, Карагандинский экономический университет Казпотребсоюза, г. Караганда, 100009, Республика Казахстан;

⁴доктор PhD, доцент, Факультет экономики и управления, Карагандинский экономический университет Казпотребсоюза, г. Караганда, 100009. Республика Казахстан

e-mail: ¹prityvorova_@mail.ru; ²anjal@mail.ru; ³helga-78@mail.ru; ⁴erke.08@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ЧАСТИЧНОЙ И ВРЕМЕННОЙ ЗАНЯТОСТИ В ПЕРЕХОДНЫХ ЭКОНОМИКАХ: СВИДЕТЕЛЬСТВО ИЗ КАЗАХСТАНА

В статье рассматриваются вопросы, связанные с развитием нестандартных форм занятости населения, оценкой масштабов и динамики нестандартной занятости в Казахстане с целью определения мер по усилению социальной защиты временно и частично занятых работников. Проводимый детальный структурный и динамический анализ основных показателей нестандартной занятости позволяет наглядно раскрыть характер изменений трудовых отношений на казахстанском рынке. Выявлены основные тенденции, сопровождающие развитие нестандартной занятости в Казахстане, а также предложены меры по обеспечению достойного труда частично занятых работников.

Ключевые слова: занятость, нестандартная занятость, временная занятость, частичная занятость, сверхзанятость, трудовые договора.

ВВЕДЕНИЕ

С начала 1970-х годов мониторинг занятости населения в развитых странах регистрирует рост гибких ее форм, которые активно вводились на предприятиях и в организациях в виде режимов неполного рабочего времени, использования надомного труда, работы по вызовам, особенных режимов рабочего времени и др. [1]. В постиндустриальной экономике развитых стран прочно укоренились три основные формы нестандартной занятости, масштаб которых в разные периоды экономического развития меняется. Сами формы характеризуются устойчивостью, но структура видов занятости, входящих в эти формы, несколько изменяется, отражая особенности и фундаментальные свойства ведущего экономического уклада [2, 3, 4].

Факторы, действующие в постиндустриальной экономике как на стороне спроса на рабочую силу, так и на стороне предложения, определили достаточное число вариантов отклонения от стандартного графика, к наиболее массовым из которых можно отнести: временную занятость, неполную занятость и самозанятость. Если первые два вида представляют собой варианты нестандартной занятости для наемных работников, то последний выделен в особый статус занятости, отличающийся от статуса «наемный работник» по ряду четких критериев [5, 6, 7].

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Различные виды нестандартной занятости, представляющие возможности повышения дохода и уровня жизни населения, зародившись в трансформационный период, имеют достаточно широкий ареал распространения в экономике постсоветских стран и Казахстане [8, 9, 10, 11, 12].

Основными видами нестандартной занятости в современной экономике являются временная, неполная и сверхзанятость населения.

Значительные масштабы распространения имеет в мировой экономике временная занятость или срочные контракты. Такие контракты дают возможность работодателю принять работника с испытательным сроком и оценить его возможности, учесть требования рыночной конъюнктуры в связи с изменением ситуации на рынках товаров и услуг и сократить расходы на заработную плату, нанять работника под определенный объем работ, принимать работника на необходимый период в сезон, принять работника для исполнения разового поручения.

Если посмотреть на тенденции в динамике за период 2013-2017 годы, то постоянство договоров в целом растет, что говорит о стабильном развитии экономики. В 2013 году во всех отраслях доминировали постоянные

трудовые договора: сельское хозяйство – 85,4 %; строительство – 89,9 %; сфера услуг – 96,2 %; промышленность – 98,2 % (таблица 1).

Таблица 1 – Отраслевая структура трудовых договоров по видам в 2017/2013 гг., %

Отрасли экономики	Постоянный трудовой договор	Срочный трудовой договор	Определенный объем работ	Случайная работа	Сезонная работа
Всего	96,5/94,8	2,0/3,1	1,2/1,6	0,1/0,3	0,2/0,3
С\х	86,5/85,4	6,8/7,6	5,4/5,4	0,3/0,2	1,1/1,3
Промышленность	98,7/98,2	0,9/1,2	0,3/0,4	0,0/0,3	0,0/0,0
Строительство	91,2/89,9	3,3/5,4	3,9/3,1	0,2/0,5	1,5/1,1
Услуги	97,6/96,2	1,6/2,4	0,7/0,9	0,1/0,3	0,1/0,1

Примечание – Составлено по источнику [13]

Следующими по значимости договорами явились: в сельском хозяйстве договор на определенный объем работ – 5,4 %; в промышленности договор на определенный срок – 1,2 %; в строительстве договор на определенный срок и на определенный объем работ – 5,4 % и 3,1 % соответственно; в сфере услуг – договор на определенный срок – 2,4 %. Фактически в 2013 году наиболее востребованным оказался договор на определенный срок, который применялся наиболее часто в промышленности, строительстве, сфере услуг. Только в сельском хозяйстве наиболее востребованным оказался договор на определенный объем работ.

В 2017 году доля работников, занятых по постоянным трудовым договорам, в агрегированных отраслях экономики увеличилась повсеместно. Вышеуказанные доли составили в разрезе отраслей: сельское хозяйство – 86,5%; строительство – 91,2 %; сфера услуг – 97,6 %; промышленность – 98,7 %. Внутри сельского хозяйства наиболее значимую группу нестандартных договоров составляют договора на определенный объем работ – 5,4 % и срочные трудовые договор – 6,8 %. Внутри сферы услуг наиболее значимую долю составляют срочные трудовые договора – 1,6 %. В строительстве договора на определенный объем работ занимают 3,9 %. В промышленности можно отметить крайне незначительную долю нестандартных договоров, которые в совокупности по всем видам составляют 1,2 %.

Динамика в целом по экономике позволяет сделать вывод, что за рассматриваемый период экономический рост имел стабильный характер, вследствие чего доля трудовых договоров, заключенных на постоянной основе, в целом по экономике выросла, а доли всех договоров, заключенных в нестандартной форме, уменьшились.

В целом по экономике Казахстана отраслевая структура каждого из видов временного договора в 2013 и 2017 годах представлена на рисунках 1 и 2.

В 2013 году 48,8 % постоянных трудовых договоров в экономике Казахстана заключается в сфере услуг, и почти такая же доля в договорах с ограниченным сроком действия – 48,9 %. По этим двум видам договоров сфера услуг является лидером. Сельское хозяйство держит лидерство по договорам на определенный объем работ (44,89 %) и сезонной работе (84,8 %), которая характерна именно для этой отрасли. Строительство занимает 19 % в контрактах на определенный объем работ и 12,7 % в контрактах на определенный срок.

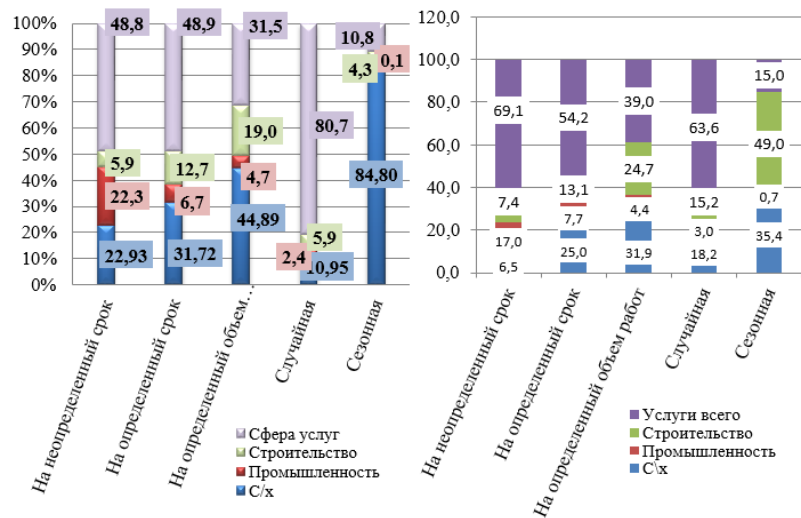

Рисунок 1 – Отраслевая структура по каждому виду трудового договора в 2013 и 2017 годах, %

Примечание: Составлен по источнику [13]

В 2017 году доля сферы услуг выросла в контрактах на неопределенный срок, срочных контрактах и контрактах на определенный объем работ,

одновременно она сократилась в случайных контрактах. В контрактах на определённый объем работ и, особенно в сезонных и случайных контрактах, значительно увеличилась доля строительства.

В целом, можно сделать вывод, что наиболее значительным изменением за 3 года в структуре трудовых договоров по укрупненным отраслям экономики является рост доли строительства в контрактах на определенный срок, на определенный объем, на случайную или сезонную работу.

Следующим по распространённости видом нестандартной занятости является занятость с отклонением от стандартной продолжительности рабочего дня по следующим вариантам: сверхзанятость (работа больше установленного законодательством нормального количества рабочих часов); неполная занятость (контракт на неполный рабочий день); недозанятость (контракт на полный рабочий день, но фактическая занятость продолжается меньшее число часов).

По данным 2017 года в составе занятого населения по фактической продолжительности рабочей недели наибольшую долю – 66,6 % занимает население, работающее 36-40 часов в неделю, 9 % приходится на долю населения, которое работает менее 36 часов и 24,4 % – на долю сверхзанятого населения, работающего более 40 часов (рисунок 3).

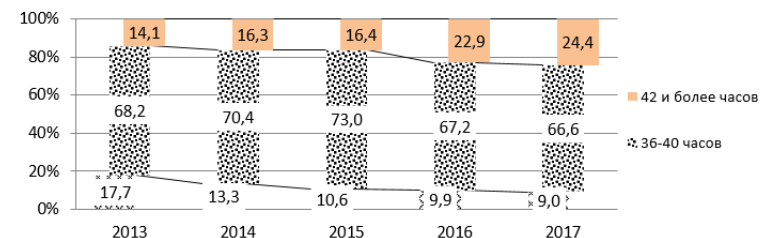

Рисунок 3 – Структура занятого населения по фактической продолжительности рабочей недели, %

Примечание: Составлен по источнику [4]

Необходимо отметить, что за 2013-2015гг. доля населения, которое отработало нормальную продолжительность рабочей недели в 36-40 часов, росла по 2015 год включительно, а доля населения с неполной занятостью, отработавшего менее 36 часов, уменьшилась. В 2017 году наблюдается перелом тенденции, когда доля сверхзанятых выросла за один год на 6,5 %, что соответствует предкризисной ситуации и повышению конкуренции на рынке труда, а также стремлению, как бизнеса, так и работников сохранить уже достигнутые показатели благосостояния за счет переработок.

В то же время, некоторые выводы можно сделать о занятости с сокращенным рабочим днем (рисунок 4).

Одновременно с уменьшением численности занятых с сокращенной рабочей неделей, изменилось их распределение по группам с разными часами работы. В 2013 году максимальное число занятых, 338,6 тысяч человек, было в группе с продолжительностью 26–30 часов (0,75 ставки), а группа с продолжительностью от 21 до 35 часов (всего 761,9 человек) составляла половину всех занятых с сокращенной рабочей неделей (1458,3 человек).

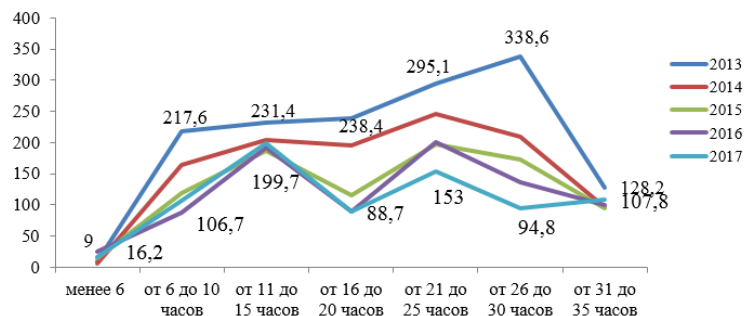

Рисунок 4 – Занятое население по фактической продолжительности рабочей недели, тыс. человек

Примечание: Составлен по источнику [4]

То есть половина была занята на 0,5 ставки и более часов. В 2017 году в целом картина изменилась: на графике выделяются два пика: максимальную численность имеет группа работников на 0,5 ставки и работники на 0,25 ставки.

Можно сделать вывод, что нагрузка на частично занятых уменьшилась, что является одним из признаков надвигающегося кризиса, когда сокращают численность и продолжительность рабочего времени у частично занятых, отказываясь от их услуг в первую очередь. При этом рост сверхзанятости опять же говорит о стремлении людей сохранить свои рабочие места за счет сверхурочной работы.

Необходимо отметить, что доля работников с нестандартной продолжительностью рабочего дня, включающая как частично занятых, так и сверхзанятых уменьшалась в течение периода 2013-2015 годов, но в 2016 год увеличилась и составляет 32,3 % и в 2017 году составляет 32,9 % всех занятых (таблица 5).

Таблица 5 – Индикаторы частичной и сверхзанятости в экономике Казахстана, 2013–2017 гг.

Наименование показателя	2013	2014	2015	2016	2017
Общая численность занятых, тысяч человек, в том числе	8301,6	8 507,1	8570,6	8510,1	8 623,8
мужчин	4 250,4	4 375,9	4389,4	4389,3	4 446,0
женщин	4 051,3	4 131,2	4181,3	4120,7	4 177,8
Структура группы занятых по гендерному признаку, %					
мужчин	51,2	51,4	51,2	51,6	51,6
женщин	48,8	48,6	48,8	48,4	48,4
Структура группы с нестандартной продолжительностью рабочего дня по гендерному признаку, %					
мужчин	50,9	53,1	52,3	54,7	54,8
женщин	49,1	46,9	47,8	45,3	45,2
Численность сверхзанятых, тысяч человек (продолжительность рабочего дня 41 час и выше)					
мужчин	701,1	828,1	811,3	1146,7	1 218,7
женщин	457,9	551,8	585,8	777,1	849,9
Доля сверхзанятых в группе, %					
мужчин	16,5	18,9	18,5	26,1	27,4
женщин	11,3	13,4	14,0	18,9	20,3
Численность работников с неполной занятостью, тысяч человек (продолжительность рабочего дня 41 час и выше)					
мужчин	630,3	499,1	388,9	357,8	335,8
женщин	828,1	622,0	511,0	470,9	430,7
Доля частично занятых в группе, %					
мужчин	14,8	11,4	8,9	8,2	7,6
женщин	20,4	15,1	12,2	11,4	10,3
Доля работников с нестандартной продолжительностью рабочего дня (частичной и сверхзанятостью), %	31,5	29,4	26,8	32,3	32,9
Примечание – Составлено по источнику [4]					

Если рассмотреть структуру сверхзанятости и неполной занятости по гендерному признаку, то можно сделать следующие выводы. В составе группы с нестандартной продолжительностью рабочего дня преобладают мужчины: если соотношение мужчин и женщин в занятом населении в 2017 году 51,6 % и 48,4 %, то в группе с нестандартной продолжительностью соотношение явно изменяется в пользу мужчин: 54,8 % и 45,2 %. В целом доля частично занятых в группе мужчин структурно уменьшилась на 7,2%, а в группе женщин на 10,1 %. В то же время, частичная занятость больше характерна для женщин, в группе которых доля вовлеченных в этот вид занятости остается больше, чем в группе мужчин. Сверхзанятость выросла в обеих группах, как в абсолютном выражении, так и в структуре: у мужчин возросла с 16,5 % до 27,4 %, а у женщин с 11,3 % до 20,3 %. Фактически в группе мужчин чуть более одной четверти работников заняты свыше нормального рабочего времени.

На рисунке 6 представлена структура работников с нестандартной продолжительностью рабочего дня по возрастным группам за 2013–2017 гг.

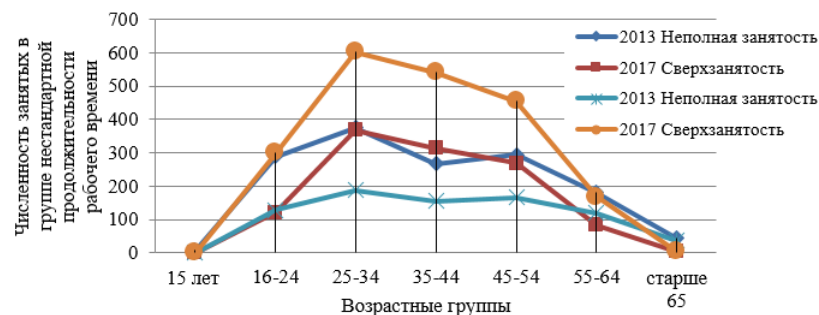

Рисунок 6 – Нестандартная продолжительность рабочего дня в 2013–2017 г. по возрастным группам, %

Примечание: Составлен по источнику [13]

Анализ распределения групп по возрастам показывает, что мода у этих двух распределений совпадает, т.е. как сверхзанятость, так и частичная занятость более всего распространены в возрастной группе 25-34 года. Это характерно как для 2013, так и для 2017 года. Значительная сверхзанятость характерна для возрастных групп 35–54 года, а далее идет существенный спад, связанный с естественными причинами ограничения работоспособности.

В структуре сверхзанятого населения наблюдаются следующие тенденции (таблица 7).

Таблица 7 – Характеристика нестандартной продолжительности рабочего дня по статусу в занятости населения Казахстана за 2013–2017гг.

Наименование показателя	2013	2014	2015	2016	2017	Структурный сдвиг, 2017/2013 п.п.
Наемные работники, в том числе с продолжительностью рабочей недели						
36-40 часов	78,3	77,2	78,4	72,6	69,5	-8,8
41 и более часов	16,1	19,0	18,7	24,6	25,9	9,8
Менее 36 часов	5,6	3,8	2,9	2,8	4,6	-1
Самозанятые, с продолжительностью рабочей недели						
36-40 часов	47,7	55,9	61,0	53,9	54,8	7,1
41 и более часов	9,9	10,6	11,2	18,6	18,7	8,8
Менее 36 часов	42,4	33,6	27,8	27,5	26,5	-15,9

Примечание – Составлено по источнику [4]

Общим для наёмных работников и самозанятых является увеличение доли сверхзанятых в целом за период и сокращение неполной занятости. Для самозанятых проявилась выраженная тенденция увеличения доли группы с нормальным рабочим временем в период с 2013 по 2015 годы, сменилась на спад 2016 года, но в целом за период до 2017 года структурный сдвиг остается положительным. Для наемных работников проявилась тенденция ослабления позиций нормального рабочего дня и зафиксирован отрицательный структурный сдвиг – 8,8 процентных пункта.

Сверхзанятость больше выражена у наемных работников: в 2017 году 25,9 %, в то время как у самозанятых 18,7 %. Для самозанятых характерна высокая доля частичной занятости: 26,5 % против 4,6 % у наемных работников. Самозанятые доминируют по численности в группах с продолжительностью рабочей недели менее нормальной, а наемные работники доминируют в группах с нормальной продолжительностью и более 41 часа (рисунок 8).

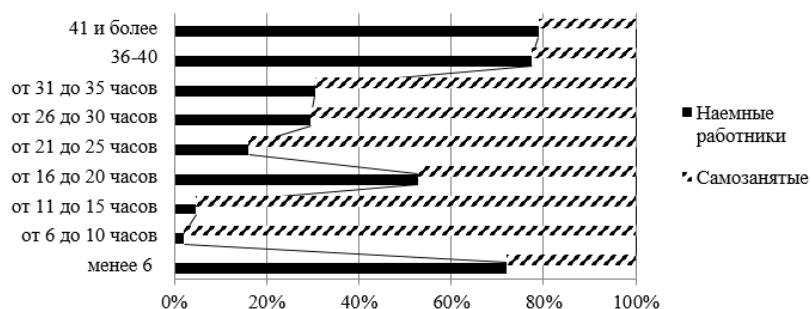

Рисунок 8 – Структура занятого населения по фактической продолжительности рабочей недели в 2017 году, %

Примечание: Составлен по источнику [13]

Если сравнивать с предыдущими годами, то такое положение – это результат начала кризиса, т.е. отражение вышеупомянутого факта, что значительное число наемных работников в 2016 году переведены на 0,25 ставки вследствие сокращения объема работ и соответственно рабочего времени. Увеличение другой группы с рабочим временем 0,5 ставки на структурной диаграмме не сказалось, т.к. количество самозанятых с таким временем столь значительно, что в несколько раз превышает численность наемных работников.

Если рассмотреть структуру совокупности занятых одновременно по видам контрактов и продолжительности рабочего времени, то можно выявить следующие процессы (рисунок 10):

- стандартное рабочее время доминирует в бессрочных договорах (70 % и более) и договорах на выполнение определенного объема работ (60–65 %);
- сверхзанятость самые значительные масштабы имеет для контрактников с договором на определенный срок (70 % и более);
- в целом для всех типов контрактов характерно увеличение сверхзанятости в течение периода и особенно в 2017 году. Во всех типах контрактов сверхзанятость в 2017 году достигает 30 и более %.

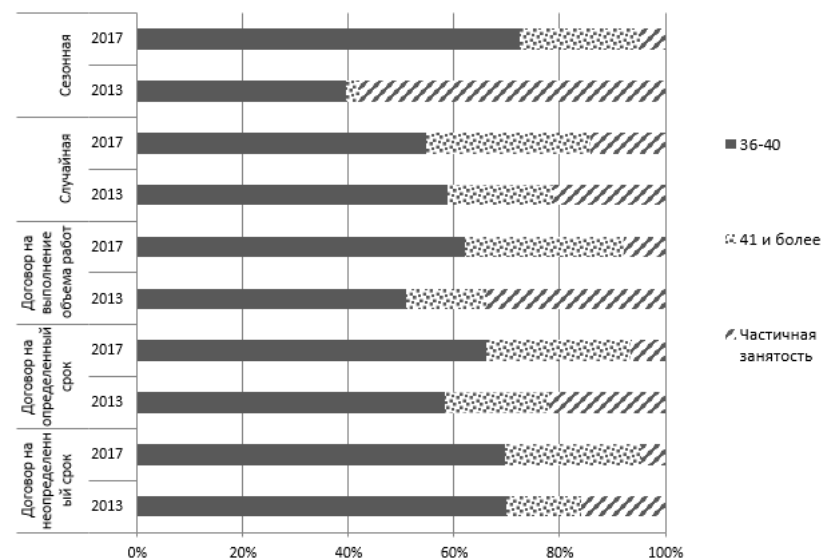

Рисунок 9 – Распределение по продолжительности рабочей недели разных виды контрактов в 2013 и 2017 гг., %

Примечание: Составлен по источнику [13]

Более подробно можно отметить, что:

- в договорах на определенный срок на 2 % увеличилась доля работников со стандартным рабочим временем и на 10 % увеличилась доля сверхзанятых работников. В результате за период в среднем на 1 занятого количество отработанных часов увеличилось с 37 до 41 часа.
- во временных договорах, где доля сверхзанятых и ранее была наибольшей из всех видов – 70 %, произошло самое значительное увеличение сверхзанятости на 20 %, а сократились все остальные варианты рабочего времени. В среднем на 1 занятого количество отработанных часов увеличилось с 38 до 42 часов.
- в договорах на выполнение определенного объема работ сверхзанятость увеличилась на 20 %, при этом средняя продолжительность рабочего времени по группе возросла с 37 до 41 часа.
- в случайной и сезонной занятости вырос удельный вес контрактов со стандартной продолжительностью рабочего дня и сверхзанятостью. Средняя продолжительность рабочего времени по группе случайно занятых

уменьшилась с 40 до 43 часов. При этом в сезонной занятости увеличилась с 29 до 42 часов.

Исходя из складывающейся ситуации возникает необходимость в принятии мер по усилению социальной защиты временно и частично занятых работников в виде установления минимального количества рабочих часов и минимального объема страховых выплат по потере работы. В настоящее время эти минимумы в Трудовом Кодексе и других нормативных документах не оговорены. В целом, для обеспечения достойного труда частично занятых предлагается:

– установление минимального объема рабочего времени при заключении контракта на частичную занятость в размере 10 часов в неделю.

– установление минимальных выплат по безработице для работников из системы обязательного социального страхования в объеме не меньше размера минимальной заработной платы при минимальном стаже в 6 месяцев, установленной законом РК на текущий период.

ВЫВОДЫ

Временные трудовые контракты достаточно широко распространяются в мировой экономике, т.к. работодатели используют их возможности для гибкого управления персоналом, сокращения издержек на рабочую силу в период кризиса. Экономика Казахстана в рассматриваемый период не демонстрирует кризисных тенденций, а доля постоянных трудовых договоров занимает до 90 % и более во всех крупных отраслях, кроме сельского хозяйства.

Наиболее востребованным временным договором является тип «трудовой договор на определенный срок» или «срочный трудовой договор», доля которого в народном хозяйстве выше, чем всех других вариантов временного договора. Если посмотреть динамику по отдельным отраслям, то сельское хозяйство имеет наиболее значительную долю всех типов временных трудовых договоров. В строительстве временные договора востребованы и чаще других встречается форма «на определенный объем работ» и «сезонная работа».

Оценка нестандартной занятости по продолжительности рабочего времени показала характерную тенденцию постоянного увеличения сверхзанятости населения во всех типах трудовых договоров и снижения нагрузки на частично занятых работников, что предполагает в последующем отказ от их услуг и, соответственно, социальную незащищенность данной группы лиц.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1 **Гимпельсон, В., Капелюшников, Р.** Нестандартная занятость и российский рынок труда // Вопросы экономики. – 2012. – № 1. – С. 122–145.

2 **Kalleberg, A.** Nonstandard Employment Relations : Part-time, Temporary and Contract Work // Annual Review of Sociology. – 2000. – Vol. 26. – P. 341–365.

3 Nonstandard Work : The Nature and Challenges of Changing Employment Arrangements / F. Carré, M. Ferber, L. Golden, S. A. Herzenberger (eds.). – Urbana, IL: Industrial Relations Research Association, 2005. – P. 89 – 115.

4 **Lazear, E. P.** Job Security Provision and Employment // The Quarterly Journal of Economics. – August, 1990. – P. 699–726.

5 **Hausman, R., Rodrik, D.** Economic Development as Self-Discovery // Journal of Development Economics. – 2003. – V/72. – P. 603–633.

6 **Blanchflower, D.** Self-employment in OECD Countries // Labor Economics. – 2000. – V. 7.– P. 471–505.

7 **Zijl, M., van den Berg G., Heyma A.** Stepping Stones for the Unemployment. – The Effect of Temporary Jobs on the Duration until Regular Jobs. – Bonn : IZA, August 2004. – 259 p.

8 **Смирных, Л.** Нестандартные трудовые договоры : рост занятости или снижение заработной платы. – М. : ГУВШЭ, 2011. – 36 с.

9 **Вишневецкая, Н.** Самозанятость в переходных экономиках // МЭ и МО. – 2013. – № 10. – С. 58–67

10 **Притворова, Т., Бектлеева, Д., Дюсембаева, А.** Специфика неформальной занятости как одной из форм нестандартной занятости в условиях постиндустриальной экономики // Менеджмент и бизнес администрирование. – 2016. – № 2. – С. 154–161

11 **Говорова, Н.** Занятость в постиндустриальном мире // МЭиМО. – 2015. – № 12. – С. 35–41.

12 **Гришин, И.** Стимулирование и динамизация занятости: рецепт flexibility // МЭ и МО. – 2012. – № 4. – С. 40–51.

13 Официальный сайт Комитета статистики МНЭ РК: [Электронный ресурс]. – <http://stat.gov.kz>

14 Нестандартные формы занятости. Анализ проблем и перспективы решения в разных странах. Обзорная версия. Международное Бюро Труда – Женева: МБТ, 2017 // [Электронный ресурс]. – www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/---publ/documents/publication/wcms_554952.pdf.

Материал поступил в редакцию 30.11.18.

Т. П. Прутворова¹, А. А. Легостаева², О. А. Тян³, Е. Д. Орынбасарова⁴
Ауыспалы экономика жағдайында жұмысбастылықтың ішінара және уақытша ерекшеліктері: Қазақстандағы қуәлік

^{1,2,3,4}Қарағанды экономикалық университеті Қазтұтынуодағы,
 г. Қарағанды, 100009, Қазақстан Республикасы.
 Материал баспаға 30.11.18 түсті.

T. P. Pritvorova, A. A. Legostayeva, O. A. Tyan, Y. D. Orynbassarova

Features of partial and temporary employment in transitional economies: the evidence from Kazakhstan

^{1,2,3,4}Karaganda Economic University of Kazpotrebsoyuz,
 Karaganda, 100009, Republic of Kazakhstan.
 Material received on 30.11.18.

Мақалада халықты жұмыспен қамтудың стандартты емес нысандарын дамытуға, уақытша және ішінара жұмыспен қамтылған қызметкерлерді әлеуметтік қорғауды күшейту жөніндегі шараларды айқындау мақсатында Қазақстанда стандартты емес жұмыспен қамтудың ауқымы мен серпінін бағалауға байланысты мәселелер қарастырылған. Стандартты емес жұмыспен қамтудың негізгі көрсеткіштерін егжей-тегжейлі құрылымдық және динамикалық талдау Қазақстандық нарықтағы еңбек қатынастарының өзгеру сипатын көрнекі ашуға мүмкіндік береді. Қазақстанда стандартты емес жұмыспен қамтуды дамытуға алып келетін негізгі үрдістер анықталды, сондай-ақ ішінара жұмыспен қамтылған қызметкерлердің лайықты еңбегін қамтамасыз ету бойынша шаралар ұсынылды.

In the article the questions connected with development of non-standard forms of employment of the population, assessment of scales and dynamics of non-standard employment in Kazakhstan for the purpose of determining the measures for strengthening of social protection of temporarily and partially busy workers are considered. The carried-out detailed structural and dynamic analysis of key indicators of non-standard employment allows to disclose visually the nature of changes of the labor relations in the Kazakhstan market. The top trends accompanying development of non-standard employment in Kazakhstan are revealed and also measures for ensuring worthy work of partially busy workers are proposed.

FTAMP 11.01.39

Р. М. Таштемханова¹, Б. Ж. Абжаппарова²

¹т.ғ.д., профессор, «Аймақтану» кафедрасы, Л. Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Астана қ., 010000, Қазақстан Республикасы;
²т.ғ.д., профессор, «Шығыстану» кафедрасы, Л. Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Астана қ., 010000, Қазақстан Республикасы.
 e-mail: ¹tashtemkhanova@mail.ru, ²hadisha_1960@mail.ru

**ГЕРМАНИЯНЫҢ АКАДЕМИЯЛЫҚ ҚОҒАМДАСТЫҒЫНЫҢ
 ҚАЗАҚСТАННЫҢ СЫРТҚЫ САЯСАТЫ ЖАЙЛЫ ТАЛДАУЫ**

Ұсынылған мақалада Орталық Азия мәселелерін зерттеумен айналысатын жетекші неміс ғалымдары арасында жүргізілген сараптамалық зерттеулердің нәтижелері бойынша Қазақстан Республикасының сыртқы саясатының басым бағыттарын талдау ашып көрсетілген. Біз Қазақстан Республикасының сыртқы саясатының: ресей, қытай, аймақтық, батыс (Еуропа, АҚШ), шығыс бес басым бағытын анықтадық. Неміс сарапшылары Қазақстан Республикасының сыртқы саясатындағы осы векторлардың орнын, рөлін және маңыздылығын анықтау үшін нақты талдау жасады. Сараптамалық сауалнамадағы сұрақтардың тізімінде білім беру мәселесі және ЕАЭО қызметі, ЕАЭО құрамындағы Қазақстан үшін тәуекелдерді бағалау және мүмкіндіктер туралы ерекше орын алады. Қазақстанның аймақтағы рөлі, жалпы Еуропалық Одақ пен Қазақстан арасындағы, әсіресе Германиямен қарым-қатынасына байланысты сұрақтар ғылыми қызығушылық тудырады.

Кілтті сөздер: сыртқы саясат, Қазақстан Республикасы, сараптамалық сауалнама, талдау, Германия.

КІРІСПЕ

Еуропалық академиялық қоғамдастықтың Қазақстан Республикасының сыртқы саясатына сараптамалық бағалау жағдайын талдау мәселесі ғылыми зерттеудің өзекті тақырыптардың бірі болып табылады. Әлемдік қоғамдастықтың дамуының қазіргі кезеңінде мемлекеттердің қарқынды дамып келе жатқан жаһандық өзара тәуелділігі жағдайында, ХХІ ғасырдың сын-қатерлері мен қауіптері, мәселенің кең ауқымы бойынша бірлескен іс-қимыл мен ынтымақтастықты қажет ететіндіктен, бұл мәселе бұрынғыдан да өзекті болып табылады.

Қазіргі кезеңдегі сыртқы саяси бағыт Қазақстан Республикасының 2014–2020 жылдарға арналған сыртқы саясатының Тұжырымдамасына негізделген. Тұжырымдамада Қазақстан әлемдік қоғамдастықтағы халықаралық мәселелер, сыртқы саяси бастамалар, мемлекеттік саяси, әлеуметтік-экономикалық және мәдени-гуманитарлық дамуы бойынша өзінің негізгі ұстанымы туралы уақтылы және толық хабардар етуді жүзеге асыратындығы жайлы басымдықтары мен міндеттері көрсетілген [1]. Мұндай ашықтық сонымен қатар біздің мемлекетіміздің саяси және сараптамалық қоғамдастықтың ықпалды өкілдерін сыртқы саясаттың басымдықтарын талқылауға тарту ниетімен жүргізіледі. Шын мәнінде отандық зерттеушілердің ғылыми қызығушылықтарынан басқа, батыстық еуропалық сарапшылардың талдау бағалары ерекше өзекті және практикалық маңызы бар.

Белгілі ғалым К. Л. Есмағамбетовтың әлемнің басқа бөліктерінде сіздің еліңіз туралы не айтып және не жазғаныны жайлы хабарың болмаса, мемлекетаралық қатынастар өте тиімді болмауы мүмкін деп дәйектеуі дұрыс [2]. Ғылымда «басқалардың бейнелеуі» деген тақырып өзекті зерттеу мәселелерінің бірі болып табылуы тегін емес. Мәселе басқалардың кейбір елдер мен халықтар жайлы көзқарасы туралы болып отыр [2, 3–4]. Шетелдік сарапшылар үшін бұл болашағы зор және салыстырмалы тақырып. Талдау және бағалаудың оң және теріс аспектілерінің қалай қалыптасатындығын, олардың қаншалықты орнықты немесе өзгертінін түсіну өте маңызды. Зерттелген мәселелер шеңберінде неміс академиялық қоғамдастығының Қазақстан Республикасының сыртқы саясаты жайлы сараптамалық бағалауының жай-күйін талдау (кейбір жағдайларда саяси мәселелер – авт. қолданады) сөзсіз қызығушылық тудырады.

НЕГІЗГІ БӨЛІМ

Жоғарыда атап көрсетілгендей, бұл жағдай Орталық Азия мәселелерімен айналысатын белгілі неміс ғалымдары арасында сараптамалық зерттеулер жүргізуге мүмкіндік берді. Біз Қазақстанның сыртқы саясатының бес басым: Ресейлік; қытайлық; аймақтық; батыс (Еуропа, АҚШ); шығыстық бағытын айқындадық. Неміс сарапшыларына бүгінгі күні ең өзекті және ерекше маңызды бағыттарды анықтауға ұсыныс жасалды. Осылайша, жетекші неміс сарапшысы Беате Ешмент Қазақстан Республикасының көпбағытты саясатының сақталуын және одан әрі іске асырылуының маңыздылығын атап өтті, бұл барлық аталған бағыттардың табысқа жетуге мүмкіндік береді деп саралады.

Беате Ешмент сыртқы саясаттың басымдық бағыттарының көрсетілу тәртібі туралы өзінің келісетіндігін білдірді. Оның пікірінше, екі ірі көршісі, Ресей Федерациясы мен Қытай Халық Республикасы «басқаларға қарағанда бәрінен де оң және теріс мағынада маңызды орын алады». Айтылғандардың себебін түсіндірмей, Б. Ешмент «Қазақстанның қазіргі Ресейге қатынасы» «қауіпті» деп сипаттайды [3].

Эдда Шлагер Қазақстан сыртқы саясатының басым бағыттарын орналастыру тәртібіне қатысты басқа көзқараспен қарайды. Оның көзқарасы бойынша, «олардың маңыздылығына байланысты ұсынылатын баламалар» былай болуы керек:

- 1 қытайлық;
- 2 аймақтық;
- 3 ресейлік;
- 4 шығыстық (Азия-Тынық мұхиты, ислам мемлекеттері);
- 5 батыстық деп саралайды [3].

Сарапшылар ұсынылған сауалнамадағы әрбір мәселе бойынша толық және айқындалған негіздемені қамтамасыз етпейтінін атап өткен жөн. Сонымен қатар біздің мәселелеріміз бойынша олардың зерттеулерімен мұқият танысу барысында олардың ғылыми ұстанымдарының мәнін ашуға мүмкіндік туды. Осыған байланысты 2016 жылғы 23-24 маусымда Ташкентте өткен ШЫҰ-ның 15-ші саммиті қарсаңында «DeutscheWelle»-ге берген Беате Ешмент сұхбаты сөзсіз қызығушылық тудырады. Талқылауға ресейлік сарапшы Аркадий Дубнов және өзбек саясаттанушы Юрий Черногаев қатысты.

Беате Ешмент А. Дубновтың «қазіргі уақытта ШЫҰ Пекиннің аймақтағы, болашақтағы, жаһандық ауқымдағы үстемдікті өз мүддесі үшін қолдана бастайтын құралға айналды» деген мәселе бойынша келісетіндігін білдіреді. «Қытай аймақ елдеріне экономикалық экспансиясын жасап отырса, бұл ШЫҰ тарапынан барынша кеңейіп келеді. Мәскеу мұнда экономикалық тұрғыдан бәсекеге түсе алмайтынын байқап, әскери-саяси және қауіпсіздікті қамтамасыз етуде жетекші рөлге ие бола алатынын түсінді» [4].

Беате Ешмент Орталық Азия мемлекеттері үшін ШЫҰ-ның рөліне баса назар аудара отырып: «Орталық Азия елдері үшін ШЫҰ-ның тартымдылығы сонда – әсіресе Ресей Қытай Халық Республикасымен бәсекелес, Мәскеу бірқатар басқа ұйымдарда – ҰҚШҰ, ЕАЭО, ТМД «бірінші дауыс» құқығы бар» деп атап көрсетеді.

«Орталық Азия мемлекеттерінің өз бетінше өмір сүру мәселесі» неміс сарапшысының басты назарында тұр. Б. Ешмент пікірі бойынша, «аймақ республикалары Қытай мен Ресеймен бір үстел басында өздерінің

және аймақтық мәселелерін талқылай алады, ортақ шешім жасай алады». Мысалы, аймақтағы ауқымды көліктік жобалар бойынша қолайлы ымыраға келу жолында». Бұл сұраққа Мәскеу мен Пекин арасындағы таңдауға тура келетін жағдай болмайды. «Бұл екі ұлы держава арасындағы бәсекелестікті ішінара бәсеңдетеді», – дейді Б. Ешмент. Неміс сарапшысының пікірі бойынша, Орталық Азия мемлекеттері үшін өмір сүру мәселесі Ресей мен ҚХР арасындағы өз ұстанымын қалай тиімді пайдалану керектігі болып табылады деп қорытындылайды. Б. Ешмент ШЫҰ экономикалық құрылым емес қауіпсіздік мәселелеріне бағытталған саяси ұйым ретінде қарастыруға болады деп есептейді. Оның пікірінше, ШЫҰ-ның жеңілдіктегі несиелерді беретін Банк құруға үміттерін Пекиннің екіжақты арналар арқылы қанағаттандырды.

Ресей мен Қытай арасындағы ШЫҰ-дағы келіспеушіліктердің болғандығына қарамастан, Орталық Азия республикалары үшін ШЫҰ «жай құрылған ұйым» емес саналады деп танылмайды. Бұл Қазақстанның ШЫҰ мүше болғандығы тағы маңыздылығын айқындай түседі.

Қытай Халық Республикасы мен Ресей Федерациясының Орталық Азия аймағындағы артып келе жатқан бәсекелестігіне байланысты мәселелер бойынша неміс сарапшысы Гюнтер Кнабе Ресей мен Қытай бұрын да достар емес еді, болашақта достаспайды. «Бұларда ортақ мүдделері болғанымен, көп жағдайда екі мемлекет те бір-бірімен бәсекелеседі», – деп жазады Г. Кнабе [5].

Оның пікірінше, жаңартылған Коммунистік партияның сөзсіз саяси жетістігіне айналуы маңызды болып отырғанда, Қытайға елдегі экономикасын көтеру үшін энергия тасымалдаушылар мен металдардың шикізат қоймасы болып отырған – Орталық Азия керек. Шикізатқа ие болып отырған Ресейдің өзі аймақтағы саяси және әскери ықпалын тікелей арттыруға және көмірсутектерді тасымалдайтын негізгі жолдарына бақылау орнатуға тырысады. Осыған байланысты Г. Кнабе аймақта ықпал ету үшін Ресей мен Қытайдың арасында бәсекелестік артып отыр деген қорытынды жасайды.

Сонымен бірге Гюнтер Кнабе жалпы мүдделерді анықтады. Осылайша, Мәскеу мен Пекиннің ортақ алаңдаушылығы Ауғанстанмен шекаралас аймақтың қауіпсіздігі, НАТО әскерлері осы елден шығарылғаннан кейін, онда ислам содырларының рөлі артып отыр деп болжау жасалып отыр. Алайда, тағы бір геосаяси фактор бар: «Вашингтонның Тынық мұхит аймағындағы АҚШ-тың ықпалын шоғырландыруға бағытталған стратегиясын ескере отырып, біз Пекин Орталық Азия аймағында Ресеймен бәсекелесе қоймайды деп үміттенеміз» [5].

Гюнтер Кнабенің қорытындыларымен келісе отырып, Орталық Азия және Ресейлік сарапшылар екі мемлекеттің аймақтағы мүдделері екі ел үшін де әр түрлі, бірақ маңызды мәселелер бойынша олар Орталық Азиядағы АҚШ-тың ықпалын төмендету үшін ортақ базасын құру үшін ымыраға келуге дайын деп есептейді.

Ресей Қазақстанның көп ғасырдан бері келе жатқан көршісі, еуразия кеңістігінде әлемдік ықпал ету рөліне тырысады. Мыңдаған километрге созылған ортақ шекара, қазақ және орыс халқының тарихы мен мәдениетінің даму жолдарының тоғысуы, екі елдің экономикаларының өзара тәуелділігі мен бірін-бірі толықтыруы туралы айтпағанда, бұл Қазақстанның сыртқы саясатындағы Ресейдің басымдығын айқындайды. Қазақстан Республикасы мен Ресей Федерациясының тату көршілестік қатынастары Қазақстанның тәуелсіздік алған алғашқы күндерінен бастап сыртқы саясаты бағытының негізінің бірі болып табылады [6, 98].

Неміс сарапшысы П. Линке Орта Азия мен Ресейдің өзара әрекеттесу ерекшеліктерін зерттеу қажеттілігін атап көрсете отырып: «Біз Ресейдің Орталық Азиямен не байланыстырып отырғанын түсінеміз: Бұл жақын арада көтерілуі мүмкін мәселелердің бірі. Орталық Азия (ең алдымен – Қазақстан – автордың ескертпесі) Ресей үшін әрдайым жақын аймақ болады [7].

Қазақстан Республикасының негізгі саяси бағыты Ресей Федерациясымен ұзақ мерзімді және кең ауқымды ынтымақтастығымен айқындалған. Бұл жағдай неміс сарапшыларының арасында жүргізілген екі сауалнама сұрақтарын қалыптастыруға ықпал етті. Олардың бірі Ресейдің қатысуымен Қазақстанның интеграциялық бірлестіктерге қатысуының маңыздылығын бағалауды қамтиды. Екінші сұрақ «Еуразиялық экономикалық одақ: Қазақстан үшін мүмкіндіктер және тәуекелдер» мәселесі бойынша сараптамалық пікірмен байланысты.

ЕАЭО-ның білім беруі мәселелеріне байланысты неміс сарапшыларының бағалау аясы өте кең. Мәселені терең және жан-жақты талдау «Неміс сарапшыларының бағалауындағы Еуразиялық экономикалық одақ» тақырыбындағы автордың мақаласында берілген [7]. Алайда жоғарыда аталған мақаланың мазмұнына сараптамалық сауалнама материалдары мен неміс ғалымдарының жекелеген еңбектері енгізілген жоқ. Осыған байланысты Орталық Азия бойынша жетекші мамандар Беата Ешмент, Эдда Шлагер, Александр Рар пікірлеріүлкен қызығушылық тудырады

Неміс сараптамалық ортасында ЕАЭО-да білім беруге байланысты посткеңестік кеңістікті «қайта кеңестендіру» әрекеті ретіндегі көзқарастың айқын басымдық танытқандығына қарамастан, жоғарыда аталған авторлар

оны қолдамайды. Сонымен, Эдда Шлагер батыс БАҚ-да «Кенестер Одағының № 2» қайта өрлеуі жайлы мәлімдемесін негізсіз деп көрсетеді.

Э. Шлагердің пікірінше, «Ресей бастапқыда Қазақстанды Ресейдің мемлекеттердің жаңа одағын құруға ұмтылысында жеңіл басқарылатын қарапайым, тәуелсіздігі шамалы кандидатура ретінде қарастырады» деп санайды. Оның пікірінше Қазақстан басынан-ақ ол үшін Ресей тарапынан ойлап тапқан қарапайым жақтаушының рөлін қабылдауға дайын емес екендігіне Ресей қателескен болатын. Бұл ретте, оның пікірінше, Н.Назарбаевтың «ЕАЭО – бұл экономикалық, саяси одақ емес және егер Қазақстанның мүдделері бұзылатын болса, оның құрамынан шығады» деп айтқан пікірі маңызды рөл атқарды. «Бұл Қазақстанның тәуелсіздігі мен саяси маңыздылығын көрсетіп, өз кезегінде, Батыстың саяси тұрғыдан тануына ықпал етеді», – деп есептейді Э. Шлагер [3].

Беата Ешмент сонымен қатар «Қазақстан Н. Назарбаевтың басшылығымен кез-келген жағдайда В.Путиннің ұсынып отырған интеграциясы үшін емес, Ресей Федерациясымен интеграция үшін деген пікірден шығып отыр. Қазақстанның ЕАЭО-дағы рөлі мен маңызы зор: мұндай одақты, оларсыз елестету мүмкін емес, сондықтан Қазақстан В. Путиннің қалаған саяси интеграциясынан бас тарту үшін келіссөздер барысында нақты бір ұстанымға ие болды», – деп саралайды [3].

Жоғарыда аталған неміс сарапшыларының қорытындыларымен белгілі Орталық Азия бойынша сарапшысы Александр Рардың бағалауы сәйкес келеді. Осыған байланысты ол былай деп жазады: «Батыста көпшілігі Мәскеу бұрынғы кеңестік мемлекеттерді Еуразиялық Одақ деп аталатын жаңа коалицияға біріктіргісі келетіндігінен қауіптенеді. Олар орыстар өткен империяны аңсайды деп ойлайды. Мұнда жаңа Орыс империясы пайда болады ма?» А. Рар «Жоқ» деп нақты жауап береді. А. Рардың ЕАЭО-тың Қазақстан үшін мүмкіндіктері мен тәуекелдері туралы тұжырымдары алдындағы неміс сарапшыларының бағалауынан ерекшеленеді. Ол Еуразиялық Одақты, ең алдымен, бұрынғы кеңестік республикалардың Еуропа елдерімен шекарадағы соңғы әрекеті деп санайды. Одан әрі ол «Егер Ресей Еуразиялық Одақта Беларусь сияқты елге үстемдік ететін болса, онда Ресей Қазақстанға қатысты енді үлкен ағаның рөлін атқара алмайды. Еуразиялық Одақ ЕО-Шығыс деп ойластырылып, мақсаты Еуроодақпен біріктіру болып табылады. Ең алдымен, бұрынғы кеңестік кеңістіктер ДСҰ-на қабылдануы тиіс (белгілі болып отырғандай Қазақстан ДСҰ-на кірген – автордың ескертпесі), содан кейін нәтижесінде батыс пен шығыс Еуропаны өзара тығыз қатынасқа әкелетін ЕЭК пен Еуразиялық одақ арасында еркін сауда аймағы пайда болуы керек. Егер Еуроодақ бұл әрекетке

немқұрайлылық танытса, онда Еуразиялық Одақ Азияға бет алады. Немесе Батыс Еуропа Еуропаның Атлантикадан Оралға дейінгі жалпы дәстүрлі көзқарасына қайта оралады», – деп тұжырымдайды [8].

Б.Ешмент ЕАЭО құрамындағы Қазақстан үшін мүмкіндіктері мен тәуекелдер ЕО мүшелерінің арасындағы үлкен теңсіздік мәселелеріне байланысты, оның ішінде Ресей Федерациясына артықшылық беруінде деп санайды. Неміс сарапшысы «экономикалық тұрғыдан алғанда, Қазақстан үшін ешқандай артықшылық жоқ, ол өзіне жүктеп отырған саяси интеграциядан өзінге арыла алады, бірақ болашақта оны толық алып тастай алмайды деп есептейді [3]. Б.Ешмент болашақта тәуелсіздігінен айырылып қалуы мүмкін деген өзінің алаңдаушылығын білдіре отырып, «Қазақстан болашақта өзінің тәуелсіз сыртқы саясатын жүргізуді жалғастыра алса, бұл факт өте маңызды болып табылады», – деп тұжырымдайды [3].

ЕАЭО құрамында Қазақстан үшін тәуекелдер мен мүмкіндіктерді бағалау Эдда Шлагердің пікірімен сәйкес келеді «ЕАЭО оның барлық мүшелеріне, соның ішінде Қазақстанға, Ресейден басқа экономикалық сәтсіздіктер болып табылады. Белоруссия, Қазақстан, Армения, Қырғызстанмен кеден шекараларын алып тастағаннан кейін, Ресей өздері үшін жаңа сауда нарығын жасады. Бұл елдердің жергілікті өнімдері не сапасы, не бағасы бойынша Ресейден келген өнімдермен бәсекелесе алмайды.

Оның үстіне, рубльдің құлдырауының арқасында бұл тиімділік одан да күшейді – арзан орыс тауарлары жергілікті өнімдерді нарықтан шығарып жатыр. Осы себептерге байланысты Қазақстан экономикасы соңғы айларда көптеген шығындарға ұшырады. Қазақ теңгесі Қазақстанның Ресеймен сауда, қаржы саласындағы байланысы арқасында рубльмен бірге құрдымға кетіп жатыр».

«Негізінде, ЕАЭО – осы уақытқа дейін ресейлік протекционизмнің тамаша құралы болып табылады», – деп қорытындылайды Э. Шлагер.

Сонымен қатар, неміс сарапшысы қазіргі қалыптасқан жағдайды жою жөнінде: «Қазақстан мен басқа да одақтың мүшелері өздерінің жеке инновациялық технологиялары, жоғары сапалы өнімдері мен қызмет көрсету түріндегі шынайы экономикалық жетістіктері болған жағдайда ғана Ресейге қарсылық көрсете алса ғана, жағдайды өзгерте алады. Бірақ бұл кез-келген жағдайда ұзақ процесс болады» деген шаралар ұсынып отыр [3].

Шетелдік сарапшылар Кремльдің саясатын «жұмбақ» деп сипаттайды. DW-ның шолушысы Кристиан Триппе Ресейдің екі жақты бүркітпен бейнеленген мемлекеттік туын көрсетіп, Ресей басшылығының жүзеге асырып отырған сыртқы саясатына ұқсайтындығын айтады. К. Триппенің пікірі бойынша, бүркіттің бірден екі бағытқа – шығысқа және батысқа

қарауы, Ресейдің екі геосаяси полостің арасындағы тоғысуды білдіреді. К. Триппе Путинді «патшалық отаршылдық пен кеңестік гегемонияға тартып отыр» деп айыптайды және – шығыс Украинадағы сепаратистерге ауқымды қолдау көрсетуін жоққа шығарып отырғанда «Ресейдің қазіргі басшылығының стилі КСРО басшылығының әрекетін еске түсіреді» деп айыптайды [9]. Бұл құбылысты «мұрагерлік» деп сипаттай отырып, ол «биліктегі мұрагерлік» факторының бар екеніне назар аударады.

Кристиан Триппе ЕАЭО қызметіне теріс көзқараспен қарайтындардың бірі болып саналады. Белгіленген көзқарасқа сәйкес, Триппе «Ресейдің саясатына оның серіктестері – Қазақстан мен Беларусь тарапынан наразылық білдіріп, Ресейдің артықшылығынан қауіптенеді және ЕАЭО осы Одаққа мүше елдерге империалистік үстемдікті орнатудың тек құралы ғана болып қалуы мүмкін», – деп көрсетеді [9].

Демек, әртүрлі факторлардың кешені – бұл Орталық Азия аймағының жалпы геосаяси саласында жиі шығатын, оның ұлттық мүдделеріне сәйкес келетін мемлекеттің сыртқы саясатын жүзеге асыруға негіз болып табылады. Аймақтың барлық елдері, әсіресе Қазақстан, сыртқы саясаты ең алдымен, көп векторлы түрде құрылуда. Бұл елдердің еуропалық және азиялық бағыттарының тоғысуы географиялық орналасу жағдайымен түсіндіріледі, ал еуразиялық бағдар мемлекеттің мүдделеріне жауап береді.

Бұл жағдай біздің неміс сарапшыларына «Қазақстанның Орталық Азиядағы рөлі қандай?» деген сұрақ қоюға ықпал етті. Бұл сұраққа Эдда Шлагер: «Менің көз алдымда, Қазақстан 1990-шы жылдардың ортасында Орталық Азияда жетекші экономикалық рөл атқарып, халықаралық инвестицияларға жол ашты. Халықаралық инвестицияларға өз есігін кештеу ашқан, бүгінде де мемлекеттің қатаң бақылауында ғана мүмкін болып отырған Өзбекстан, Түрікменстан сияқты емес, Қазақстанның ірі инвестицияларды ашуға шешім қабылдауы жылдам экономикалық дамуға ықпал етті», – деп жауап берді.

Соңғы жылдардағы дағдарыстарға қарамастан (2009 жылғы халықаралық қаржы дағдарысы, Ресей мен Украина арасындағы 2013 жылдың соңындағы дағдарыс), Қазақстан экономикалық жағынан өз деңгейінде нәтижелерін сақтай алды».

Эдда Шлагердің оң пікірлерінің негізінде үлкен сын да бар «Бірақ ең соңғы деректерде, әсіресе валютаны тұрақтылықта ұстау және теңгенің еркін айырбас бағамының сақталуына қатысты міндеттеріне қатысты, Қазақстан экономикасының көптеген әлсіз тұстарын көрсетіп отыр: шикізат мазмұны, өңдеуші кәсіпорын салаларының жоқтығы, Ресейге тығыз экономикалық тәуелділік. Қазақстан Орталық Азиядағы жетекші экономикалық рөлге ие

болса да, Орталық Азияның басқа елдерінің экономикалық әлсіздіктеріне негізделген бұл рөлді жалғыз нығайтуы керек емес».

Бұдан басқа, Э. Шлагер жоғарыда көрсетілген кемшіліктерді жоюға ықпал ету үшін оның көзқарасы бойынша көптеген ұсыныстарды сәйкес болмаса да ұсынады. Осыған орай, ол былай деп жазады: «Бәрінен де өсетін уақыт келді! Бұл дегеніміз, шикізат секторымен қатар, Қазақстан экономиканың баламалы секторларын дамытуы қажет, білім беру реформасын жүргізіп, мемлекеттік бақылаудан бас тартуға және экономиканы жоспарлауға ұмтылуға тиіс, ал соңғы кезекте емес сыбайлас жемқорлықпен қатты күресу өте маңызды екендігін білдіреді».

Еуропалық демократиялық құндылықтарды жақтаушы мен қорғаушы тұрғысынан алғанда Эдда Шлагер елдегі демократиялық даму бастамаларының төмен деңгейін көрсетеді. Сонымен бірге, «осыған қарамастан, Қазақстан Ресей, Украина және Батыс арасындағы қатығыс кезінде медиатор ретінде әрекет етуді ұсынғанда халықаралық қоғамдастықтың сенімін айтарлықтай нығайтты», – деп саралайды [3].

Беат Ешменттің жауабынан да Орталық Азиядағы Қазақстанның рөліне үқсас бағалауды кездестіреміз. Ол «экономикалық дамуы мен болжамды сыртқы саясатының, сондай-ақ оның қалыпты авторитарлы саяси жүйесінің арқасында, Қазақстан Республикасы өзінің Орталық Азиядағы көршілеріне қарағанда оң мазмұнда айтқанда ерекшеленеді» деп санайды. Ол одан әрі: «Өзбекстанға қатысты айқын бәсекелестік болса да, барлық Орталық Азия мемлекеттерімен қатынасы шиеленіспеген, алайда, Қазақстанның аймақ мемлекеттеріндегі әрекеті көбінесе өзіне сенімді және тәкәппар ретінде қабылданады. Негізінде, Орталық Азиядағы көршілері Қазақстанның сыртқы саясатында ерекше маңызды рөл атқармайды» деп жазады [3].

Әсіресе ЕАЭО құрылғаннан кейінгі Еуропалық Одақ пен Қазақстан арасындағы қарым-қатынас мәселесі маңыздылығын жоғалтқан жоқ. Дегенмен, бұл жағдай Қазақстан басқа интеграциялық топтармен қарым-қатынаста болмайды деген жағдайды білдірмейді. Неміс сарапшылары атап көрсетіп отырғандай, ЕО Қазақстан үшін – негізгі сауда және инвестициялық әріптес ел болып табылатындығын жоққа шығармайды [7].

Қазақстан Республикасының Сыртқы істер министрі Ерлан Бідырысов пен Еуропалық Одақтың Жоғары өкілі Фредерика Могеринидің 2015 жылдың желтоқсанында ЕО мен Қазақстан арасындағы ынтымақтастықты тереңдету туралы Келісімге қол қоюы бұған дәлел болады [10].

Неміс сарапшылар қауымдастығының ұсынған Қазақстан Республикасының сыртқы саясатының негізгі бағыттарын бағалауға жасаған шолуы Қазақстан-Германия қарым-қатынастарының қазіргі жағдайы,

проблемалары мен келешегі туралы мәселелерді қамтиды. Беате Ешменттің жауабы өте қысқа: «Қазіргі уақытта Қазақстан Республикасы мен Германия арасындағы ешқандай өткір проблемалар жоқ, бірақ меніңше, Германияның сыртқы саясатында Қазақстанның маңыздылығы жоғары емес» [10].

Эдда Шлагер салыстырмалы түрде егжей-тегжейлі жауап берді. Ол Германия үшін Қазақстан үшін маңызды әріптес болып қала береді деп санайды. Экономикалық тұрғыдан алғанда, Қазақстан осы аймақтағы бірден-бір сауда серіктесі болып табылады. Сонымен қатар, Э. Шлагер: «Қазақстан нарықтан нарық ретінде ғана емес, сондай-ақ нақты инвестициялық мақсат ретінде қарастыру үшін тәуекелден қорқатын немістерді түсінбей Германиядан келетін инвесторларды тым жиі күтіп отыр. Егер Қазақстан неғұрлым жақсы инвестициялық және құқықтық кепілдік жасаса, неміс кәсіпорындары осы бағытта белсенді түрде әрекет етуге дайын» деп атап көрсетеді [3].

Э. Шлагердің ұсыныстары белгілі бір дәрежеде Е. Герноттың жекелеген ережелерімен сәйкес келеді. Сұрақ неміс экономикасының энергетикалық секторға инвестициялауымен байланысты болды. Оның пікірінше, Қазақстан бірінші кезекте тұр.

Әрі қарай, Э. Шлагер: «Шетелдік инвестицияларға келетін болсақ, олар салынады, бірақ нақты өлшемі әлі де аз – бұл миллиардтаған емес, ол әлі де миллиондаған сала, бірақ, әлдеқайда үлкен инвестициялар болуы мүмкін, мысалы, шын мәнінде Қазақстанға салынатын инвестициялар бүкіл Орталық Азия нарығына сәйкес келуі мүмкін. Орталық Азияны бірыңғай нарыққа айналдырса, онда істерін жүргізу ашық және тартымды болар еді, мұнда бизнес жүргізу үшін әлдеқайда тартымды болар еді. Әзірше тек екі жақты қатынастар ғана әрекет етуде. Онда Қазақстан көшбасшы болып отыр, бірақ өте аз көлемде [11, 12].

Егер бұл қатынастардың экономикалық аспектілеріне қатысты болса, онда саяси тұрғыдан алғанда, Э. Шлагердің пікірі бойынша «Қазақстан ЕАЭЖ құрамында Ресейдің алдындағы тәуелсіз ұстанымда болуына сәйкес, орыс-украина шиеленісінде делдалдық әрекетінің күшеюі, көпвекторлы саясатты жалғастыруына байланысты әріптестік рөлге ие болды. Тіптем Ресейге қатысты шиеленіскен саяси жағдайда да Қазақстан Ресейге баламалы қол жетімді болуы мүмкін [3].

Қазақстан-Германия қарым-қатынасын сипаттағанда, Германияның біздің мемлекетімізге деген тұрақты қызығушылығын атап көрсетеміз. Бұл Қазақстанның демографиялық құрылымында айтарлықтай бөлігін құрайтын неміс диаспорасының жағдайына қамқорлық танытуымен де байланысты.

Бұл мәселеде Э. Шлагер қарама-қарсы көзқарасты ұстанады. Оның пікірінше, «Дегенмен бұл неміс саясаткерлерінің Қазақстанға жасаған

сапарларында үнемі атап көрсетілсе де, Қазақстандағы неміс диаспорасына қатысты екі елдің байланысы ешқандай рөл атқармайды. Қазақстандағы неміс диаспора мүшелері Германиямен байланысын көбірек жоғалтанымен қатар, осылайша олар өздерінің неміс бірегейлігін де жоғалтып отыр» [3].

Сонымен бірге, Қазақстан-Германия қарым-қатынастарының келешегі оптимизмге толы және «Германия экономикалық, әлеуметтік және қоғамдық тұрғыдан алғанда, оның Қазақстандағы жақсы беделіне байланысты өз пайдасын алуды жалғастырып отыр» [3].

Жоғарыда айтылғандарға сүйене отырып, Эдда Шлагер: «Германия үшін Қазақстанды тек Орталық Азияда ғана емес, халықаралық аренада да маңызды әріптес ретінде танитын уақыт келді» деп қорытынды жасады. Алайда, неміс сарапшысының пікірі бойынша, бұл тану біздің мемлекетіміздегі демократияның дамуының салдары болар еді [3].

ҚОРЫТЫНДЫ

Неміс сарапшыларының барлық бағалаулары мен тұжырымдары дау туғызбайды деп айтуға болмайды. Дегенмен, шетелдік сарапшылардың «өшпенділік» және шектеулі пайымдауларына ғана бұрынғы Кеңес дәуірінің рухында кемсітпейтін сын-ескертпелерге талдау жасайды. Қазақстан Республикасының сыртқы саясатын шетелдік сарапшылар қауымдастығында бағалауы бойынша жарияланған нәтижелерді түсінбей, біз ең алдымен олардың зерттеу мүмкіндіктерін елемеуге, әділеттілігін айқындауды жоққа шығармауға және өзімізге сырттан сыни көзқараспен қарауға мүмкіндік беруіміз керек. Бұл жағдай практикалық мүдделермен түсіндіріледі: оппонент ұстанымын талдай білу керек, өйткені оппонент сияқты ешкім де мәселені терең және өткір қоймайды, ешкім де сенің көзқарасыңның әлсіз тұстарын айқындай алмайды.

Қазақстан Республикасы сыртқы саясатының жекелеген аспектілеріне әралуан көзқарас пен бағалаулар бар кезде, олардың ортақ тұжырымдарының мәні оның қарым-қатынастарын әртараптандыру, және көп векторлы бағыт арқылы өз қатынастарын диверсификациялау, көп жақты ынтымақтастықты нығайту және дипломатиялық белсенділікті айқындауда Қазақстанның сыртқы саясатының маңызды басымдықтарын әзірлеу мен жүзеге асырудағы үздіксіздікті сақтауына ұмытылып отырғандығына лайықты оң сипаттама беруінде. Тек Қазақстанның белсенді, әртараптандырылған және теңгерімді сыртқы саясаты ғана ХХІ ғасырдың қиындықтарына төтеп беруге және ұзақ мерзімді ұлттық мүдделерді қамтамасыз етуге қабілетті [12, 8].

ПАЙДАЛАНҒАН ДЕРЕКТЕР ТІЗІМІ

1 Қазақстан Республикасы сыртқы саясатының 2014–2020 жылдарға арналған тұжырымдамасы туралы. [Электронды ресурс]. – <http://adilet.zan.kz/kaz/docs/U1400000741>.

2 Есмагамбетов К. Л. Что писали о нас на Западе. – Алматы : Казак университети, 2006. – 152 б.

3 Из материалов экспертного опроса с Беатой Ешмент (7.08.2015). Эддой Шлагер (14.10.2015).

4 polpred.com

5 У Москвы и Пекина в Центральной Азии общие интересы, но разные цели // [Электронный ресурс]. – sayassat.org/articles/486-u-moskvu-i-pekina-v-sa-obschie-interesy-no-raznye-celi.

6 Внешняя политика Республики Казахстан / под общей ред. К. И. Байзаковой. – Алматы : Казак университети, 2006. – 302 с.

7 Таштемханова Р. М., Серикбаева А. Т. ЕАЭС в оценке немецких экспертов // Вестник ЕНУ. – Серия гуманитарных наук. – № 1 (110). – 2016. – С. 657–663.

8 Рар. А. Холодная война никогда по-настоящему не заканчивалась // Россия и Европа. Энергия сотрудничества. –Т. III / сост. П. В. Святенков. – М. : Вече, 2014. – 304 с.

9 Политика России двулика // [Электронный ресурс]. – www.-profi-forex.org/novosti-mira/entry1008235784-html.

10 [Электронный ресурс]. – Berlek-npk.com/analytics/4980-cgi-berlek-edinstvo-pochemu-astana-ne-stanet-vybirat-mezdu-brusselem-i-moskwoy-html.

11 Гернот, Э. Страна, которая быстрее всех делает шаги в сторону модернизации // Вестник КазНУ. – № 6 (56). – 2011. – С. 9–12.

12 Губайдуллина, М. Ш. 20 лет в международном сообществе: многовекторный курс Казахстана / Вестник КазНУ. – №6 (56). – 2011. – С. 3–9.

Материал баспаға 30.11.18 түсті.

Р. М. Таштемханова¹, Б. Ж. Абжаппарова²

Анализ внешней политики Казахстана академическим сообществом Германии

^{1,2}Евразийский национальный университет имени Л. Н. Гумилева, г. Астана, 010000, Республика Казахстан. Материал поступил в редакцию 30.11.18.

R. M. Tashtemkhanova¹, B. Zh. Abzhapparova²

Analysis of the foreign policy of Kazakhstan by the German academic community

^{1,2}L. N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, 010000, Republic of Kazakhstan.

Material received on 30.11.18.

В предлагаемой статье освещается анализ приоритетных направлений внешней политики Республики Казахстан на основе результатов экспертного опроса, проведенного среди ведущих немецких ученых, занимающихся центральноазиатской проблематикой. Мы обозначили пять приоритетных направлений внешней политики РК: российское, китайское, региональное, западное (Европа, США), восточное. Немецкие эксперты дали обстоятельный анализ по определению места, роли и значения этих векторов во внешнеполитической деятельности Республики Казахстан. Особое место в перечне вопросов экспертного опроса заняли проблемы образования и деятельности ЕАЭС, оценки рисков и возможностей для Казахстана в составе ЕАЭС. Научный интерес представляют также вопросы о роли Казахстана в регионе, взаимоотношениях Европейского Союза и Казахстана в целом, с Германией в частности.

The proposed article covers the analysis of the priority directions of the foreign policy of the Republic of Kazakhstan on the pine tree, the results of an expert survey conducted among leading German scholars working in Central Asian issues. We have identified five priority areas of foreign policy of Kazakhstan: russian, chinese, regional, western (Europe, USA), eastern. German experts gave a detailed analysis to determine the place, role and significance of these vectors in the foreign policy activities of the Republic of Kazakhstan. A special place in the list of questions of the expert survey was taken up by the problems of education and activities of the EAEU, the assessment of risks and opportunities for Kazakhstan within the EAEU. Of scientific interest are also questions about the role of Kazakhstan in the region, the relationship of the European Union and Kazakhstan in general, with Germany in particular.

**N. A. Uruzbayeva¹, S. T. Nassanbekova²,
M. Rodríguez Zapatero³**

¹d.e.s., professor,

²PhD student, «Tourism» speciality, Faculty of Economics, L. N. Gumilyev Eurasian National University, Astana, 010000, Republic of Kazakhstan;

³PhD, professor, Faculty of Labour Sciences, University of Córdoba, Cordoba, 14071, Spain

e-mail; ¹nazym_amen@mail.ru; ²samalkz83.sn@gmail.com; ³es3rozai@uco.es

SOCIAL ASPECTS OF TOURISM SPHERE DIGITALIZATION

This paper discusses the advantages and negative aspects of the digital transformation of society from the standpoint of the possible occurrence of social risks. Based on the analysis of scientific literature in the field of economics and sociology, as well as modern trends in the development of international tourism, economic benefits and social consequences of the digitization of the tourism industry are identified. The reasons for strengthening the digitalization of tourism and society as a whole are given.

To smooth out negative social consequences in the sphere of tourism, the authors point out the need to analyze the regulatory impact of government programs on the socio-economic and environmental climate in society.

Keywords: digital economy, tourism, digital transformation, tourist destination, social risks.

INTRODUCTION

One of the key trends in the development of world society is the process of digitalization, which gradually covers all aspects of social life. The dynamics and scope of the processes of digital transformation of society taking place in the world have not bypassed Kazakhstan, in which as early as 2013, the Information Kazakhstan-2020 program was adopted.

Today, the attention of our state to digitalization as a global trend, including expectations of the socio-economic effect of their implementation, is very high. Building a digital economy is necessary to increase the competitiveness of the national economy and improve the quality of life of the population. At the same time, «digitalization» is considered as one of the ways to diversify the country's economy, its reorientation from the raw materials to the industrial-service model.

The relevance of this issue is also determined by the need to solve the tasks set in the State Program «Digital Kazakhstan» for 2017-2020.

These and other circumstances give rise to the need to conduct systematic and in-depth research on the problem of the formation of a «digital» society in our state. Meanwhile, a review of the scientific literature on this topic indicates that, firstly, the processes of «digitalization» have not yet received an appropriate scale and sound reflection in scientific research, and, secondly, the primary focus in the analysis of this issue is on the economic component. In the economic literature, as a rule, there is no serious analysis of the social aspects of the digital transformation of society.

The methodological basis of current study of the problem of the digitalization of society are the works in the field of the development of the information economy of such famous scientists as D. Bell [1], F. Machlup [2], E. Toffler [3] and others. The term «information economy», as is commonly believed, was introduced by M. Porat in the mid-1970 s. [4]. In their works, these scientists emphasized that at present, for business, it is necessary to use information technologies (IT), computer networks, digital communications, modern communications as basic tools, without which an enterprise cannot achieve a competitive advantage.

These studies received their logical continuation in the works of Nicholas Negroponte [5], who was the first in science to define the digital economy. The essence and features of the digital economy are also disclosed in Babkin A. V., Burkaltseva D. D., Kosten D. G., Vorobieva Yu. N., Katasonova V., Bekzhanova T. K. [6, 7, 8] and others. In these and other sources, the digital economy is considered as part of economic relations mediated by the Internet, cellular communications, and information and communication technologies.

In sociology, a critical analysis of the problems of digitalization and their social consequences for society was reflected in the works of A. Chernyshov. [9], Malysheva G. A. [10], Goikhman O. Ya. [11] and some other publications.

MAIN PART

According to the forecasts of the world's leading experts, by 2020, 25 % of the world economy will be digital, and the introduction of technologies «digitalization» of the economy, allowing the state, business and society to interact effectively, is becoming more and more widespread and dynamic process. At the same time, recognizing the global nature of the transition of modern society to digital development rails, one should bear in mind the differences in the processes of «digitalization» from country to country and the associated possible socio-political risks. Such an approach requires the formation of a digital economy in each country,

taking into account its national characteristics, starting opportunities, careful weighing of the economic advantages and social consequences of «digitalization».

Undoubtedly, the digital economy has many advantages. The key of them can be considered:

- reducing the cost and time to promote products and services;
- increasing the availability of products and services;
- the emergence of new sectors of the economy and the emergence of new sources of income;
- increasing the flexibility of offering products and services;
- the growth of the range of products and services in the direction of their greater diversity.

It must be said that these and other advantages for various sectors of the economy can manifest themselves with varying degrees of intensity. One of the areas of the economy, which is more susceptible to digital transformation is considered the service sector. In this regard, we believe that for the sphere of tourist services, the economic benefits of digitalization can be fully manifested, but under the condition of effective management of these processes.

The objective nature of «digitalization» and its advantages for the tourism sector are due to at least three circumstances:

- 1) the international, global nature of tourism (the smaller the borders, the faster the digital economy develops);
- 2) the intangible nature of tourist services (approximately 75 % of the tourist product consists of intangible services);
- 3) tourist companies operate in the B2C-segment, which is traditionally easier to digital transformation.

Thus, in the sphere of tourism there are objective prerequisites for achieving a productive effect that can be caused by the introduction of information and communication technologies.

Therefore, it is not by chance that the online tourism market has been growing in recent years. This is caused by such factors as increasing market competition, market trends related to technical progress and the younger generation of technically advanced tourists, the so-called «millennially».

The growth driver of online tourism in Kazakhstan today is the sale of air and railway tickets. The share of online purchases of airline tickets, according to some estimates, in 2017 was a little over 10 %, in 2016 – about 10 %, in 2015 – about 8 %, and in 2014 – no more than 4 % (for comparison, in the USA at least 70 % of tickets are sold over the Internet, in Europe – at least 50 %). That is, the growth is obvious [12].

Digital transformations in tourism have positive aspects for society, the ways and processes of planning a trip experience a significant evolution from beginning to end, and it is economically beneficial for consumers from this evolution in terms of opportunities and access to information.

Thus, digital technologies reduce the cost of flights and provide opportunities to buy online, thereby generating more desires and creating opportunities for travel. Over the next 20 years, the International Air Transport Association (IATA) predicts that annual passenger growth rates will reach 3.7 %, while Statista reports that global online travel sales will exceed \$ 817 billion over three years, compared with \$ 564 billion in 2016. In this way, new opportunities for cultural and social exchange are created [13].

Currently, in the tourism sector, there are more new players, mainly due to the evolution in the field of digitization. As in many other sectors, new services no longer require physical presence. For example, online travel agencies have become extremely important contact points for consumers when booking travel. New players understand the needs of the consumer – and sometimes they become aware of these needs before the consumer finds out about them. These new players have created embedded platforms that provide access to information, ease of comparison and ease to use. This makes it easier for consumers to make decisions at the inspiration, search and backup stages. For example, the Nielsen study shows that travelers spend an average of 53 days visiting almost 30 websites during the decision-making process and that more than half of these travelers seek advice and recommendations through social networks. This reflects how important it is for the consumer reviews and feedbacks of other people when booking a trip.

P2P platforms (purchaser to purchaser), such as AirBnB, which offer consumers a new way of booking housing with an even greater choice of options, and are forcing other companies to reformulate their price offers, have also gained momentum. It is also a solution for self-employed citizens, motivates entrepreneurship and contributes to the growth of economic activity. This trend will be further developed as new assets and consumer goods are used together to reduce individual costs.

Digital technologies in the field of ecological tourism make it possible to visit environmentally sensitive destinations with less damage, for example, virtual and augmented reality technologies. That is, technologies not only contribute to environmental safety, but also raise awareness and spread knowledge about unique objects, which in turn contributes to sustainable development.

Recently, the benefits of «digitalization» of the tourism sector are increasingly beginning to be recognized by the regions of the country, creating tourist

information centers. One of such regions is Akmola region, which has a serious tourist potential.

Thus, in accordance with the Action Plan for the development of the tourism industry of the Akmola region for 2017–2019, in May 2017, the Tourist Information Center «VisitAqmola» were created. The main goals of VisitAqmola were the formation and dissemination of information about the unique tourist potential of the region, as well as promotion, support for new business entities and their further information support in the field of tourist activities in the region and beyond.

VisitAqmola has developed a new online resource on the tourism potential of the Akmola region (www.visitaqmola.kz) in three languages. The online resource takes into account new trends in web design using widescreen video, non-standard content delivery and maximum convenience of using the resource by tourists. The functionality of the site is provided by a filter that allows the visitor to choose the area, entertainment facilities, accommodation. The site will allow users to track the development process of the industry, on its pages it is easy to find information about the activities carried out, ongoing and only planned for tourism; about the services provided in the field of tourism and related industries in the region; about the objects of the tourist industry of the region (sights, museums, routes, hotels, restaurants, recreation centers, etc.) in the format of media pack; much different.

Thus, online tourism contributes, in general, to increasing the tourist attractiveness of the regions of Kazakhstan and their recognition in the international market of tourist services. However, excessive absolutization of the advantages of digitalization without taking into account the social component of this process can, in general, turn into a negative side for society.

As noted above, the social consequences of the phenomenon of digitalization, and even more so social risks, are either the subject of a secondary study or remain completely out of sight. In addition, we must not forget that our country in recent years has been following the path of catching up development, including regarding the digital transformation of society.

In this connection, the theory formulated by Academician V. M. Polterovich regarding the institutions of catching up development. He believes that the strategy of institutional reforms should take into account «the characteristics of civic culture and the level of human capital development» and form in society «institutional expectations that encourage movement along a promising trajectory» [14, с. 317, 320, 324–325].

It seems that this thought of a scientist can be projected on the reform of digitalization in Kazakhstani society. For successful transformation, today we need advanced supervising institutions, high-level specialists who are able to master constantly updated technologies, a well-functioning system of personnel retraining

and retraining, transformation of management methods in companies of the tourist industry and other socio-economic conditions. Moreover, the introduction of digital technologies should be based on the principle of gradualness and at the same time creating by the state the so-called social safety cushion. Otherwise, we may face irreversible social consequences.

For example, one of the risks of the digitalization of modern society is that full-scale robotization of production can cause enormous disparities between supply and demand in the labor market. Now this phenomenon can be directly observed in the hotel sector, where robots began to displace living labor, registering, cleaning rooms, acting as messengers and similar functions. Possible social threats to this are the growth of technological unemployment, a decrease in the level of incomes of the population, the loss or decline in the social status of workers, the increase in social inequality in society.

As for the tourism industry, there is a risk of the following negative points:

- 1) Prekarization of employment relations in the field of tourism.
- 2) Declassification of personal information - social data on the Internet.
- 3) Distortions in the training of specialists (emphasis on the technocratic component to the detriment of the socio-cultural component and, in general, the fundamental nature of education).
- 4) «Digital» and social inequality.

Obviously, the state should not fulfill the role of a «night watchman» in this situation. Developed social programs should include a set of measures to eliminate imbalances in labor relations in the field of tourism (as well as in other areas of economic activity) caused by the introduction of digital technologies. The state should also act as a guarantor of ensuring the information security of the individual and preventing any forms of inequality in society.

CONCLUSION

Thus, Kazakhstan is actively integrating into the digital society in order not to remain on the periphery of the global economy – this also applies to the tourism sector. Tourism – information-intensive sector and digitalization – a key factor in the development and promotion of tourism products.

Undoubtedly, the state plays an important role in smoothing the negative social consequences of digitalization. Its role is to stimulate the widespread creation of electronic channels for the exchange of information (the Internet) and their accessibility, to improve the legal framework and readiness to participate in electronic interaction. It is the state that has enough leverage of direct and indirect influence (laws, acts, orders, benefits or penalties) can help achieve a reasonable balance between economic benefits and social priorities of society.

To achieve such parity, it is necessary to analyze the regulatory impact of government programs on the socio-economic and environmental climate in society.

REFERENCES

- 1 **Белл, Д.** Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Пер. с англ. – М. : Academia, 1999. – 784 с.
- 2 **Machlup, Fritz.** The Production and Distribution of Knowledge in the United States. – Princeton. NJ : Princeton University Press, 1962. – 464 p.
- 3 **Тоффлер, Э.** Конфигурация могущества // Метаморфозы власти. – М. : АСТ, 2009. – 669 с.
- 4 **Porat, M. U.** The information economy : definition and management. – Washington, 1977.
- 5 **Negroponte, N.** Being Digital / N. Negroponte. – NY : Knopf, 1995. – 256 p.
- 6 **Бабкин, А. В., Буркальцева, Д. Д., Костень, Д. Г., Воробьев, Ю. Н.** Формирование цифровой экономики в России: сущность, особенности, техническая нормализация, проблемы развития// Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. – 2017. – Т. 10. – № 3. – С. 9–25;
- 7 **Катасонов, В.** Цифровая экономика – светлое будущее человечества или биржевой пузырь? // Фонд стратегической культуры. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.fondsk.ru/news/2017/01/08/cifrovaja-ekonomika-svetloebudushee-chelovechestva-ili-birzhevoj-puzyr-43346.html> (Дата обращения 04.03.2017);
- 8 **Бекжанова, Т. К.** Проблемы и перспективы развития цифровой экономики Казахстана // Цифровая экономика и «Индустрия 4.0»: проблемы и перспективы : труды научно-практической конференции с международным участием / под ред. д-ра экон. наук, проф. А. В. Бабкина. – СПб. : Изд-во Политехн. ун-та, 2017. – С. 30–34.
- 9 Цифровизация и технологизация общественной жизни как социально-политическая проблема: сохранение идентичности и роль государства в условиях развития глобальных сетей // Вестник Томского Государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2017. – № 40. – С. 319–328.
- 10 **Малышева, Г. А.** О социально-политических вызовах и рисках цифровизации российского общества // Власть. 2018. – № 1. С. 40–46.
- 11 **Гойхман, О. Я.** Гуманитарные аспекты цифровизации // Человеческий капитал в формате цифровой экономики : Междунар. науч. конф.,

посвященная 90-летию С. П. Капицы, Москва, 16 февраля 2018 г. : Сб. докладов. – М. : Редакционно-издательский дом РосНОУ. – 2018. – 432 с.

12 **Яншин, А.** Что не хватает Казахстану для развития туризма? Деловые новости Казахстана «Курсив» – 09.07.2018. [Электронный ресурс]. – <https://kursiv.kz/opinions/2018-07/chto-ne-khvataet-kazakhstanu-dlya-razvitiya-turizma>

13 **Diez, D.** The tourism sector impact of digitalization. Good Rebels. 2017 <https://www.goodrebels.com/tourism-sector-impact-digitalization/>

14 **Полтерович, В. М.** 2017. Институты догоняющего развития и гражданская культура. – Научные труды Вольного экономического общества России. – Т. 205. – № 3. – С. 314–328.

Material received on 30.11.18.

Н. А. Урузбаева¹, С. Т. Насанбекова², М. Родригез-Запатеиро³

Туризм саласындағы цифрландырудың әлеуметтік аспектілері

^{1,2} Л. Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Астана қ., 010000, Қазақстан Республикасы;

³ Кордоба Университеті, Кордоба, 14071, Испания.

Материал баспаға 30.11.18 түсті.

Н. А. Урузбаева¹, С. Т. Насанбекова², М. Родригез-Запатеиро³

Социальные аспекты цифровизации сферы туризма

^{1,2} Евразийский национальный университет имени Л. Н. Гумилева, г. Астана, 010000, Республика Казахстан;

³ Университ Кордобы, Кордоба, 14071, Испания.

Материал поступил в редакцию 30.11.18.

Бұл мақалада қоғамның әлеуметтік тәуекелділіктердің пайда болуы тұрғысынан қоғамның цифрлық трансформациясының артықшылықтары мен теріс аспектілері талқыланды. Экономика және әлеуметтану саласындағы ғылыми әдебиеттерді талдауға негізделген, сондай-ақ халықаралық туризмді дамытудың қазіргі заманғы үрдістері, экономикалық артықшылықтар және туризм индустриясын цифрландырудың әлеуметтік салдары анықталды. Туризмді және тұтастай алғанда қоғамды цифрландыруды күшейтудің себептері келтірілген.

Туризм саласында теріс әлеуметтік зардаптарды жұмсарту үшін авторлар мемлекеттік бағдарламалардың қоғамдағы әлеуметтік-экономикалық және экологиялық ахуалға әсерін реттеудің қажеттілігін атап көрсетеді.

В данной работе рассматриваются преимущества и негативные стороны цифровой трансформации общества с позиций возможного возникновения социальных рисков. На основе анализа научной литературы в области экономики и социологии, а также современных тенденций в развитии международного туризма выявляются экономические выгоды и социальные последствия процессов цифровизации сферы туризма. Приводятся причины усиления цифровизации туризма и общества в целом.

Для сглаживания негативных социальных последствий в сфере туризма авторы указывают на необходимость анализа регуляторного воздействия государственных программ на социально-экономический и экологический климат в обществе.

ГРНТИ 04.21.51

Н. А. Урузбаева¹, К. Т. Сапаров²

¹д.э.н., профессор, Экономический факультет, Евразийский национальный университет имени Л. Н. Гумилева, г. Астана, 010000, Республика Казахстан; ²д.г.н., профессор, Факультет естественных наук, Евразийский национальный университет имени Л. Н. Гумилева, г. Астана, 010000, Республика Казахстан e-mail; ¹nazym_amen@mail.ru; ²k.sapar67@yandex.ru

РЕАЛИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ФУНКЦИИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В КАЗАХСТАНЕ

В данной работе исследуются вопросы обеспечения занятости как важнейшей социальной функции предпринимательства. Приводится краткая эволюция взглядов отечественных и зарубежных ученых на социальную роль предпринимательского сектора в экономике. Дается сравнительный анализ динамики занятости в казахстанском обществе и зарубежных странах с позиций влияния на него малого и среднего бизнеса. Результатами анализа является вывод о недостаточной на сегодняшний день роли МСП в обеспечении занятости в Республике Казахстан, а также выявление причин этого. Для усиления социальной функции предпринимательства в экономике страны авторами предлагаются некоторые рекомендации по государственной поддержке и стимулированию малого и среднего бизнеса.

Ключевые слова: социальная функция, занятость, предпринимательство, малый и средний бизнес, государственная поддержка предпринимательства.

ВВЕДЕНИЕ

В последние десятилетия развитие предпринимательской деятельности в обществе все в большей степени приобретает социальный оттенок. Произошло также и постепенное смещение акцентов в эволюции взглядов на феномен предпринимательства, на выполняемые им функции. Если во времена великих классиков-экономистов Р. Кантильона и А. Смита предпринимательство связывалось с реализацией экономической и предпринимательской функций, а у выдающегося исследователя в области экономической социологии Й. Шумпетера [1] – с инновационной функцией, то со временем, наряду с отмеченными функциями, все возрастающее

значение приобретает социальная роль бизнеса. Это было ознаменовано изменением в начале XX века статуса предпринимателя в обществе, усилением его влияния на фундаментальные общественные институты. Не случайно категория предпринимательства становится объектом пристального изучения в социологической науке. В первую очередь, здесь можно выделить социокультурный подход к исследованию предпринимательского духа, разработанный М. Вебером [2], а также социологическую концепцию предпринимательской психологии другого немецкого мыслителя – В. Зомбарта [3].

В современной экономической науке социальные аспекты предпринимательства получили отражение, например, в известном определении предпринимательства, данном американскими профессорами Р. Х. Хизричем и М. Питерсом: «Предпринимательство – это процесс создания чего-то нового, обладающего ценностью; процесс, поглощающий время и силы, предполагающий принятие на себя финансовой, моральной и социальной ответственности; процесс, приносящий денежный доход и личное удовлетворение достигнутым» [4].

Пройдя длительный путь своего становления и развития на сегодняшний день, как в практике, так и теории предпринимательства упрочивает свои позиции термин «социальное предпринимательство». Вопросы социального предпринимательства и социальной роли малого и среднего бизнеса были рассмотрены в трудах ученых ближнего и дальнего зарубежья Благовой Ю. А., Арай Ю. Н [5]; Макаревича А., Сазоновой Т. [6]; Имаевой Г. Р. [7]; Аустина Дж. и Стивенсона Х. [8]; Серто С. и Миллера Т. [9]; Мейера Дж. [10] и других.

У казахстанских авторов о социальной ответственности бизнеса, социальном предпринимательстве и роли предпринимательства в экономике писали: Баймуратов У. Б. [11]; Притворова Т. П., Аяганова М. П. [12]; Галимжанова С. Б. [13]; Кусаинов М. А. [14] и другие.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

В процессе становления рыночной экономики предпринимательство приобретает социальную функцию, выражающуюся в возможности каждого трудоспособного индивида быть собственником бизнеса, с наибольшей отдачей проявлять свои личностные способности и возможности. Эта функция все более проявляется в формировании новой когорты людей – людей предприимчивых, инициативных, способных осуществлять самостоятельную финансово-хозяйственную деятельность, создавать собственное дело, преодолевать барьеры рынка и добиваться поставленной

цели. В то же время увеличивается численность наемных работников, которые, в свою очередь, экономически и социально зависят от того, насколько стабильна и устойчива предпринимательская деятельность.

Таким образом, важнейшей социальной функцией предпринимателя, как мы это отметили выше, выступает функция предпринимателя как работодателя. Предприниматель, обеспечивая себя возможностью трудиться, обеспечивает рабочими местами и других людей.

Развитие малого и среднего бизнеса является одной из наиболее эффективных стратегий обеспечения занятости. Путем ее реализации возможно одновременное решение двух задач:

1) стимулирование экономического роста через расширение производства товаров и услуг;

2) стабилизация социальной ситуации в обществе за счет снижения официально регистрируемой и скрытой безработицы, обеспечения безработных, социально незащищенных и не полностью занятых слоев населения реальными источниками дохода.

В соответствии с последним Посланием Президента Республики Казахстан Н. Назарбаева народу Казахстана от 5 октября 2018 года в ближайшие 3 года планируется создать не менее 22 тысяч новых рабочих мест за счет реализации «Дорожной карты бизнеса – 2020». Это говорит о том, насколько наше государство отводит отечественному предпринимательству важную роль в обеспечении занятости.

Общая динамика занятости и безработицы в Республике Казахстан согласно данным официальной статистики представляется сравнительно благополучной: за 2017 г. занятость населения составила 8585,2 тыс. чел., что на 0,4 % выше, чем в предыдущем году. За последние 10 лет (2008–2017 гг.) рост занятости составил 8,5 %, а также сокращение безработицы с 445,5 тыс. чел. в 2016 г. до 442,3 тыс. чел. в 2017 г. За 10 лет (2008–2017 гг.) число безработных в стране снизилось на 2,6 %. Уровень зарегистрированной безработицы в Казахстане за 2017 г. составил 0,8 % и в основном находился либо на уровне других стран СНГ (Азербайджан), либо ниже (Кыргызстан – 2,3 %, Молдова – 1,7 %, Россия – 1 %, Таджикистан – 2,1 %, Украина – 2,1 %. Более низкое значение данного показателя можно наблюдать только у Беларуси – 0,5 % и Узбекистана – 0,1 % [15].

Каков же вклад предпринимательского сектора в обеспечение занятости в Казахстане? В 2017 г. численность занятых в малом и среднем предпринимательстве составила 3190133 чел., из них в малом бизнесе – 1301826 чел. 38,9 % занятости в МСП Казахстана обеспечивают

индивидуальные предприниматели. Общую динамику занятости в МСП можно проследить из данных таблицы 1.

Таблица 1 – Динамика численности занятых в МСП Казахстана по годам чел.

2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
1875526	1951888	2121198	2152960	2296600	2630580	2427136	2383338	2576902	2810962	3183844	3166792	3190133
Составлено на основе источника www.stat.gov.kz												

Как видно из таблицы, за последние 13 лет общая численность занятых в МСП показала положительную динамику: в 2017 г. произошел рост на 70 % по сравнению с 2005 г. Наиболее высокий рост произошел в 2010 г. – на 15 % и 2015 г. – на 13 %.

Численность занятых в МСП, тыс. человек

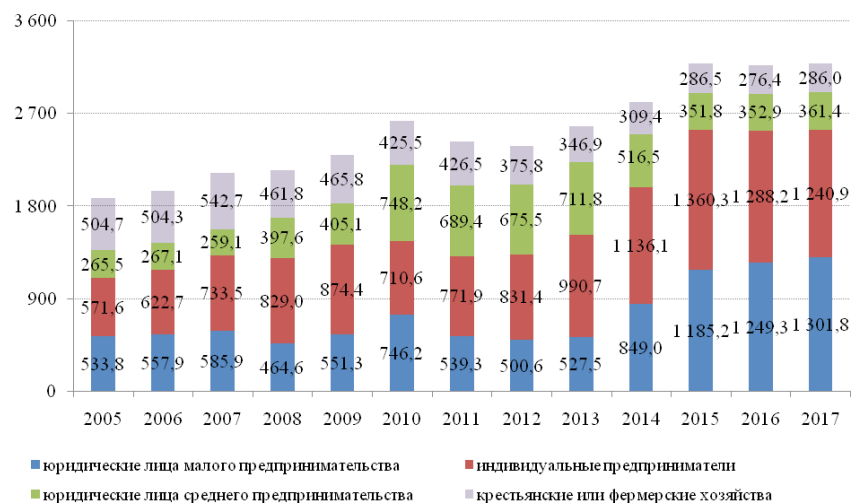

Рисунок 1 – Численность занятых в малом и среднем бизнесе

Источник - www.stat.gov.kz

Позитивным моментом в росте занятости в секторе МСП является тот факт, что больший вклад в 2017 г. обеспечили малые предприятия с образованием юридического лица – 301,8 тыс. чел., тогда как доля

индивидуальных предпринимателей сократилась с 288,2 тыс. чел. до 240,9 тыс. чел. в 2017 г. Также из рисунка 1 можно заметить небольшой рост занятости на средних предприятиях с образованием юридического лица: с 352,9 % в 2016 г. до 361,4 % в 2017 г. В то же время, по сравнению с 2013г. (когда наблюдалось самое высокое значение показателя занятости на средних предприятиях с образованием юридического лица) произошло снижение рассматриваемого показателя почти в 3 раза – с 711,8 тыс. чел. до 240,9 тыс. чел. в 2017 г.

Сопоставим показатели занятости в малом и среднем предпринимательстве с динамикой самого этого сектора. В таблице 2 приведены показатели численности активных субъектов МСП.

Таблица 2 – Количество активных субъектов малого и среднего предпринимательства в Казахстане единиц

2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
507365	572738	643376	707821	663374	661598	846111	809750	888233	926844	1242579	1106353	1145994
Составлено на основе источника www.stat.gov.kz												

Наиболее высокий рост числа активных субъектов МСП зафиксирован в 2011 г. – 28 % и 2015 г. – 34 %. Достигнув своего пика в 2015 г. данный показатель снизился в 2016 г. на 11 %. Однако, в 2017 г. вновь произошло его небольшое увеличение на 3,6 %. Сопоставив таблицы 1 и 2, можно отметить слабую корреляцию числа активных субъектов МСП и численности занятых на малых и средних предприятиях. Исключение составляет лишь 2015 год, когда наблюдался рост и количества активных субъектов МСП, и числа занятых на предприятиях МСП. И то, нужно сказать, что если первый показатель вырос на 34 %, то второй только на 13 %.

Очевидно, одной из основных причин отставания роста занятости от числа активных субъектов МСП является невысокая доля в нем юридических лиц малого и среднего предпринимательства, которые и создают рабочие места.

На рисунке 2 можно проследить структуру численности активных субъектов малого и среднего предпринимательства.

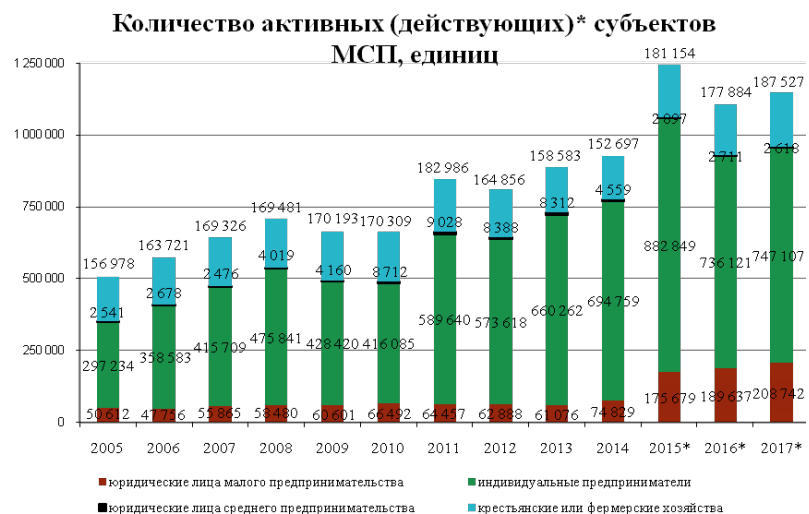

Рисунок 2 – Численность активных субъектов малого и среднего предпринимательства

Источник – www.stat.gov.kz

Здесь мы видим, что в периоды наибольшего роста занятости в 2011 и 2015 годах доля предприятий с образованием юридического лица в общем числе активных субъектов МСП составляла соответственно 8,7 % и 14,3 %. Львиную долю занимали индивидуальные предприниматели: 69,7 % в 2011 г. и 71,1 % в 2015 г. Следовательно, такая ситуация не могла положительно повлиять на рост занятости в предпринимательском секторе.

Сопоставим теперь долю занятых в МСП с общей численностью занятого населения страны и приведем данный показатель в табл. 3.

Таблица 3 – Доля занятых в МСП в общей численности занятого населения страны %

Год	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Доля занятых в МСП	27,4	29	32,4	29,2	28,0	30,1	33,0	36,9	35,9	37
Составлено на основе источника www.stat.gov.kz										

Рассматриваемый показатель за 10 лет вырос всего лишь на 9,6 % и составил в 2017 г. 37 %, что свидетельствует пока о недостаточном увеличении вклада МСП в обеспечение занятости в Казахстане. Пока только чуть более трети занятого населения страны задействовано в секторе малого и среднего бизнеса. Если сравнить данный показатель с другими странами, то в США он составляет 60 %, Германии – 69 %, Италии – 73 %, Франции – 60 %, Швейцарии – 62 %, России – 37 %, Китае – 75 % [16, с. 67]. Как мы видим, в некоторых европейских странах и Китае доля занятых в МСП в общей численности занятого населения почти вдвое превышает аналогичный показатель в Казахстане и Российской Федерации.

Таким образом, в настоящее время потенциал малого и среднего бизнеса еще недостаточно полно используется для обеспечения занятости населения в нашей стране.

Очевидно, для реализации социальной функции казахстанского предпринимательства необходимы государственная поддержка и стимулирование данного сектора.

Одной из мер государственной поддержки предпринимательства и стимулирования занятости является Программа развития продуктивной занятости и массового предпринимательства на 2017-2021 годы, которая предусматривает обеспечение востребованными профессиями на рынке труда, развитие предпринимательства, создание эффективной системы трудового посредничества.

Целью Программы является содействие продуктивной занятости населения и вовлечение граждан в предпринимательство. Ее участники – молодежь в возрасте до 29 лет, безработные и самозанятые.

Последнее обусловлено спецификой большинства региональных рынков труда Казахстана, для которых характерен очень высокий уровень самозанятости, причем преимущественно, сельского населения. Самозанятость преобладает в сельских территориях. Так, из 2,7 млн. чел. самозанятых в стране 70% проживают в сельской местности. Данной категории занятых в Казахстане на треть больше, чем занятых во всех формах малого предпринимательства.

В этой связи предусматривается стимулирование предпринимательства через выдачу кредитов, через обучение основам бизнеса. В этом плане Программа развития продуктивной занятости и массового предпринимательства коррелирует с целями Программы «Дорожная карта занятости 2020»: обучение и трудоустройство населения; помощь в открытии и развитии новых видов бизнеса; оптимальное распределение трудовых ресурсов в стране; поддержка занятости населения; недопущение роста уровня безработицы.

ВЫВОДЫ

На данном этапе развития государству, на наш взгляд, необходимо активнее использовать косвенные рычаги регулирования МСБ. К таковым можно отнести те, которые уже достаточно эффективно используются в странах, где предпринимательский сектор играет весомую роль в обеспечении занятости населения.

1) Предоставление налоговых льгот или иных мер финансовой и административной поддержки малым и средним предприятиям при осуществлении бизнес-проектов, связанных с созданием новых или переориентацией существующих рабочих мест. В качестве инструмента льготного налогообложения может выступить пониженная ставка корпоративного подоходного налога (КПН).

2) Субъектов МСП можно стимулировать для создания рабочих мест путем льготного кредитования — до 2/3 от стоимости проекта.

3) Путем выделения грантов на НИОКР и обучение персонала.

Учитывая ограниченность бюджетных ресурсов государства, можно также рекомендовать такие меры, как: обеспечение МСП доступа к государственному заказу; стимулирование интеграции крупного и малого бизнеса за счет таких форм взаимодействия, как факторинг, франчайзинг и других.

В завершение можно отметить, что для успешной реализации социальной функции предпринимательства сегодня необходима его системная поддержка со стороны государства и широкая пропаганда в обществе идеологии социальной ответственности бизнеса.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1 **Шумпетер, И.** Теория экономического развития : Исследования предпринимательской прибыли, капитала, кредита, процента и цикла конъюнктуры. – М. : Прогресс, 1982.

2 **Вебер, М.** Основные социологические понятия // Избранные произведения. – М. : Прогресс, 1990. – С. 602–644.

3 **Зомбарт, В.** Буржуа: Этюды по истории духовного развития современного экономического человека. – М. : Наука, 1994. – 442 с.

4 **Хизрич, Р., Питерс, М.** Предпринимательство, или как завести собственное дело и добиться успеха. – М., Прогресс-Универс, 1991. – 159 с.

5 **Благова, Ю. А., Арай, Ю. Н.** : Социальное предпринимательство: проблемы типологии (предисловие к разделу) // Вестник С. – Петербург. ун-та, Сер. Менеджмент. – 2010. – Вып. 3. – С. 109–114.

6 **Макаревич, А., Сазонова, Т.** Сущность и специфика социального предпринимательства в России // Российское предпринимательство. – 2012. – № 24 (222). – С. 52–56.

7 **Имаевой, Г. Р.** Теоретико-методологические аспекты изучения социальной роли малого и среднего предпринимательства // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2015. – №4. – С. 141–153

8 **Austin, J., Stevenson, H., Wei-Skillern, J.** Social and commercial entrepreneurship : Same, Different, or Both? // Entrepreneurship theory and practice, 2006, January. – P. 1–22.

9 **Certo, S., Miller, T.** Social entrepreneurship: Key issues and concepts // Business horizons. – 2008. – Vol. 51. Issue 4. – P. 267–271

10 **Mair, J.** Organizing for society: a typology of social entrepreneurship / J. Mair, J. Battilana // Journal of Business Ethics. – 2012. – No. 111. – P. 353–373.

11 **Баймуратов, У. Б.** Социализация в экономике: от индивида до государства. – Алматы : Экономика, – Т. 6. – 360 с.

12 **Притворова, Т. П., Аяганова, М. П.** Бизнес-модели в социальном предпринимательстве : элементы и возможности создания ценности. // Вестник Карту. – 2017. – № 4. – С. 182–188.

13 **Галимжанова, С. Б.** Социальная ответственность бизнеса: учебное пособие. – Астана : Изд. КазУЭФМТ, 2013.

14 **Кусаинов, М. А.** Роль малого и среднего предпринимательства в решении региональных проблем занятости и безработицы/ [Электронный ресурс]. – <https://cyberleninka.ru/>

15 [Электронный ресурс]. – www.stat.gov.kz

16 **Захарова Н. В., Лабудин, А. В.** Малое и среднее предпринимательство в европейских странах: основные тенденции развития// Управленческое консультирование. – 2017. – № 12. – С. 64–77; С. 67

Материал поступил в редакцию 30.11.18.

Н. А. Урузбаева¹, Қ. Т. Сапаров²

Қазақстанда кәсіпкерліктің әлеуметтік қызметін жүзеге асыру

^{1,2} Экономика факультеті,

Л. Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті,

Астана қ., 010000, Қазақстан Республикасы.

Материал баспаға 30.11.18 түсті.

N. A. Uruzbayeva¹, K. T. Saparov²**Realization of social function of entrepreneurship in Kazakhstan**^{1,2}Faculty of Economics,L. N. Gumilyev Eurasian National University,
Astana, 010000, Republic of Kazakhstan.

Material received on 30.11.18.

Бұл мақалада халықты жұмыспен қамтамасыз етудің сұрақтары кәсіпкерліктің маңызды әлеуметтік қызметі қарастырылады. Экономика саласында кәсіпкерліктің әлеуметтік ролі туралы отандық және шетелдік ғалымдардың көзқарастарына қысқаша сипаттама берілген. Қазақстан қоғамындағы және шетелдердегі жұмыспен қамту динамикасына салыстырмалы талдау жасалынып, кіші және орта бизнеске әсері жайында сөз болады. Талдау нәтижелері қазіргі уақытта шағын және орта кәсіпкерліктің ролі жұмыспен қамтамасыз етуде жеткіліксіз екендігі, сонымен қатар оның нақты себептері анықталды.

Еліміздің экономикасында кәсіпкерліктің әлеуметтік функцияларын арттыру мақсатында мемлекеттік қолдау мен шағын және орта бизнесті ынталандыруда авторлар біршама ұсыныстарды атап көрсеткен.

This paper examines the issues of providing employment as the most important social function of entrepreneurship. A brief evolution of the views of domestic and foreign scientists on the social role of the business sector in the economy is given. A comparative analysis of the dynamics of employment in Kazakhstan society and foreign countries is given from the standpoint of the influence of small and medium-sized businesses on it. The results of the analysis are the conclusion about the currently insufficient role of SMEs in providing employment in the Republic of Kazakhstan, as well as identifying the reasons for this. To enhance the social function of entrepreneurship in the country's economy, the authors offer some recommendations on government support and stimulation of small and medium-sized businesses.

**ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ ПГУ ИМЕНИ С. ТОРАЙГЫРОВА
«ВЕСТНИК ПГУ», «НАУКА И ТЕХНИКА КАЗАХСТАНА»,
«КРАЕВЕДЕНИЕ»**

Редакционная коллегия просит авторов руководствоваться следующими правилами при подготовке статей для опубликования в журнале.

Научные статьи, представляемые в редакцию журнала должны быть оформлены согласно базовым издательским стандартам по оформлению статей в соответствии с ГОСТ 7.5-98 «Журналы, сборники, информационные издания. Издательское оформление публикуемых материалов», пристатейных библиографических списков в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления».

**Статьи должны быть оформлены в строгом соответствии
со следующими правилами:**

– В журналы принимаются статьи по всем научным направлениям в 1 экземпляре, набранные на компьютере, напечатанные на одной стороне листа с полями 30 мм со всех сторон листа, электронный носитель со всеми материалами в текстовом редакторе «Microsoft Office Word (97, 2000, 2007, 2010) для WINDOWS».

– Общий объем статьи, включая аннотации, литературу, таблицы, рисунки и математические формулы не должен превышать **12 страниц печатного текста**. *Текст статьи: кегль – 14 пунктов, гарнитура – Times New Roman (для русского, английского и немецкого языков), KZ Times New Roman (для казахского языка).*

Статья должна содержать:

- 1 **ГРНТИ** (Государственный рубрикатор научной технической информации);
- 2 **Инициалы и фамилия** (-и) автора (-ов) – на казахском, русском и английском языках (*прописными буквами, жирным шрифтом, абзац 1 см по левому краю, см. образец*);
- 3 **Ученую степень, ученое звание;**
- 4 **Аффилиация** (факультет или иное структурное подразделение, организация (место работы (учебы)), город, страна, почтовый индекс) – на казахском, русском и английском языках;
- 5 **E-mail;**
- 6 **Название статьи** должно отражать содержание статьи, тематику и результаты проведенного научного исследования. В название статьи необходимо вложить информативность, привлекательность и уникальность (*не более 12 слов, заглавными прописными буквами, жирным шрифтом, абзац 1 см по левому краю, на трех языках: русский, казахский, английский, см. образец*);
- 7 **Аннотация** – краткая характеристика назначения, содержания, вида, формы и других особенностей статьи. Должна отражать основные и ценные, по мнению автора, этапы, объекты, их признаки и выводы проведенного исследования. Дается на казахском, русском и английском языках (*рекомендуемый объем аннотации – не менее 100 слов, прописными буквами, нежирным шрифтом 12 кегль, абзацный отступ слева и справа 1 см, см. образец*);
- 8 **Ключевые слова** – набор слов, отражающих содержание текста в терминах объекта, научной отрасли и методов исследования (*формируются на языке публикуемого материала: кегль – 12 пунктов, курсив, отступ слева-справа – 3 см.*). Рекомендуемое количество ключевых слов – 5-8, количество слов внутри ключевой фразы – не более 3.

Задаются в порядке их значимости, т.е. самое важное ключевое слово статьи должно быть первым в списке (см. образец);

9 Основной текст статьи излагается в определенной последовательности его частей, включает в себя:

– слово ВВЕДЕНИЕ / КІРІСПЕ / INTRODUCTION (нежирными заглавными буквами, шрифт 14 кегль, в центре см. образец).

Необходимо отразить результаты предшествующих работ ученых, что им удалось, что требует дальнейшего изучения, какие есть альтернативы (если нет предшествующих работ – указать приоритеты или смежные исследования). Освещение библиографии позволит отгородиться от признаков заимствования и присвоения чужих трудов. Любое научное изыскание опирается на предыдущие (смежные) открытия ученых, поэтому обязательно ссылаться на источники, из которых берется информация. Также можно описать методы исследования, процедуры, оборудование, параметры измерения, и т.д. (не более 1 страницы).

– слова ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ / НЕГІЗГІ БӨЛІМ / MAIN PART (нежирными заглавными буквами, шрифт 14 кегль, в центре).

Это отражение процесса исследования или последовательность рассуждений, в результате которых получены теоретические выводы. В научно-практической статье описываются стадии и этапы экспериментов или опытов, промежуточные результаты и обоснование общего вывода в виде математического, физического или статистического объяснения. При необходимости можно изложить данные об опытах с отрицательным результатом. Затраченные усилия исключают проведение аналогичных испытаний в дальнейшем и сокращают путь для следующих ученых. Следует описать все виды и количество отрицательных результатов, условия их получения и методы его устранения при необходимости. Проводимые исследования предоставляются в наглядной форме, не только экспериментальные, но и теоретические. Это могут быть таблицы, схемы, графические модели, графики, диаграммы и т.п. Формулы, уравнения, рисунки, фотографии и таблицы должны иметь подписи или заголовки (не более 10 страниц).

– слово ВЫВОДЫ / ҚОРЫТЫНДЫ / CONCLUSION (нежирными заглавными буквами, шрифт 14 кегль, в центре).

Собираются тезисы основных достижений проведенного исследования. Они могут быть представлены как в письменной форме, так и в виде таблиц, графиков, чисел и статистических показателей, характеризующих основные выявленные закономерности. Выводы должны быть представлены без интерпретации авторами, что дает другим ученым возможность оценить качество самих данных и позволит дать свою интерпретацию результатов (не более 1 страницы).

10 Список использованных источников включает в себя:

слово СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ / ПАЙДАЛАНҒАН ДЕРЕКТЕР ТІЗІМІ / REFERENCES (Нежирными заглавными буквами, шрифт 14 кегль, в центре).

Очередность источников определяется следующим образом: сначала последовательные ссылки, т.е. источники на которые вы ссылаетесь по очередности в самой статье. Затем дополнительные источники, на которых нет ссылок, т.е. источники, которые не имели место в статье, но рекомендованы вами для кругозора читателям, как смежные работы, проводимые параллельно. Рекомендуемый объем не более чем из 20 наименований (ссылки и примечания в статье обозначаются сквозной нумерацией и заключаются в квадратные скобки). Статья и список литературы должны быть оформлены в соответствии с ГОСТ 7.5-98; ГОСТ 7.1-2003 (см. образец).

11 Иллюстрации, перечень рисунков и подрисовочные надписи к ним представляют по тексту статьи. В электронной версии рисунки и иллюстрации представляются в формате TIF или JPG с разрешением не менее 300 dpi.

12 Математические формулы должны быть набраны в Microsoft Equation Editor (каждая формула – один объект).

На отдельной странице (после статьи)

В бумажном и электронном вариантах приводятся полные почтовые адреса, номера служебного и домашнего телефонов, e-mail (для связи редакции с авторами, не публикуются);

Информация для авторов

Все статьи должны сопровождаться **двумя рецензиями** доктора или кандидата наук для всех авторов. Для статей, публикуемых в журнале «Вестник ПГУ» химико-биологической серии, требуется экспертное заключение.

Редакция не занимается литературной и стилистической обработкой статьи.

При необходимости статья возвращается автору на доработку. За содержание статьи несет ответственность Автор.

Статьи, оформленные с нарушением требований, к публикации не принимаются и возвращаются авторам.

Датой поступления статьи считается дата получения редакцией ее окончательного варианта.

Статьи публикуются по мере поступления.

Периодичность издания журналов – четыре раза в год (ежеквартально).

Статью (бумажная, электронная версии, оригиналы рецензий и квитанции об оплате) следует направлять по адресу:

140008, Казахстан, г. Павлодар, ул. Ломова, 64,

Павлодарский государственный университет имени С. Торайгырова, Издательство «Кереку», каб. 137.

Тел. 8 (7182) 67-36-69, (внутр. 1147).

E-mail: kereku@psu.kz

www.vestnik.psu.kz

Оплата за публикацию в научном журнале составляет **5000 (Пять тысяч) тенге.**

Наши реквизиты:

РГП на ПХВ Павлодарский
государственный университет имени
С. Торайгырова
РНН 451800030073
БИН 990140004654
АО «Цеснабанк»
ИИК KZ57998FTB00 00003310
БИК TSESKZK A
Кбе 16
Код 16
КНП 861

РГП на ПХВ Павлодарский
государственный университет имени
С. Торайгырова
РНН 451800030073
БИН 990140004654
АО «Народный Банк Казахстана»
ИИК KZ156010241000003308
БИК HSBKZKX
Кбе 16
Код 16
КНП 861

ОБРАЗЕЦ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ:

ГРНТИ 39.31.32

А. Б. Есімова

к.п.н., доцент, Гуманитарно-педагогический факультет, Международный Казахско-Турецкий университет имени Х. А. Ясави, г. Туркестан, Республика Казахстан, 161200
e-mail: ad-ad_n@mail.ru

**СЕМЕЙНО-РОДСТВЕННЫЕ СВЯЗИ
КАК СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ В РЕАЛИЗАЦИИ
РЕПРОДУКТИВНОГО МАТЕРИАЛА**

В статье рассматриваются вопросы, связанные с кодификацией норм устной речи в орфоэпических словарях, являющихся одной из отраслей ортологической лексикографии. Проводится анализ составления первых орфоэпических словарей, говорится о том, что в данных словарях большее внимание уделяется устной орфографии в традиционном применении, а языковые нормы устной речи остались вне внимания. Также отмечается, что нормы устной речи занимают особое место в языке программ средств массовой информации, таких как радио и телевидение, и это связано с тем, что диктор читает свой текст в микрофон четко по бумажке. В статье также выявлены отличия устной и письменной речи посредством применения сравнительного метода, и это оценивается как один из оптимальных способов составления орфоэпических словарей.

Ключевые слова: репродуктивное поведение, семейно-родственные связи.

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время отрасль мобильной робототехники переживает бурное развитие. Постепенно среда проектирования в области мобильной ...

Продолжение текста

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

На современном этапе есть тенденции к стабильному увеличению студентов с нарушениями в состоянии здоровья. В связи с этим появляется необходимость корректировки содержания учебно-тренировочных занятий по физической культуре со студентами, посещающими специальные медицинские группы в...

Продолжение текста публикуемого материала

ВЫВОДЫ

В этой статье мы представили основные спецификации нашего мобильного робототехнического комплекса...

Продолжение текста

Пример оформления таблиц, рисунков, схем:

Таблица 1 – Суммарный коэффициент рождаемости отдельных национальностей

	СКР, 1999 г.	СКР, 1999 г.
Всего	1,80	2,22

Диаграмма 1 - Показатели репродуктивного поведения

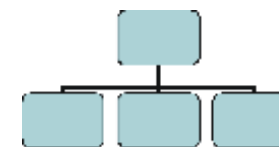
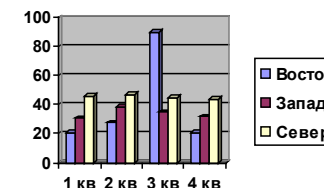

Рисунок 1 – Социальные взаимоотношения

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1 Эльконин, Д. Б. Психология игры [Текст] : научное издание / Д. Б. Эльконин. – 2-е изд. – М. : Владос, 1999. – 360 с. – Библиогр. : С. 345–354. – Имен. указ. : С. 355–357. – ISBN 5-691-00256-2 (в пер.).
 2 Фришман, И. Детский оздоровительный лагерь как воспитательная система [Текст] / И. Фришман // Народное образование. – 2006. – № 3. – С. 77–81.
 3 Антология педагогической мысли Казахстана [Текст] : научное издание / сост. К. Б. Жарикбаев, сост. С. К. Калиев. – Алматы : Рауан, 1995. – 512 с. : ил. – ISBN 5625027587.
 4 http://www.mari-el.ru/mmlab/home/AI/4/#part_0.

А. Б. Есімова

Отбасылық-туысты қатынастар репродуктивті мінез-құлықты жүзеге асырудағы әлеуметтік капитал ретінде

Гуманитарлық-педагогикалық факультеті,
Қ. А. Ясави атындағы Халықаралық Қазақ-Түрік университеті,
Түркістан қ., Қазақстан Республикасы.

A. B. Yesimova

The family-related networks as social capital for realization of reproductive behaviors

Faculty of Humanities and Education,
K. A. Yesevi International Kazakh-Turkish University,
Turkestan, Republic of Kazakhstan.

Мақалада ортологиялық лексикографияның бір саласы – орфоэпиялық сөздіктердегі ауызша тіл нормаларының кодификациялануымен байланысты мәселелер қарастырылады. Орфоэпиялық сөздік құрастырудың алғашқы тәжірибелері қалай болғаны талданып, дәстүрлі қолданыстағы ауызша емлесімен, әсіресе мектеп өмірінде жазба сөзге ерекше көңіл бөлініп, ал ауызша сөздің тілдік нормалары назардан тыс қалғаны айтылады. Сонымен қатар ауызша сөз нормаларының бұқаралық ақпарат құралдары – радио, телевизия хабарлары тілінде ерекше орын алуы микрофон алдында диктордың сөзді қағаз бойынша нақпа-нақ, тақпа-тақ айтуымен байланысты екені атап көрсетіледі. Сөздікте ауызша сөзбен жазба сөздің салғастыру тәсілі арқылы олардың айырмасын айқындалғаны айтылып, орфоэпиялық сөздік құрастырудың бірден-бір оңтайлы жолы деп бағаланады.

The questions, related to the norms of the oral speech codification in pronouncing dictionary are the one of the Orthologous Lexicography field, are examined in this article. The analysis of the first pronouncing dictionary is conducted, the greater attention in these dictionaries is spared to verbal orthography in traditional application, and the language norms of the oral speech remained without any attention. It is also marked that the norms of the oral speech occupy the special place in the language of media programs, such as radio and TV and it is related to that a speaker reads the text clearly from the paper. In the article the differences of the oral and writing language are also educed by means of application of comparative method and it is estimated as one of optimal methods of the pronouncing dictionary making.

Теруге 30.11.2018. ж. жіберілді. Басуға 05.12.2018 ж. қол қойылды.

Пішімі 70x100 ¹/₁₆. Кітап-журнал қағазы.

Шартты баспа табағы 13,06.

Таралымы 300 дана. Бағасы келісім бойынша.

Компьютерде беттеген: М. А. Шрейдер

Корректорлар: А. Р. Омарова, Д. А. Жумабекова

Тапсырыс № 3351

Сдано в набор 30.11.2018 г. Подписано в печать 05.12.2018 г.

Формат 70x100 ¹/₁₆. Бумага книжно-журнальная.

Усл.печ.л. 13,06. Тираж 300 экз. Цена договорная.

Компьютерная верстка: М. А. Шрейдер

Корректоры: А. Р. Омарова, Д. А. Жумабекова

Заказ № 3351

«КЕРЕКУ» баспасынан басылып шығарылған

С. Торайғыров атындағы

Павлодар мемлекеттік университеті

140008, Павлодар қ., Ломов к., 64, 137 каб.

«КЕРЕКУ» баспасы

С. Торайғыров атындағы

Павлодар мемлекеттік университеті

140008, Павлодар қ., Ломов к., 64, 137 каб.

8 (7182) 67-36-69

e-mail: kereku@psu.kz

www.vestnik.psu.kz